This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 994,105

2086
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES

M-2
C-4
136 111
KJ

2085

Reusner, Mikhail Andreevich,
1952.

Въ Прибалтійскомъ краѣ.

Эсты и Латыши,

ихъ исторія и бытъ.

Сборникъ статей подъ редакціей
проф. *М. А. Рейснеръ.*

Москва 1916.

DK
511
.E5
R44

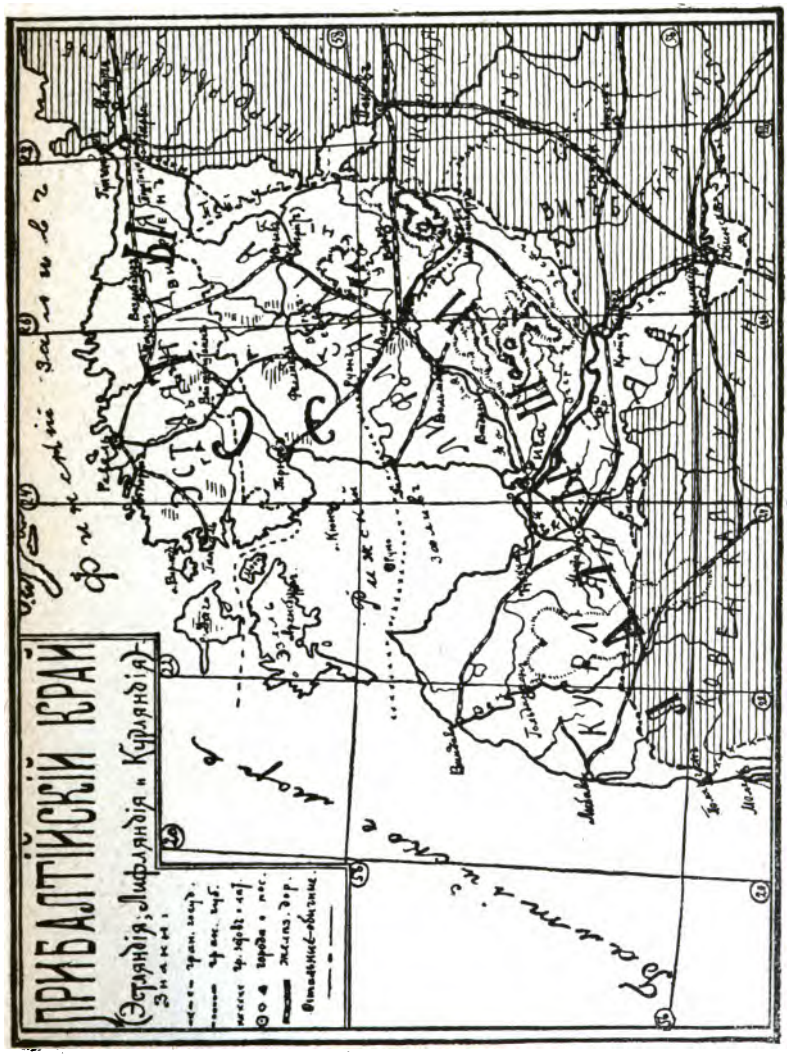
Сергіевъ посадъ, Моск. губ. Типографія И. И. Иванова.

Stacks
Epch
St Pub Hist Lib
7-18-73
1012974-293

ОГЛАВЛЕНІЕ.

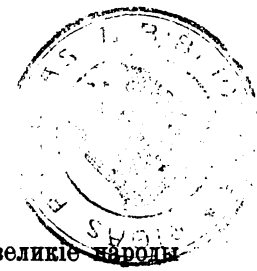
	Стр.
Карта Прибалтійскаго края	V—VI
Отъ издателей.	VII—XII
Указатель литературы	XIII—XVI
Проф. М. А. Рейснеръ, Нѣмцы и балтійская культура	1—55
Р. Эліасеръ, Роль дворянъ въ мѣстномъ самоуправленіи Прибалтійскаго края . . .	56—104
Э. Дубосарскій, Нѣсколько словъ о судѣ присяжныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ . . .	105—113
К. Ландеръ, Очеркъ развитія аграрнаго строя Латвіи и Эстоніи	114—144
П. Семеновъ, Эсты (культурно-историческій очеркъ)	145—174
П. Рубель, О соціально-политическихъ стремленіяхъ эстской интеллигенціи	175—189
К. Ландеръ, Латышская интеллигенція и ея соціальныя стремленія.	190—208
И. Лапинъ, Экономическіе и культурные успѣхи латышскаго народа	209—225
Senex, Латышская народная школа	226—243
С. Золотаревъ, 10 лѣтъ въ Прибалтійской школѣ.	244—259
Проф. И. Бодуенъ-де-Куртенэ, Дерптъ—Юрьевъ (къ вопросу о равноправіи)	260—272
Скуенекъ, Прибалтійскій край. (Географико-статистическій очеркъ	273—285
Замѣченныя опечатки	286—287

Карта Прибалтійскаго края.



Къ свѣдѣнію читателя.—Издатели могли дать здѣсь только эту маленькую карту. Кто пожелалъ бы большаго, тому мы можемъ рекомендовать пріобрѣсти себѣ спеціальную подробную карту Прибалтійскихъ губерній, изданную книжнымъ магазиномъ *К. А. Раагъ* въ г. Юрьевѣ, Лифл. губ. (цѣна ей 25 коп.).

Издат. Комиссія.



ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Міровая война, столкнувшая между собою великіе народы Европы, особенно больно отразилась на народахъ маленькихъ. Мы всѣ знаемъ и оплакиваемъ печальную долю Бельгіи, Польши и Литвы, а также Сербіи и Черногоріи. Нѣсколько меньше, но все-же очень серьезно войной задѣтъ Прибалтійскій край и его коренные обитатели—*эсты и латыши.*

До войны о Прибалтійскомъ краѣ русское общество знало чрезвычайно мало. Особенно смутны были свѣдѣнія объ ея обитателяхъ. Большинство было увѣрено, что тамъ живутъ только одни нѣмцы. Правда, въ учебникахъ географіи говорилось, что тамъ живутъ еще какіе-то латыши и эсты. Но кто они и что̀ они—оставалось обычно темнымъ. Чаще всего слыхавшіе объ эстахъ и латышахъ считали ихъ какими-то германскими племенами. Поэтому, когда къ Либавѣ подошелъ нѣмецкій флотъ, а по Курляндіи стали продвигаться вражескія арміи, въ русскомъ обществѣ появилась очень понятная тревога. Что-то тамъ будетъ?—спрашивали себя многіе. Какъ отнесется къ воюющимъ мѣстное населеніе, въ массѣ состоящее, какъ полагали, именно изъ нѣмцевъ? Вспомнили тутъ, что еще со временъ кн. Шаховскаго въ Петроградѣ усердно говорилось о сепаратистическихъ стремленіяхъ эстовъ и латышей. Вспомнили также, что въ 1905 г. ходили смутные слухи о какихъ-то республикахъ и кандидатахъ въ президенты. Словомъ, вспоминали очень многое и въ душѣ опасались всего самаго дурного.

Общую тревогу очень усиливали еще шедшія откуда-то странныя свѣдѣнія: говорили о какихъ-то таинственныхъ вышкахъ, о полетахъ аэроплановъ, объ управляющихъ—офи-

церахъ нѣмецкой арміи и пр. Общество русское всюду начало сильно волноваться. Чтобы сколько-нибудь выяснить положеніе, большія столичныя газеты стали отправлять въ Прибалтійскій край соглядатаевъ. Посланные должны были на мѣстѣ посмотрѣть на все, о чемъ говорилось, узнать тамошнихъ людей, уловить ихъ дѣйствительное настроеніе и т. д.

Соглядатаи поѣхали и посмотрѣли. Скоро въ газетахъ стали появляться результаты ихъ наблюденій. Г. Ренниковъ пришелъ къ выводу, что Прибалтійскій край —„Страна чудесъ“. Въ рядѣ статей онъ указывалъ обществу, что сепаратисты въ краѣ не эсты и латыши, а сами господа бароны—небольшая кучка всесильныхъ магнатовъ, держащихъ страну въ сѣтяхъ обмана и своеволія. Врагу сочувствуютъ и стараются тайно или даже явно помочь только послѣдніе, а эсты и латыши, наоборотъ, всячески имъ въ этомъ мѣшаютъ, зорко слѣдя за каждымъ ихъ шагомъ. То же самое, по существу, наблюдалъ и г. Купринъ, посланный въ край редакціей „Русскаго Слова“. Нѣсколько иное увидѣлъ посланецъ „Рус. Вѣд.“ г. Іорданскій. Побывавъ недолго въ Лифляндіи, поглядѣвъ на нее чрезъ окно вагона, онъ поднесъ обществу рядъ статей совсѣмъ иного характера. Нѣмцы—бароны, властители въ краѣ, выставлялись въ нихъ невинно униженными и оскорбленными, чуть не несчастными страдальцами. Выходило, что на барововъ возводятъ напраслину, что ихъ, беззащитныхъ, обижаютъ, незаслуженно бросаютъ въ нихъ грязью и т. д. Вообще, г. Іорданскій старался всячески поколебать достовѣрность показаній другихъ наблюдателей.

„Русскія Вѣдомости“—органъ очень серьезный и всѣми уважаемый. Поэтому, появленіе въ немъ такихъ статей произвело, кажется, даже и на чисто русское общество впечатлѣніе чего-то страннаго. Что же касается колоній эстовъ и латышей въ Москвѣ, то ихъ эти статьи очень поразили, а многихъ крайне возмутили. Возникшіе вскорѣ споры и взаимные упреки газетъ ничего не измѣнили. Было ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ незнаніемъ и предразсудками,

исправить которые газетная статья вообще не въ силахъ. Вотъ почему нѣкоторые изъ эстовъ и латышей скоро пришли къ мысли, что надо-де намъ самимъ взяться за дѣло и попытаться составить и издать сборникъ серьезныхъ статей, чтобы ознакомить русское общество со своимъ краемъ.

Мысль о сборникѣ всѣмъ очень понравилась и скоро получила широкое распространеніе. Особенно живо откликнулись на нее мѣстныя общества, состоящія изъ интеллигентныхъ эстовъ и латышей. Для изданія сборника была образована спеціальная комиссія съ широкими полномочіями. Пошли засѣданія, переговоры и переписка съ желательными авторами статей. Довольно быстро дѣло стало налаживаться. Предложенія комиссіи встрѣчали большое вниманіе, и авторы охотно брались за разработку предложенныхъ темъ. Кромѣ эстовъ и латышей, статьи для сборника взялись писать также и иныя лица, жившія въ Прибалтійскомъ краѣ и знакомыя съ его жизнью и бытомъ. Особенно внимателенъ былъ къ комиссіи проф. *М. А. Рейснеръ*. Онъ не только далъ статью для сборника, но очень любезно согласился взять на себя еще и общее редактированіе всего сборника. За всю эту любезность и вниманіе издатели и ему и другимъ авторамъ очень-очень благодарны.

Какъ всегда бываетъ, и съ этимъ сборникомъ далеко не все такъ устроилось, какъ издателямъ хотѣлось. Прежде всего, подборъ статей совсѣмъ не тотъ, который имѣлся въ виду: однѣхъ комиссія не могла получить, другія требовались обратно, а отъ нѣкоторыхъ комиссіи пришлось отказаться по чисто внѣшнимъ причинамъ. Далѣе, не могъ быть сохраненъ при печатаніи первоначальный планъ или расположеніе статей, такъ какъ не всѣ статьи поступали въ комиссію въ свое время. Наконецъ, по разнымъ причинамъ сильно измѣнилось самое время выхода сборника: книга выходитъ почти ровно на годъ позже, чѣмъ раньше предполагалось.

Какъ бы тамъ ни было, всѣ трудности теперь побѣждены, и предъ Вами, читатель, эта книга—мрачная повѣсть о жизни и страданіяхъ прибалтійскихъ туземцевъ. Какая-же наша

цѣль? Чего вы хотите—спроситъ насъ русскій читатель. Мы бы на это отвѣтили, что цѣль наша, коротко говоря, вотъ какая: *ознакомить русское общество съ нами—эстами и латышами.* Предлагать обществу эти статьи насъ заставляютъ, прежде всего, чисто практическія, житейскія соображенія. Какъ уже упомянуто, насъ почти насильно отожествляютъ съ нѣмцами. Не только русскіе простолюдины, но даже интеллигенты твердо убѣждены, что эсты и латыши—самые настоящіе нѣмцы. Всюду насъ теперь, поэтому, встрѣчаютъ съ недовѣріемъ, а въ русскихъ деревняхъ наши бѣженцы совсѣмъ не находятъ пріюта. Еще недавно, въ концѣ янв. 1916 г., читали мы въ газетахъ, что деп. Гольдману пришлось ходатайствовать предъ министромъ, чтобы вмѣстѣ съ нѣмцами-колонистами изъ Волыни не высылали и латышей, которыхъ мѣстныя власти не различаютъ.

Понятно, что такое отожествленіе съ нѣмцами насъ очень тяготитъ. Поэтому, намъ хочется, чтобы русскіе люди, прочитавъ предлагаемыя статьи, прежде всего, убѣдились изъ нихъ въ томъ, что съ нѣмцами и вообще съ германскими племенами эсты и латыши не имѣютъ рѣшительно ничего общаго. Тутъ нѣтъ никакого племенного сродства. Наоборотъ, гораздо больше сродства въ этнографическомъ отношеніи у насъ съ самими русскими. Латыши—племя литовское, довольно близкое къ полякамъ, и входящее въ составъ такъ называемыхъ балтійскихъ славянъ. Проф. *Поржезинскій* на основаніи филологическихъ данныхъ сближаетъ ихъ еще больше: онъ говоритъ объ общемъ *балтійско-славянскомъ* праязыкѣ, изъ котораго вышелъ и языкъ латышскій, частнѣе относимый имъ къ группѣ балтійскихъ языковъ (не-германскихъ, см. Введ. въ языков., М. 1910, гл. III, стр. 45 и 49). Что касается эстовъ, то они—не славяне, но и не германцы. Эстскій народъ составился изъ мелкихъ финскихъ племенъ, входя этнографически въ составъ общаго угро-финскаго племени монгольской расы, очень далекой, конечно, отъ всего германскаго. Поскольку само *великорусское* племя выработалось, по изслѣдованію проф. *Ключевскаго,* изъ смѣшенія восточныхъ славянъ съ

финскими племенами, эсты могутъ считать себя скорѣе нѣсколько сродными съ племенемъ великорусскимъ (см. Ключевскій, Крат. пос., М. 1908, стр. 55—58 и Курсъ рус. ист., ч. I, лек. XVII, стр. 362—382). Во всякомъ случаѣ, съ нѣмцами или съ германскими племенами эсты и латыши имѣютъ этнографически не больше общаго, чѣмъ русскіе съ татарами и турками, съ которыми они исторически соприкасались.

Еще больше намъ хочется, чтобы и по духу насъ никакъ не считали за нѣмцевъ. Статьи, излагающія исторію отношенія къ намъ нѣмцевъ, ихъ непрерывныя звѣрства и невѣроятный гнетъ, должны показать читателю, насколько вообще невѣроятны и психологически невозможны для эста и латыша сепаратизмъ, германофильство или вообще пристрастіе къ нѣмецкому языку и духу. Совсѣмъ уже ясно покажутъ все это статьи, характеризующія культурную жизнь и современныя стремленія наиболѣе сознательной части эстскаго и латышскаго народа, т. е. нашей интеллигенціи. Нигдѣ читатель не увидитъ никакой приверженности къ германскому. Наоборотъ, вдумавшись въ рядъ излагаемыхъ фактовъ, онъ къ своему удивленію увидитъ, что даже очень упорная попытка *германизаціи*, предпринятая нѣмцами въ XIX вѣкѣ, частью до послѣдняго времени поддерживавшаяся мѣропріятіями правительства, все-таки оказалась не въ силахъ сдѣлать эстовъ и латышей нѣмцами. Правда, эта попытка вырвала изъ рядовъ эстовъ и латышей много членовъ: она превратила часть интеллигенціи и мѣщанъ въ полунѣмцевъ (отщепенцевъ) и этимъ нѣсколько увеличила числомъ и улучшила качествомъ колонію нѣмцевъ въ Балтикѣ. Но все же въ массѣ своей народы эстскій и латышскій остались цѣлыми. Насилія и притѣсненія германизаторовъ повели только къ пробужденію инстинкта самосохраненія, къ зарожденію національнаго самосознанія эстовъ и латышей и къ крайне упорной борьбѣ съ нѣмцами за національную самобытность и цѣльность,—все это при помощи русскихъ и русской культуры.

Эсты и латыши счастливы и горды сознаніемъ, что настоящая ужасная и кровавая война дала имъ возможность пока-

зать дѣйствительное свое настроеніе и на боевомъ фронтѣ стать плечомъ къ плечу съ русскими героями противъ исконныхъ своихъ враговъ и порабoтителей—нѣмцевъ. Тяжело намъ нести бремя этой войны, которая уже захватила и разорила значительную часть области латышей, выбросивъ ихъ самихъ за предѣлы дорогой родины. Съ ужасомъ и содроганіемъ слѣдимъ мы за борьбой на Двинѣ, опасаясь ежеминутно, какъ бы та же печальная участь не постигла и остальную часть родины латышей и пока еще нетронутую территорію эстовъ. Но вѣримъ въ силу и мощь великаго русскаго народа, съ довѣріемъ прижимаемся къ его богатырскому стану, надѣясь, что съ Божіей помощью ему удастся, наконецъ, нанести надлежащій ударъ гордому нѣмцу. Пока же намъ хотѣлось бы, чтобы и здѣсь въ тылу мы могли свободно и безъ опасеній обращаться къ щедро дающей рукѣ русскаго общества. Хотѣлось бы, чтобы несчастныхъ нашихъ бѣженцевъ не отгоняли отъ дверей, считая ихъ нѣмцами, или видя въ нихъ какихъ-то сепаратистовъ, заговорщиковъ, революціонеровъ и т. п. Пусть русскіе люди, подающіе помощь бѣженцамъ—латышамъ или эстамъ, не опасаются въ душѣ, что, быть можетъ, эта помощь пойдетъ во вредъ себѣ и на пользу врагамъ, а пусть оказываютъ они ее съ полнымъ довѣріемъ, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній.

Итакъ, пусть исчезнутъ окончательно предубѣжденія русскихъ относительно эстовъ и латышей, и пусть разсѣется созданный нѣмцами туманъ, раздѣлявшій насъ до сихъ поръ отъ русскаго общества. Пусть непосредственное соприкосновеніе эстовъ и латышей съ русскими, начавшееся на фронтѣ, проникнетъ дальше въ тылъ и создастъ тамъ такое же доброжелательное отношеніе къ бѣженцамъ и къ колонистамъ изъ эстовъ и латышей, какое встрѣчаютъ сейчасъ латышскіе батальоны. Если настоящему сборнику удастся хоть отчасти этому посодѣйствовать, то задача его будетъ исполнена, и труды его издателей вознаграждены съ лихвой.

Издательская комиссія.

Указатель литературы [1])

I. Общіе вопросы.

Вего. Прибалтійская смута. ПГ., 1906.

Виграбъ Г. И. Прибалтійскіе нѣмцы. Юрьевъ 1916.

Воронинъ, А. Принципы Прибалтійской жизни. Ревель, 1891 г.

Кречетовъ, П. Черты общественной жизни въ Прибалтійскомъ краѣ. „Русское Богатство“ 1896 г. IX.

Мансыревъ, кн. С. П. Помѣстное сословіе въ Прибалтійскомъ краѣ. Его происхожденіе, развитіе и настоящее положеніе. „Труды Юрид. О-ва при Имп. Петрогр. Универ. т. VIII (второе полугодіе 1913 г.). ПГ. 1914 г.

Предкальнъ, А. Старый споръ (Письмо изъ Прибалтійскаго края). „Совр. Міръ“ февраль 1911 г.

Рейснеръ-Реусъ, М. „Мы, Балты“ (Письмо изъ Германіи). „Русское Богат.“. 1906 г. IV (іюнь).

Троицкій, В. Прибалтійская Окрайна. (Политика.—Соціальныя нужды.—Національныя отношенія.—Задачи русской государственности). „Русская Мысль“ 1911 г. № 8.

Флеровскій, И. Въ краю феодальныхъ бароновъ. „Современникъ“ 1915 г. январь.

II. Аграрный вопросъ.

Agthe, A. D-r. Ursprung und Lage der Landarbeiter in Livland. XXIX Ergänzungsheft der. Zeitschrift f. die gesammte Staatswissenschaft. Tübingen, стр. XII+158.

---

[1]) Литература по затронутымъ въ сборникѣ вопросамъ очень обширна и богата, въ особенности на нѣмецкомъ языкѣ. Дать исчерпывающій матеріалъ, поэтому, нѣтъ никакой возможности. Цѣль предлагаемаго указателя весьма скромная: указать болѣе современную литературу, включая сюда и журнальныя статьи.

Bodisco, E. v. Bauerland-Verkanf in Estland und Materialen zur Agrarstatistik Estlands. Reval. 1902.

Богушевскій, С. К. проф. Къ вопросу объ оцѣнкѣ земель въ Лифляндской губерніи. Юрьевъ 1905 г.

Бордоносъ, Н. И. Основы поземельныхъ отношеній въ Лифляндской губерніи. Могилевъ н/Дн. 1897 г.

Владиславлевъ, В. М. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи. „Журн. М. Нар. Пр.“ 1894 г. августъ.

Gernet, A. v. Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland. Reval 1901.

Земцевъ, В. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи. Рига 1907 г.

Его же. О квотной землѣ въ Лифляндіи. Рига 1913 г.

Campenhausen-Loddiger v. Baron E. Ein Beitrag zur Agrarstatistik der Rittergütter, des Kleingrundbesitzes und der Widmen in Livland. Riga, 1913.

— Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи. „Сѣверный Вѣстн.“. 1891 г. №№ 7, 8, 9.

Ландеръ, К. Крестьянскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ во II половинѣ XIX столѣтія.

— Исторія Россіи въ XIX в., т. V, гл. IV, стр. 164—181.

Лудмеръ, Я. Экономическіе очерки Курляндской губерніи. Митава, 1897 г.

Müller, O. Das livländische Agrargesetzgebung. Riga, 1892.

Н. М. Крестьянское дѣло въ Лифляндской губерніи. „Вѣстн. Европы“, 1906 г. XII.

Tobien, A. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19 jahrhundert. Riga, 1911.

Тобинъ, А. Э. Аграрный строй материковой части Лифляндской губерніи. Рига, 1906 г.

Троицкій, В. Поземельный вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ. „Вѣстн. Европы“, 1912 г. IX.

Харузинъ, А. Крестьянское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи по даннымъ 1892—94 г.г. Ревель, 1895 г.

Hollmann, H. Kurlands Agrarverhältniss. Riga, 1893.

Eisenschmidt, A. D-r. Der Kleingrundbesitz des Kreisen Dorpat.

III. Кооперація.

Д. Данныя о латышскихъ потребительныхъ об-вахъ. „Вѣстн. Кооперації". 1912 г. VI.

Кенце, Р. Кооперативныя маслод. заводы Прибалт. края. „Вѣстн. С—Х". 1915 г. №№ 41—42.

Миролюбовъ, П. А. Сельско-хозяйств. кооперація среди латышей въ Приб. краѣ. Труды Перваго Всеросс. Съѣзда дѣятелей по мелкому кредиту и с.-х. кооперації въ СПБ. 11—16 марта 1912.

Троицкій, В. Мелкій кредитъ въ Прибалтійскомъ краѣ. „Экономистъ Россіи", 1910 г. № 49.

IV. Мѣстное самоуправленіе.

Александровъ, А. Феодальное земство. Рига, 1896 г.

(Бергъ, А.) Земское хозяйство Прибалтійскаго края. ПГ. 1908 г.

Захватъ дворянскими учрежденіями управленія земскими дѣлами Прибалтійскаго края. Краткій очеркъ столѣтней попытки русскаго правительства упорядочить земское дѣло въ Прибалтійскомъ краѣ. На правахъ рукописи. Ревель, 1914 г.

Земское устройство Прибалтійскихъ губерній ПГ. 1860 г.

Земцевъ, В. Къ вопросу о земскомъ самоуправленіи въ Прибалтійскомъ краѣ. Рига, 1909 г.

Зиновьевъ, М. Прибалтійское земство. Рига, 1895 г.

Ландеръ, К. Городъ и городское самоуправленіе въ Прибалтійскомъ краѣ. Исторія Россіи въ XIX в., т. IV, стр. 29—43.

Лудмеръ, Я. Феодальное земство. Митава, 1895 г.

Мейендорфъ, А. Мелкая земская единица въ Приб. губерніяхъ. Сборн. статей „Мелкая земская единица", вып. I, ПГ. 2 изд.

Труды М. А. Зиновьева. Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифл. губ. Рига, 1906 г.

V. Народное образованіе.

Аугсткальнъ, А. Народное образованіе въ Прибалтійскомъ краѣ. „Образованіе", 1899 г. VII—VIII.

Витаевъ, А. Инородческая школа въ Лифляндской губерніи. „Вѣстникъ воспитанія“ 1913 г. октябрь.

Его же. Культурно-правовое положеніе народнаго учителя инородческой школы. „Вѣстникъ воспитанія“, 1914 г. № 4.

Золотаревъ, С. О начальномъ образованіи въ Прибалтійскомъ краѣ. „Русская Школа“, 1904 г. октябрь и ноябрь.

Іорданскій, Н. Матеріальное положеніе учителей-латышей. „Русская Школа“ 1913 г. № 10.

VI. Исторія [1]).

Krauppo, R. Die wirtschaftlichen und geistigen Fortschritte der Letteu. „Die Zeit“, XI Bd. August 1904.

Ландеръ, К. Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка. „Исторія Россіи“ въ XIX в., т. II, стр. 327—349.

Его же. Очерки изъ исторіи латышскаго народа. „Русская Мысль“, 1906 г. VIII, IX и X.

Петерсонъ, Р. Латыши. Сб. статей подъ ред. А. И. Кастелянскаго „Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ“. ПГ. 1910 г.

Rosental, A. Kulturbestrebungen des estnischen Volkes während eines Menschenalters (1847—1900). Reval, 1912.

Токаревъ, П. М. Краткая исторія латышскаго народа. Съ 128 рис. латышскихъ художниковъ. Рига, 1915 г.

---

[1]) Имѣется нѣсколько систематическихъ указателей литературы по вопросамъ исторіи Прибалтійскаго края и быть его обитателей, начиная съ древнихъ временъ. Напримѣръ, 1) *Recke, j. Fr. v., u. K. E. Napiersky.* Allgemeines Schriftsteller—u. Gelehrtenlexikon der Provinzen Livland, Estland u. Kurland. 4 Bde. 2) Указатель сочиненій о коренныхъ жителяхъ Прибалтійскаго края. ПГ., 1869 г. 3) *Winkelmann, E.* Bibliotheca Livonica historica. Systematisches Verzeichnis der Quellen und Hülfsmittel zur Geschichte Estlands, Livlands und Kurlands. 2 Aufl. Berlin, 1878 и 4) *Poelchan, A.* Die livländsche Geschichtsliteratur d. j. 1883—1901. Riga.

Нѣмцы и балтійская культура.

„Longum consilium, intestinum odium,
„privatum commodum desolarunt imperium!“
(Геннингъ, тайный секретарь ливонскаго магистра).

Въ Балтикѣ только соціальный антагонизмъ между покоренными племенами и властвующимъ нѣмецкимъ слоемъ далъ полное выраженіе національной розни, а руссификація края—вѣрнѣе устраненіе политическихъ основъ нѣмецкаго владычества въ Остзейскихъ губерніяхъ—главный толчекъ воспоминаніямъ о германской традиціи и нѣмецкой культурѣ.

Если судить по даннымъ новѣйшей балтійской публицистики, выпущенной въ критическую эпоху на германскій рынокъ, неопытному читателю можетъ дѣйствительно показаться, что Прибалтійскій край — это одна изъ лучшихъ сокровищницъ нѣмецкаго духа, своего рода центръ апостольской миссіи, насаждающей западную культуру на востокѣ. Нѣмецкая власть и нѣмецкое хозяйство, нѣмецкая реформація и нѣмецкое просвѣщеніе, нѣмецкая мощь и нѣмецкіе нравы—все это какъ будто соединяется въ какой-то свѣтлый организмъ, который въ страну варварскаго славянства несетъ дары великой цивилизаціи, воспитываетъ въ тяжелой школѣ эстонцевъ и латышей, является соціальнымъ и политическимъ образцомъ благополучія и порядка у волнъ Балтійскаго зеленаго моря.

„Образованіе, говоритъ про балтовъ проф. Мюлау, возникло только и исключительно у нихъ и отъ нихъ, истинно нѣмецкую культуру развили они здѣсь и благодаря вѣковой работѣ развернули они ее все прекраснѣе и шире. Понятно само собою, что здѣсь на чуждой основѣ своеобразно развилась нѣмецкая сущность..... Однакоже никто не смѣетъ умалить ихъ славы, такъ какъ они были вѣрными хранителями тѣхъ священныхъ благъ, которыя ввѣрены нашему народу, такъ какъ они развили лучшія его особенности и съ неустанной энергіей и поразительнымъ самоотверженіемъ разрѣшили задачи, поставленныя имъ условіями ихъ положенія“ [1]). И другой нѣмецкій балтъ, проф. Роландъ, въ согласіи со своими соотечественниками, самую культуру латышскихъ и эстонскихъ туземцевъ объясняетъ исключительно нѣмецкимъ вліяніемъ: „латыши и эстонцы не являются нѣмцами, однако не даромъ находились они семь столѣтій подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Ихъ развитіе совершилось подъ нѣмецкимъ воздѣйствіемъ, ихъ воззрѣнія и образъ мыслей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣмечены“. На языкѣ, просвѣщеніи, бытовыхъ привычкахъ, формахъ общежитія и религіи показываетъ далѣе тотъ же авторъ успѣхи той же германизаціи, которая воспитала туземцевъ „къ труду и сознанію долга“, а также къ „уваженію передъ закономъ и правомъ, которыми обладаетъ нѣмецъ“. Такъ нѣмецкій дворянинъ и купецъ, нѣмецкій пасторъ и ученый исполнили миссію высшей культуры на балтійскомъ побережьи, и „руководящая роль германскаго начала, казалось, была обезпечена здѣсь навсегда“ [2]).

И уже нѣмецкіе публицисты въ родѣ пресловутаго Рудольфа Мартина дали своеобразное объясненіе той

[1]) Prof. F. Mühlau, Die Ostseeprovinzen Russlands und ihre deutsche Kultur, Kiel 1906 стр. 13—14.

[2]) Prof. W. v. Rohland, Das baltische Deutschtum, Leipzig 1906 стр. 32—36.

„ненависти къ нѣмцамъ“—„Der Deutschenhass“—которая по мнѣнію нѣкоторыхъ круговъ послужила даже причиной русскихъ бѣдствій и неудачъ 1905 г. Дѣло въ томъ, что „западно-европейская культура распространена въ Россіи преимущественно нѣмцами. Россія приняла эту культуру только пассивно..... Самъ русскій народъ до сегодняшняго дня проникнутъ по большей части враждою къ этому вторженію культуры..... Вражда къ культурѣ и азіатское самопревознесеніе соединяются въ русской ненависти къ нѣмцамъ. Подобно китайцамъ до новѣйшаго времени взирали русскіе на Европу съ азіатскимъ высокомѣріемъ“. Какъ подтверждаетъ ту же мысль проф. Геттнеръ „русскій ненавидитъ нѣмцевъ, финновъ, поляковъ и даже евреевъ такъ же, какъ варваръ ненавидитъ культурнаго человѣка. Такъ какъ онъ чувствуетъ ихъ превосходство въ культурномъ отношеніи, то онъ стремится уничтожить ихъ при помощи грубой силы или принудить ихъ къ отреченію отъ ихъ національности“ [1]).

А между тѣмъ, какъ утверждаетъ другой нѣмецкій изслѣдователь „если бы у Россіи не было такихъ провинцій, какъ Остзейскія—съ нѣмецкимъ образованіемъ, нѣмецкимъ языкомъ, правомъ, нравами и управленіемъ....—то ихъ въ истинномъ интересѣ Россіи необходимо было-бы создать хотя бы путемъ величайшихъ жертвъ. Тотъ опытъ, въ которомъ болѣе всего нуждается русскій, тѣ чуждыя вліянія, которыя ему больше всего нужны для правильной оцѣнки его мѣстныхъ отношеній въ какой-нибудь Орловской или Тверской губерніи—ихъ какъ разъ нашелъ бы онъ лучше здѣсь, чѣмъ въ Швейцарскихъ университетахъ, чѣмъ въ учебникахъ англійскаго самоуправленія или въ ученыхъ поѣздкахъ къ англійскимъ скотоводамъ. Однако-же русскіе выбрасываютъ западно-европейское просвѣщеніе изъ своей

[1]) Rudolf Martin. Die Zukunft Russlands, Leipzig 1906 г., стр. 53.

собственной страны для того, чтобы искать его потомъ на чужбинѣ..... Существуетъ ли въ дѣйствительности національная русская культура? Нѣтъ, ея не имѣется, всякая культура идетъ съ Запада", какъ разъ „въ Остзейскихъ провинціяхъ могъ научиться русскій тому, какъ аристократическое управленіе при монархическомъ контролѣ и защитѣ сумѣло осуществить въ медленномъ, но видномъ движеніи такія задачи, которыхъ не могло-бы выполнить ни одно государственное чиновничество въ мірѣ. Въ превосходныхъ школахъ могъ бы тамъ русскій усвоить себѣ всѣ преимущества напряженной нѣмецкой жизни-духа.....чтобы потомъ дѣйствовать культурно на русской почвѣ. Онъ нашелъ бы тамъ школы и университетъ, которые какъ разъ для этой цѣли были взлелеяны русскими государями, чтобы такимъ образомъ при помощи этого канала установить живую связь Россіи съ западной духовной жизнью". Теперь все это уничтожено, однако-же Россія не можетъ просуществовать безъ науки западныхъ европейцевъ" [1]).

Неудивительно послѣ этого, что поэтъ балтійской родины, Леопольдъ фонъ Шредеръ, восклицаетъ между прочимъ въ своемъ стихотвореніи:

„Одну святыню сбережемъ мы
„Нѣмецкихъ балтовъ вѣрный стягъ,
„Отцовъ великихъ духъ и силу,
„Нѣмецкій духъ намъ будетъ свять
„И если нѣмцемъ балтъ пребудетъ
„Для русской славы будетъ имъ
„И въ этой вѣрности великой
„На вѣки онъ неколебимъ" [2]).

---

[1]) Von der Brüggen, Das heutige Russland, Kulturstudien, Leipzig 1902, ст. 196—199.

[2]) Leopold von Schroeder, Baltisehe Heimat—Trutz—und Trostlieder, München 1906, ст. 40.

Нѣмецкая культура и сила, исторически сложившаяся въ Балтикѣ, германская, цивилизація и жизнь—вотъ сокровища, принесенныя Россіи нѣмцами побережья, и во имя этихъ великихъ началъ они требуютъ для себя, не только признанія, но и владычества въ землѣ эстовъ и латышей.

Врядъ-ли однако можно согласиться съ этими притязаніями и ихъ обоснованіемъ. Не надо забывать, что передъ нами представители только одной національности изъ числа трехъ населяющихъ Остзейскій край и притомъ нѣмецкой, а слѣдовательно ничтожнаго меньшинства, которое переоцѣнкой своего культурнаго значенія думаетъ оправдать свои безмѣрныя претензіи въ области соціальнаго и политическаго владычества. Однако, вышеприведенная аргументація страдаетъ не только партійной тенденціозностью, столь свойственной данному моменту обостренной классовой и національной борьбы. И если даже у нѣмцевъ мы встрѣчаемъ указанія на нѣкоторыя отличія балтійскаго германизма по сравненію съ имперскимъ, то думаемъ мы, намъ не трудно будетъ показать, что исторически балты далеко не были представителями западно-европейской культуры и только сравнительно очень поздно рѣшили поднять національное знамя; вмѣстѣ съ тѣмъ, думаемъ мы, они сдѣлали это безъ достаточныхъ основаній.

Прежде чѣмъ перейти къ историческому очерку, полезно сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній. Дѣло въ томъ, что сама европейская культура шла не съ нѣмецкаго востока, а съ романскаго запада, и притомъ не съ сѣвернаго, а съ благословеннаго юга. И чѣмъ дальше нѣмецкая волна подвигалась на сѣверовостокъ, тѣмъ слабѣе становились ея всплески, тѣмъ болѣе поглощалась она противодѣйствіемъ славянскихъ элементовъ, имѣвшихъ начатки—отрицаемой нѣмцами—самостоятельной культуры. Стоитъ здѣсь вспомнить хотя бы полабскихъ славянъ, поморянъ, вендовъ, а въ частно-

сти славное ройянское царство. О сопротивленіе Польши и Литвы, о самобытную мощь литовской и новгородской Руси разбились передніе волны средневѣковаго „европеизма“... Стоитъ далѣе замѣтить, что не въ рыцарствѣ и феодализмѣ скрывались истинные источники самой нѣмецкой культуры; напротивъ того, послѣ кратковременнаго періода своего развитія поземельная аристократія, рыцарство, скоро получило характеръ антикультурнаго движенія, и потребовался абсолютизмъ, чтобы очистить поле для настоящей культуры. Эта послѣдняя, если она кое гдѣ и зародилась въ замкахъ, то лишь среди городскихъ стѣнъ, „воздухъ которыхъ дѣлаетъ человѣка свободнымъ“, нашла почву для своего мощнаго расцвѣта. Города, а не рыцарскіе бурги, „cives“, а не „milites“, бюргеры, а не феодалы были настоящими творцами культуры, неразлучной съ понятіемъ вольности и свободы, реформаціи и гуманизма, матеріальнаго богатства и правового творчества, однимъ словомъ, всего, что характеризуетъ собой прогрессъ и движеніе на нѣмецкомъ континентѣ. Въ городѣ родилась наконецъ и та идея національнаго объединенія, которая слѣдовала за развитіемъ новыхъ хозяйственныхъ формъ и создала „отечество„ тамъ, гдѣ прежде былъ разрозненный партикуляризмъ, мелкая эгоистичность феодальной узости и вражды.

Такъ было въ Европѣ, такъ должно было бы быть въ Балтикѣ, а между тѣмъ именно здѣсь мы встрѣчаемъ преобладаніе вотчины надъ городами, феодала надъ бюргеромъ. За исключеніемъ одной Риги и частью Ревеля все поглощено властью патримоніальнаго рыцарства, на всемъ лежитъ печать баронскаго двора и крѣпостной культуры, баронской власти и своекорыстія, аграрной узости, консерватизма, косности, а не прогресса, партикуляризма, а не единенія. И если ставить вопросъ о нѣмецкой культурѣ въ Балтикѣ, то приходиться его формулировать такъ: смогла ли выполнить Ливонія рыцарей, феодаловъ и вотчинниковъ тѣ задачи, которыя

были въ Германіи разрѣшены ея городами въ союзѣ съ абсолютизмомъ. Сумѣли-ли воины, дворяне и аграріи замѣнить собой культурный факторъ городского быта, промышленности, торговли, и наоборотъ, не страдаетъ-ли балтійская національная культура неизлѣчимымъ недостаткомъ—независимо отъ того, что нѣмецкій крестьянинъ отсутствовалъ въ Остзейскомъ краѣ цѣликомъ,—такъ какъ здѣсь дѣйствовали и боролись только бюргеры и рыцари, причемъ рыцари по преимуществу?

На послѣдній вопросъ приходится отвѣтить безусловно утвердительно, окончательный выводъ балтійской исторіи не допускаетъ другихъ положеній; чтобы доказать нашу мысль, прослѣдимъ вкратцѣ исторію этой германской колоніи.

I.

Въ XII вѣкѣ на католическихъ небесахъ несомнѣнно происходило великое тожество: Пресвятая дѣва Марія получила большой и неожиданный подарокъ: она стала королевой новаго государства, которое открылъ для нея монахъ Мейнгартъ, а подарилъ ей епископъ Альбертъ. Во славу божественной розы и непорочной Мадонны среди дикихъ язычниковъ было водворено христіанство и цѣлые отряды смиренныхъ богомольцевъ принимали крестъ, цѣлыя флотиліи во имя Богородицы стремились къ устью Двины, туда, гдѣ въ 1201 г. поднялись первыя очертанія прекрасной Риги; и не какіе нибудь свѣтскіе воины и завоеватели совершили такое достославное христіанское дѣло—смиренные иноки меча взялись за истребленіе нечестивыхъ, „братья конницы Христовой“—fratres militiae Christi—подняли свой священный стягъ. И не даромъ по преданію во время крестоваго похода на эстовъ, когда подъ Христовой хоругвью сражались бокъ о бокъ Альбертъ Саксонскій, Вольдемаръ Датскій и Вячеславъ Ройянскій съ

самаго неба былъ спущенъ знакъ побѣды, знаменитый Данеброгъ—бѣлый крестъ на красномъ полѣ!

Однако въ основѣ такихъ небесныхъ событій лежали весьма реальныя причины. Дѣло въ томъ, что русско-скандинавская торговля какъ разъ въ XII вѣкѣ потеряла свою прежнюю силу. Великій путь съ востока на западъ черезъ Царьградъ, Днѣпръ, Кіевъ и Новгородъ, на востокѣ былъ пересѣченъ и прегражденъ. Значеніе Готланда и Висби въ виду этого сильно пострадало, а торговый путь съ востока на западъ нашелъ себѣ новое направленіе: онъ пошелъ черезъ Венецію и Геную черезъ Линдау на Боденскомъ озерѣ, черезъ Аугсбургъ и Нюренбергъ къ Балтійскому морю, гдѣ скоро процвѣли нѣмецкіе города Ростокъ, Висмаръ, Штральзундъ, Грейфсвальдъ и Штетинъ, во главѣ же всѣхъ богатый и сильный Любекъ. Вполнѣ естественно, что съ такимъ перемѣщеніемъ великаго пути было соединено и постепенное возрастаніе силы „нѣмецкаго опчаго купца“, который сначала выдвинулся на Висби, а затѣмъ не только вытѣснилъ скандинавовъ въ великомъ Новгородѣ, но и укрѣпилъ тамъ свое положеніе при помощи знаменитой конституціи или „скры“, а затѣмъ и формальныхъ договоровъ съ русскими. И, конечно, берега Остзейскаго моря, заселенные въ XII вѣкѣ осѣдлыми земледѣльческими племенами эстовъ, ливовъ, куровъ и латышей, не могли не привлечь вниманія нѣмецкаго купца. Край былъ богатъ продуктами охоты, рыболовства и земледѣлія, а за нимъ были раскинуты еще болѣе соблазнительныя для купца области благословенной Литвы съ ея медомъ и пушнымъ богатствомъ.

И послѣдующая исторія колонизаціи побережья произошла по обычному образцу. Сначала пришелъ купецъ и былъ принятъ безъ особенной вражды, даже съ нѣкоторымъ гостепріимствомъ. За нимъ пришелъ монахъ и воинъ, даже скорѣе воинъ, чѣмъ монахъ, сталъ защитникомъ купца и его союзника, а по мѣрѣ силъ грабите-

лемъ и завоевателемъ. И если на Руси съ успѣхомъ исполнили роль домашнихъ князей разные пришлые и наемные варяги, то въ Ливоніи ихъ миссію исполнили нѣмцы, которые — слѣдуетъ отмѣтить — безъ особаго труда стали княжить и володѣть латышскими племенами.

Какъ справедливо замѣчаетъ въ этомъ случаѣ Ландеръ „совершенно естественно произошло то, что нѣмцы въ краѣ заняли мѣсто, принадлежащее имъ по ихъ положенію здѣсь—мѣсто военнаго сословія, вождей и князей. Естественное превосходство въ культурномъ отношеніи облегчило имъ эту задачу..... нѣмецкимъ рыцарямъ, закованнымъ въ желѣзо, хорошо вооруженнымъ не стоило никакого труда оттѣснить молодую латышскую военную организацію, частью истребить, частью покорить себѣ латышскихъ князей и старѣйшинъ. „Отношенія покоренныхъ къ побѣдителямъ также не представляли ничего особеннаго: туземцы были обложены данью, нѣмецкіе рыцари обязаны были хранить и защищать ихъ“ [1]). Такой сравнительно „мирный“ процессъ колонизаціи продолжался не долго; для того, чтобы доказать свои свойства защитниковъ и господъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расширить свое владычество, „крестоносцы“, а затѣмъ и „христова конница“ приняли горячее участіе въ нескончаемыхъ войнахъ между балтійскими племенами. И если уже первый нѣмецкій „мученикъ“, монахъ Бертгольдъ, палъ на полѣ сраженія послѣ того, какъ онъ основательно омочилъ свой мечъ во вражеской крови, то рыцари, само собой, поступали не менѣе рѣшительно; въ особенности это стало возможнымъ со времени соединенія меченосцевъ съ рыцарями-монахами нѣмецкаго ордена Дѣвы Маріи. Покореніе отложившихся латышей, куровъ и земгаловъ, покореніе эзельцовъ, войны съ эстами и покореніе ихъ—все это наполняетъ

[1]) К. Ландеръ. Историческія письма, I, (Приб. Эхо № 3, 1907 г.).

собой XIII вѣкъ, который далъ ордену возможность твердо обосновать свое владычество на побережьи. Только въ своемъ стремленіи на сѣверо-востокъ былъ остановленъ орденъ благодаря рѣшительной побѣдѣ Александра Невскаго на Пейпусѣ, только Жмудь и Литва сумѣли отразить нѣмцевъ при Дурбенѣ, а затѣмъ при Ленневарденѣ. Въ границахъ между Русью и Литвою, за исключеніемъ части Эстляндіи, уступленной датчанамъ, къ началу XIV вѣка орденъ былъ сильнѣйшимъ военнымъ господиномъ.

Преобладающее положеніе ордена открывало ему въ Балтикѣ извѣстныя перспективы; въ качествѣ военной силы и крупнаго владѣльца орденъ могъ всегда вступить въ успѣшную борьбу съ духовной властью и выполнить тѣ задачи, которыя на западѣ были въ свое время разрѣшены католическимъ и христіаннѣйшимъ абсолютизмомъ. И здѣсь уже была заложена первая ступень къ возможному объединенію всего балтійскаго государства. Остзейскіе города представляли собой вполнѣ достаточную силу, которую возможно было не только покорить, но и надолго привязать къ себѣ, поддерживая балтійскіе торговые интересы. Торговые пути на Полоцкъ и Витебскъ съ одной стороны, Новгородъ и Псковъ съ другой, непрестанное соперничество съ датской торговлей, также какъ стремленія къ независимости отъ прусскихъ городовъ и Ганзы—все это представляло обширное поле для разумнаго примѣненія покровительства и военной защиты — примѣръ французскаго и испанскаго абсолютизма былъ здѣсь далеко не недосягаемымъ образцомъ. И если плодородная почва Ливоніи, сдѣлавшая ее впослѣдствіи житницей для Швеціи, была весьма благопріятна для созданія сначала на ленномъ правѣ, а потомъ на крѣпостномъ сильнаго феодальнаго класса, то опять таки и здѣсь орденъ обладалъ значительными преимуществами. Развивая крупное хозяйство на своихъ земляхъ, со-

средоточенныхъ громадными площадями вокругъ рыцарскихъ монастырей, онъ всегда могъ мягче и ровнѣе распредѣлить тягости, лежащія на туземцахъ и извлечь большія выгоды изъ своего хозяйства, такъ какъ извѣстный коммунизмъ, присущій орденскимъ общежитіямъ, могъ скорѣе привести къ іерархіи военныхъ чиновниковъ, чѣмъ къ мелкой эксплоатаціи крѣпко сидящихъ въ землѣ разрозненныхъ феодаловъ. Нѣтъ никакой возможности отрицать крупныя культурныя преимущества власти военнаго ордена передъ владычествомъ отдѣльныхъ феодальныхъ владыкъ—тѣмъ болѣе, что сами рыцари монахи далеко не обнаруживали сословной исключительности и, будучи безбрачными, не стремились къ пріобрѣтенію наслѣдственныхъ привилегій.

Однако нельзя не отмѣтить, что рядомъ съ этими преимуществами самая организація и составъ ордена ставили ему значительныя препятствія въ осуществленіи его цѣлей. Будучи орденомъ монашескимъ и духовнымъ, онъ долженъ былъ нести на себѣ всѣ результаты разложенія католичества и паденія его духовныхъ благъ. Реформація должна была стать его гибелью. Являясь далѣе организаціей монашеской, онъ по необходимости былъ связанъ всѣми корнями съ имперіей и только отъ прилива рейнскихъ, вестфальскихъ и частью саксонскихъ рыцарей могъ ожидать пополненія той убыли, которую на мѣстѣ порождали непрерывныя войны. Необходимая связь съ прусскимъ орденомъ вела еще къ болѣе печальнымъ послѣдствіямъ. По существу Пруссія и Лифляндія имѣли противоположные торговые интересы и поддержка ливонцами пруссаковъ была измѣной своей собственной странѣ. Здѣсь долженъ былъ родиться неизбѣжный конфликтъ между балтійскими городами и прусской политикой. Наконецъ, въ сферѣ отношеній къ стоящимъ внѣ ордена церковнымъ ленникамъ и вассаламъ орденъ всегда могъ наткнуться на серьезныя затрудненія. Являясь ихъ конкурентомъ въ

качествѣ крупнаго сельскаго производителя и монопольнаго торговца на хлѣбномъ рынкѣ, орденъ неминуемо долженъ былъ вступить въ борьбу со свѣтскими и церковными феодалами, которые все крѣпли по мѣрѣ того, какъ ленное владѣніе переходило въ вотчинное, а феодальная власть въ крѣпостничество. Одно свободное крестьянство вмѣстѣ съ городами могли бы здѣсь придти на помощь ордену; при ихъ содѣйствіи его духовная корпорація могла бы превратиться въ чисто государственное соединеніе военной бюрократіи. Крестьянство однако въ Лифляндіи было латышскимъ и эстонскимъ, а на эту „низшую расу“ нѣмецкій рыцарь опереться не желалъ.

И вотъ мы видимъ, какъ орденъ пробуетъ и на самомъ дѣлѣ осуществить свое историческое призваніе. Борьба за независимость отъ мѣстной духовной власти играетъ здѣсь выдающуюся роль. Какъ извѣстно, орденъ меченосцевъ былъ совершенно подчиненъ епископу, а затѣмъ и архіепископу Лифляндіи. При соединеніи меченосцевъ съ прусскимъ орденомъ, разграниченіе властей было произведено слѣдующимъ образомъ. Епископы оставались во владѣніи всѣхъ своихъ свѣтскихъ владѣній и архіепископъ становился духовнымъ главою ордена. Въ Курляндіи орденъ долженъ былъ получить $^2/_3$ земли, а епископъ $^1/_3$, въ Земгаліи и Лифляндіи порядокъ былъ обратный, и только въ Эстляндіи рыцари могли вступить въ свободное соглашеніе съ датчанами и добиться тамъ полнаго, нераздѣльнаго владѣнія. Рига явилась ареной наиболѣе жестокой борьбы между орденомъ и архіепископомъ за верховенство. Серьозной помощью для епископовъ была поддержка со стороны ихъ ленниковъ, и этимъ послѣднимъ щедро раздавались въ ленъ епископскія территоріи. Впрочемъ для борьбы съ орденомъ всѣ средства были хороши Союзъ съ литовцами здѣсь игралъ не послѣднюю роль, и даже морскіе пираты, такъ называемые „фуражные

братья“ выступали не разъ въ качествѣ союзниковъ ливонскихъ преемниковъ св. Петра. Главная борьба шла однако не здѣсь въ Ливоніи, а при папскомъ и частью императорскомъ дворѣ. Въ особенности важно было имѣть на своей сторонѣ папу, т. к. онъ не только суверенно распоряжался государствомъ Мадонны, но и всегда могъ поразить анаѳемой и интердиктомъ непокорныхъ рыцарей-монаховъ. Совершенно естественно, что орденскіе и епископскіе представители при святой куріи превосходили другъ друга въ подкупѣ, безстыднѣйшей клеветѣ и интригахъ. И не смотря на то, что епископъ пытался обезпечить себѣ поддержку германскихъ князей, назначая себѣ изъ ихъ числа особыхъ преемниковъ или коадьютеровъ, орденъ побѣдилъ не только въ вооруженныхъ схваткахъ, но и въ куріи. Въ началѣ XV вѣка мы имѣемъ цѣлый рядъ буллъ, которыми совершается полная инкорпорація лифляндской епископіи. Въ составъ соборнаго капитула вводятся орденскіе братья, а клиръ смѣняетъ черное августинское одѣяніе на бѣлыя орденскія одежды съ чернымъ крестомъ. Безъ принесенія орденскихъ обѣтовъ никто не можетъ быть ливонскимъ клирикомъ.

Само собою разумѣется, что подобная побѣда ордена могла быть крѣпка лишь до тѣхъ поръ, пока самъ орденъ обладалъ достаточной силой. И въ XV вѣкѣ, какъ только показались серіозныя трещины въ зданіи владычества нѣмецкаго ордена, немедленно соединились снова и папа, и архіепископъ, и его вассалы, епископъ Дерпта, и города и даже вассалы Гарріи и Вира. Орденское одѣяніе было отброшено, снова поднялся великій споръ за главенство надъ Ригой, и хотя кратковременно опять восторжествовалъ орденъ, но часъ католическихъ распрей вообще уже пробилъ. Реформація смела старый порядокъ, и никакіе польскіе опыты возрожденія католичества не могли вернуть въ лоно

святости землю царицы небесной. Страна Маріи стала областью доктора Мартина Лютера.

Серіозную борьбу пришлось выдержать ордену также и съ городами. Рига чувствовала себя достаточно сильной, чтобы обезпечить свои интересы въ союзѣ съ нѣмецкими городами. Орденъ для нея представлялся совершенно чуждымъ и лишнимъ придаткомъ; и понадобилось нѣсколько ожесточенныхъ битвъ и шести мѣсяцевъ осады, пока въ 1330 г. голодъ и лишенія принудили рижанъ къ безусловной капитуляціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ принятію новой обязанности выставленія войскъ на помощь магистру ордена. Союзъ Риги съ орденомъ окрѣпъ еще больше подъ вліяніемъ борьбы, которую пришлось вести Ганзѣ и ея ливонскимъ членамъ противъ датской конкуренціи и разбоевъ. Послѣ ея окончанія орденъ чутко слѣдовалъ за интересами лифляндскихъ городовъ и воспользовался въ своихъ цѣляхъ ихъ конкуренціей съ прусскими городами также какъ ихъ недовольствомъ ганзейскимъ преобладаніемъ. И хотя примѣръ значительной самостоятельности прусскихъ городовъ былъ очень соблазнителенъ для Лифляндіи, орденъ, несомнѣнно, несмотря на естественную вражду города и феодаловъ, удержалъ бы за собой Ригу, если-бы онъ былъ вѣренъ политикѣ, имѣющей цѣлью сохраненіе мира на главнѣйшихъ торговыхъ путяхъ. Торговля съ Литвою, Новгородомъ и Псковомъ была исключительно прибыльной для Ревеля, Дерпта и Нарвы съ одной стороны, и для Риги съ другой, эта торговля носила положительно монопольный характеръ, и когда сельдь ушла изъ скандинавскихъ водъ къ берегамъ Голландіи и Фландріи, и голландскіе города отдѣлились отъ Ганзы, ливонскіе торговые центры естественно обратились исключительно къ русской торговлѣ. Соль, селедки, произведенія западной промышленности, вино, металлы и оружіе—таковы были предметы импорта; пушнина, воскъ, деготь и ленъ въ качествѣ экспорта—

на нихъ создавались громадныя состоянія и процвѣтала пышная торговля. Однако уже въ XV вѣкѣ началъ орденъ ту враждебную Россіи политику, которая чувствительнѣе всего отражалась на балтійской торговлѣ. И какъ разъ на конецъ XV вѣка падаютъ тѣ новыя вспышки гражданской войны, которыя имѣли на одной сторонѣ Ригу, на другой—орденскихъ братьевъ. Цѣлыхъ 10 лѣтъ продолжалась настоящая война между горожанами и рыцарями, и только путемъ тяжелыхъ жертвъ и большихъ потерь принудилъ орденъ „старѣйшій“ городъ къ капитуляціи. И только миролюбивая политика знаменитаго магистра Плеттенберга отстрочила разрывъ между орденомъ и городами, которыхъ существенные интересы влекли подъ власть болѣе сильныхъ и могучихъ государей, способныхъ обезпечить имъ монопольный, восточный рынокъ.

Подъ самой сѣнью ордена выростала соціальная сила, которая могла и должна была нанести ему окончательный ударъ. И въ самомъ дѣлѣ, составъ и характеръ леннаго владѣнія нечувствительно, но самымъ серіознымъ образомъ видоизмѣнялся. Первоначально ленный господинъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ вооруженнымъ всадникомъ, который взамѣнъ несенія военной службы и другихъ обязанностей „вѣрности“ своему сеньору, пользовался пожизненно опредѣленнымъ доходомъ и повинностями живущихъ на его землѣ свободныхъ поселянъ. Надъ этими послѣдними ленникъ или вассалъ имѣлъ право суда и управленія „право на горло и руку“, причемъ однако судъ надъ крестьянами могъ происходить лишь при соучастіи другихъ свободныхъ крестьянъ—точно также какъ судъ надъ вассалами могъ происходить лишь при соучастіи имъ равныхъ, т. е. Standesgenossen или пэровъ. Это феодализмъ въ самой чистой первоначальной его формѣ, причемъ ему несвойственна ни наслѣдственность, ни кастовый порядокъ. Какъ прекрасно доказалъ Освальдъ Шмидтъ, въ

особенности балтійское рыцарство было лишено того раздѣленія на благородныхъ и неблагородныхъ, которое уже создавалось въ западной Европѣ. Въ Балтикѣ независимо отъ рожденія всякій былъ „ritterbürtig“ или сопричисленъ къ рыцарству, разъ только онъ велъ рыцарскій образъ жизни. Ленъ и рыцарская служба уравнивали въ рядахъ балтійскаго феодолизма и несвободнаго рейнскаго министеріала и саксонскаго рыцаря [1]).

Ясно однако, что по мѣрѣ того, какъ епископы и города стремились къ наиболѣе широкому привлеченію вассаловъ на свои земли, съ другой-же стороны множилось и росло эстляндское вассальное рыцарство, въ самомъ положеніи вассаловъ должно было произойти существенное измѣненіе. Чѣмъ больше входила Ливонія въ торговый оборотъ, тѣмъ ближе сростался рыцарь со своей землею, тѣмъ больше онъ становился хозяиномъ на подвластныхъ ему земляхъ, а дань и повинности съ туземцевъ пріобрѣтали характеръ болѣе близкій къ доходамъ съ частной собственности отдѣльнаго ленника. Помѣстье на временномъ правѣ—феодъ-постепенно получаетъ характеръ неотчуждаемой вотчины,—аллода, временное владѣніе силою факта переходитъ въ, наслѣдственное, а неограниченное право распоряженія, установленное въ началѣ только на вновь расчищенныхъ земляхъ, постепенно увлекаетъ за собой чисто феодальные участки. Такъ съ необходимостью долженъ былъ создаться классъ, имѣющій громадный интересъ съ одной стороны въ полной экспропріаціи въ свою пользу крестьянскихъ земель и свободы, а съ другой—въ формальномъ установленіи права собственности на временные пожизненные лены. Классъ поземельныхъ вотчинниковъ—вотъ то явленіе, которое не замѣтно выростаетъ на орденской территоріи и влечетъ за собою неисчисли-

---

[1]) Dorpater Iuristische Studien B. III 1894 г. стр. 1 и слѣд.

мыя послѣдствія. Вся государственная система ордена подрывалась этимъ въ корнѣ.

Для ордена открывались здѣсь двѣ возможности: или стать здѣсь въ полномъ смыслѣ слова государствомъ, отбросить духовное одѣяніе, объединиться вокругъ того или иного свѣтскаго монарха (или коллегіи) и опереться на города, признавъ за феодалами всѣ права на подчиненныхъ имъ крестьянъ. Это былъ бы путь, который избралъ впослѣдствіи прусскій орденъ, и которому попробовалъ слѣдовать въ Курляндіи послѣдній магистръ Ливоніи Готтардъ Кетлеръ. Это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ выходъ въ сторону реформы, который вполнѣ соотвѣтствовалъ новымъ условіямъ. Въ результатѣ здѣсь было-бы объединенное и цѣльное государство на крѣпостнической вотчинной основѣ съ абсолютнымъ или аристократическимъ правительствомъ. Однако этого не произошло. Орденъ, самъ крупный помѣщикъ и землевладѣлецъ, ранѣе другихъ примѣнившій у себя усовершенствованное хозяйство,—только съ великимъ трудомъ соглашался на признаніе вотчинныхъ правъ за ленными владѣльцами и только въ концѣ XIV вѣка даровалъ признаніе такъ называемой „юнгингенской милости“, или другими словами, права передачи леновъ по женской линіи, что обозначало собой первый шагъ къ отмѣнѣ феодализма. Этотъ шагъ не повлекъ однако за собою другихъ. Орденъ самъ сталъ только коллективнымъ вотчинникамъ среди массы другихъ безъ реформы своего государственнаго строя. Неизбѣжна была конкуренція между орденомъ и массой остальныхъ вассаловъ, выработавшихъ, кстати сказать, и свои органы представительства. Отъ этой конкуренціи ничего хорошаго нельзя было ожидать. За орденомъ оставалось преимущество силы, и онъ пользовался имъ для того, чтобъ обезпечить себѣ привилегированное положеніе среди прочаго рыцарства. Результаты подобнаго положенія были естественно очень плачевны. Орденъ, от-

казавшійся отъ государственной роли, превратившійся только въ привилегированнаго вотчинника, сталъ какой-то грандіозной богадѣльней для обѣднѣвшаго имперскаго рыцарства, для младшихъ сыновей дворянскихъ родовъ, для различныхъ авантюристовъ, которые жаждали богатствъ, роскошной и праздной жизни. И если въ эпоху Плеттенберга [1]) орденъ наряду съ другими землевладѣльцами разбогатѣлъ пропорціонально своему значенію и силѣ, то это должно было привести къ еще большему краху. Орденъ сталъ какимъ-то чудовищнымъ паразитомъ, который столь-же былъ слабъ внутри, сколько представлялся сильнымъ и мощнымъ снаружи; онъ сталъ факторомъ реакціи, а не прогресса. Паденіе ордена было неизбѣжно.

XVI вѣкъ является однимъ изъ самыхъ характерныхъ въ исторіи балтійскаго края. Подъ натискомъ русскихъ полчищъ, среди постоянныхъ бѣдствій польско-русскихъ и русско-шведскихъ войнъ, рушится военная мощь ордена. Разъѣденный внутри, противопоставленный общей массѣ епископскаго и орденскаго дворянства, его духовный центръ уже не въ состояніи ни найти достаточно денегъ для найма и содержанія постоянныхъ войскъ, ни силъ, чтобы организовать изъ разрозненныхъ городовъ и поземельнаго дворянства единое и мощное цѣлое. И орденъ безславно гибнетъ на глазахъ и при великомъ злорадствѣ помѣстной массы, при полномъ равнодушіи къ нему городовъ, при тишинѣ отчаянія со стороны задавленнаго вотчинниками туземнаго крестьянства, которому, правда, жилось лучше на орденскихъ земляхъ, но общая доля коего медленно и вѣрно ухудшалась.

---

[1]) Первые опыты этого замѣчательнаго правителя въ области „соціальной политики“, облегченія участи крестьянъ, не нашли особеннаго сочувствія. Вмѣстѣ съ этимъ кончилась и возможность опереться на массы туземнаго крестьянства и орденскихъ арендаторовъ.

II.

Съ пораженіемъ ордена на сцену выходили какъ разъ тѣ сословія, среди которыхъ орденская политика уже давно не находила себѣ союзниковъ. Судьба Балтики переходила въ руки поземельнаго дворянства и городовъ. Моментъ въ высшей степени замѣчательный. Отъ сознательности, воли и организаціи этихъ элементовъ теперь зависѣло очень много. И если, какъ утверждаютъ нѣмецкіе историки, развитіе края совершалось подъ знаменемъ опредѣленной національности и культуры, въ частности-же нѣмецкой, то мы не можемъ не искать въ данный моментъ какъ разъ этихъ свойствъ у сословной политики балтовъ того времени.

И нужно еще замѣтить, что выборъ у сословій былъ очень богатый. Съ одной стороны они могли объединиться вокругъ какого-нибудь нѣмецкаго принца или короля изъ своей или чуждой среды и попытаться создать сословную монархію. То, чего не сдѣлалъ орденъ, то могли теперь они сдѣлать сами; и тотъ-же Готгардъ Кеттлеръ, которому удалось надѣть герцогскую корону подъ главенствомъ Польши, былъ достаточно крупной фигурой для того, чтобы въ немъ, послѣднемъ магистрѣ Ливоніи, найти центръ для государственной кристализаціи страны. И если бы за нимъ была дѣйствительно поддержка Лифляндіи, Эстъ—и Курляндіи, то онъ вмѣсто герцогской короны надѣлъ бы вѣнецъ дворянскаго короля Ливоніи. Однако же мы видимъ, что у сословій не было ни малѣйшей охоты отстаивать какую бы то ни было нѣмецкую культуру или создавать цѣмецко-балтійское государство. И если рядомъ съ Балтикой въ сосѣдней Швеціи уже крѣпко было національное единеніе, и даже Россія словами Ивана Грознаго провозгласила задачи своего національнаго призванія, то ничего подобнаго въ Балтикѣ мы не находимъ. Рядомъ съ фигурами Стефана Баторія, Ивана

Грознаго, Эриха XIV и Карла IX мы ничего не можемъ поставить изъ среды балтійскихъ дѣятелей. Менѣе всего заслуживаютъ вниманія жалкіе характеры всевозможныхъ Бланкенберговъ и т. п. Только въ Ригѣ и городахъ реформація съ послѣдующимъ демократическимъ движеніемъ выдвинуло такихъ людей, какъ Гизе и Бринкены. Къ несчастью ихъ дѣятельность была слишкомъ ограничена, а судьба трагична. Лучшіе сыны балтійскаго края какъ въ эту, такъ и послѣдующія эпохи всегда были ближе къ плахѣ, чѣмъ къ торжеству своихъ идей..... Оставалось чужеземное владычество. На беззащитную Ливонію со всѣхъ сторонъ глядѣли враги, и дворянство, безсильное само создать крѣпкій политическій остовъ безъ малѣйшихъ стѣсненій или угрызеній стало подыскивать себѣ чужеземнаго владыку. Культурныя и національныя соображенія, даже простой политическій инстинктъ здѣсь совершенно отсутствовали. И если есть въ мірѣ страна, которая наиболѣе рѣзкимъ, почти циничнымъ образомъ явила всему свѣту узко-матеріальные, эгоистическіе мотивы своего командующаго класса, то это какъ разъ дворянская Ливонія XVI вѣка. И было бы можетъ быть лучше, еслибъ страна была прямо завоевана чужеземцемъ. Однако, мы этого не видимъ; наоборотъ, подобно Польшѣ передъ ея раздѣломъ, Ливонія сама была разорвана различными партіями, которыя менѣе всего были національны.

И прежде всего работала польская партія; она была самой могущественной. Къ католической Польшѣ тянуло протестантскую Ригу, гдѣ аристократическій патриціатъ совѣта и большой гильдіи искалъ въ чужеземной поддержкѣ средствъ для сохраненія своей власти противъ разросшейся городской общины. Правда, существенные интересы Риги тѣсно связывали ее съ польско-литовскимъ рынкомъ. Она по существу сильно зависѣла отъ политики Польши. Но только благодаря

полному отсутствію опоры въ Лифляндіи Рига должна была идти въ польскій плѣнъ и тѣмъ доставить великое торжество своему патриціату, не ощущавшему ни малѣйшихъ неудобствъ отъ подчиненія чужому владычеству. Рижскій городской совѣтъ, самъ призывающій поляковъ къ вмѣшательству въ свои городскія распри,—зрѣлище въ высшей степени поучительное на страницахъ лифляндской исторіи. И если городъ, принимавшій такое горячее и живое участіе въ нѣмецкомъ гуманизмѣ и реформаціи, долженъ былъ открыть свои двери іезуитамъ, а также передать часть своихъ храмовъ католикамъ, то это еще поистинѣ дешевая плата за счастье войти въ составъ тогдашняго польскаго государства. И Рига была вѣрна своимъ полякамъ. Она не только отдала имъ головы своихъ лучшихъ сыновъ, но и подчинилась Густаву Адольфу лишь при условіи, что въ теченіи трехъ лѣтъ, въ случаѣ новой удачи поляковъ, она можетъ вернуться къ ногамъ своего польскаго господина.

Еще соблазнительнѣе представлялось польское владычество нѣмецкому дворянству балтійскаго края. Лишенные какихъ бы то ни было государственныхъ идей, балты давно уже взирали на польскую шляхту съ возрастающей завистью. Только тамъ былъ истинный рай крѣпостническаго землевладѣнія, тамъ пользовалось дворянство самыми широкими привилегіями, обратило королевство въ шляхетскую республику, распадавшуюся настолько-же государствъ, сколько было крѣпостныхъ владѣній. Выборный безсильный король, являющійся игрушкой въ рукахъ крѣпостниковъ—это высшій идеалъ, который носился передъ балтійскимъ дворянствомъ. И мы видимъ, какъ съ величайшимъ наслажденіемъ передаются во власть Польши вчерашніе носители нѣмецкой культуры, какъ они сами вымаливаютъ себѣ на мѣсто назначеннаго намѣстникомъ Лифляндіи Кеттлера родовитаго магната Ходкевича и

хлопочутъ только объ одномъ: какъ-бы увеличить свои привилегіи, упрочить крѣпостное право, покрѣпче усѣсться на спинѣ все больше и больше отягощаемаго народа.

И надо отдать полякамъ справедливость: они поддержали не только курляндское дворянство, самое косное и частью католическое, заслужившее со стороны самихъ балтовъ названіе наиболѣе грубыхъ и безразборчивыхъ крѣпостниковъ. И если въ Курляндіи при помощи польскихъ комиссій удалось превратить герцога въ жалкую игрушку его неотесанныхъ и разнузданныхъ бароновъ, то и въ Лифляндіи во время польскаго владычества вліяніе Польши чувствовалось очень сильно. И подобно тому, какъ „provisio ducalis“ обезпечила новое положеніе Курляндіи, „privilegium Sigismundi Augusti“ легло въ основу новыхъ отношеній въ Лифляндіи. На основаніи „привилегіи“, а также послѣдующихъ актовъ Лифляндіи формально была обѣщана свобода совѣсти, нѣмецкое управленіе и право. Точно также были подтверждены права земскаго представительства лифляндскаго дворянства. Однако не въ этомъ была суть. Главное было въ крѣпостничествѣ, и въ этомъ отношеніи поляки оказались на высотѣ призванія. Окончательно раззоренные крестьяне, потерявшіе во время русскаго нашествія десятки тысячъ своихъ собратьевъ убитыми, плѣнными и умершими отъ голода и болѣзней, должны были быть теперь усмирены и водворены къ старымъ своимъ господамъ. И это представлялось труднымъ еще потому, что многіе изъ туземцевъ совершенно „одичали“ и отнюдь не желали разстаться съ золотою свободой. И если въ смутное время непрестанныхъ войнъ на балтійской территоріи сами благородные рыцари дали жизнь особымъ разбойничьимъ дворянамъ „Hofleute“, которые мародерствовали въ беззащитной странѣ и продавались на манеръ ландскнехтовъ всякому желающему, то этому примѣру послѣдовали и нѣкоторые туземцы.

А съ дворянскимъ разбоемъ сталъ соперничать грабежъ крестьянскій. И тѣ, кто столько поколѣній служили подъ плетью своимъ господамъ, теперь попробовали не только воли, но и сладкой мести.....

И польскія войска спасли „беззащитныхъ“ балтовъ, столь жалко закончившихъ свой орденскій періодъ. При польской помощи были усмирены крестьяне, польская рука вернула „одичавшихъ туземцевъ“ ихъ нѣмецкимъ господамъ. Поляки не затруднились признать старые лены наслѣдственнымъ владѣніемъ бароновъ, и многочисленные акты, подлинные и фальсифицированные, должны были убѣдить поляковъ въ томъ, что земли старыхъ ленниковъ ихъ священная и неприкосновенная собственность. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ одинъ писатель, съ подчиненіемъ Польшѣ Балтика получила господиномъ страну, которая отличалась у себя дома наиболѣе необузданнымъ развитіемъ крѣпостнаго права. И только впослѣдствіи, когда поляки принялись за рѣшительную полонизацію края, когда они рѣшили посадить въ Балтикѣ на кормленіе рядомъ съ нѣмецкимъ барономъ польскаго и литовскаго помѣщика, они поняли, что оказали слишкомъ много услугъ баронамъ за счетъ латышскаго крестьянства. При Стефанѣ Баторіи была сдѣлана попытка нѣкотораго огражденія отъ помѣщика крестьянъ, было смягчено право домашняго суда помѣщика надъ крѣпостнымъ, было разрѣшено латышамъ продавать въ городѣ излишекъ своего хлѣба, и даже предполагалось замѣнить барщину денежнымъ оброкомъ. Эта попытка осталась, конечно, безрезультатной, т. к. слишкомъ противорѣчила воззрѣніямъ шляхты, и скоро нѣмецкій баронъ сталъ единственнымъ оффиціальнымъ представителемъ подвластныхъ ему крестьянъ. Для достиженія своей цѣли поляки тогда избрали другой путь: ополяченіе администраціи и суда и окатоличеніе сельскаго населенія.

Послѣ того, какъ поляки почувствовали себя достаточно твердо въ Лифляндіи, они не взирая на всѣ свои обѣщанія, заняли всѣ наиболѣе важныя должности, раздѣлили страну на староства, учредили католическія епископіи и стали раздавать земли своей и литовской шляхтѣ. И надо отмѣтить, что по свидѣтельству историковъ процессъ полонизаціи шелъ не безъ успѣха. Реформація была вообще воспринята довольно поверхностно въ сельскихъ мѣстностяхъ; что же касается латышей, то они еще не дошли до элементарнаго знакомства съ христіанской религіей. Подъ кровомъ латинской мессы и церковныхъ обрядовъ благополучно существовали старые боги, и когда во время польскаго владычества новые священники, „церковные господа“, стали проповѣдывать по-латышски, то крестьяне массами стали возвращаться къ старой вѣрѣ. Евангелическое ученіе при послѣдующихъ подтвержденіяхъ „constitutiones Livoniae“, замѣнившихъ собою первоначальное privilegium, уцѣлѣло, но протестанты уже прямо были низведены на положеніе диссидентовъ, причемъ, само подтвержденіе являлось актомъ великодушной милости короля, отнюдь не связаннаго своими прежними обѣщаніями. И если лифляндцы пока еще сохранили представительство на ландтагѣ, послѣ того какъ палата была раздѣлена на три національныхъ куріи (лифляндцевъ, поляковъ и литовцевъ), то скоро за этимъ послѣдовали и другія мѣропріятія. Страница исторіи должна была перевернуться. Ради узко эгоистическихъ интересовъ передались бароны полякамъ, и на этой-же почвѣ они должны были понести свое наказаніе. Поляки рѣшили посягнуть и на самыя вотчины нѣмцевъ, что не представляло уже особыхъ опасностей. Въ дѣлахъ вѣры и политическихъ правъ лифляндцы показали такую степень малодушія и слабости, что поляки уже не считали нужнымъ особенно съ ними считаться.

Желанный предлогъ былъ доставленъ самими нѣм-

цами. Когда нѣкоторые изъ нихъ почувствовали на себѣ тяжесть польской руки, они стали присматривать себѣ новаго господина. Во время войны Польши съ Швеціей многіе лифляндцы рѣшили передаться шведамъ. Однако Польша одержала верхъ, и баронамъ пришлось поплатиться. При помощи особой ревизіонной коммисіи были подвергнуты провѣркѣ всѣ акты и крѣпости на владѣнія вотчинами, и многіе дворяне были лишены имѣній за то, что держали сторону шведовъ. И хотя первый же ландтагъ (1584 г.), занимавшійся вопросомъ о поземельномъ владѣніи, рѣшительно протествовалъ противъ требованія поляковъ срыть рыцарскіе замки и укрѣпленія, тѣмъ не менѣе комиссія, которая уже послѣ ландтага начала свои дѣйствія, работала самымъ рѣшительнымъ образомъ, и одно за другимъ рыцарскія имѣнія переходили въ руки новыхъ дворянскихъ „націй“. Обманутое въ своихъ надеждахъ лифляндское дворянство обратилось тогда въ иную сторону, чему кстати благопріятствовали и внѣшнія обстоятельства.

Шведское владычество далеко не было такъ притягательно для Лифляндіи, какъ польское уже по тому одному, что въ Швеціи имѣлись два непріятныхъ для бароновъ института—сильная королевская власть и свободное крестьянство. Въ пользу шведовъ говорило протестанство въ качествѣ государственной религіи и сильная военная мощь. Эстляндія, которая попала подъ шведское владычество еще со времени паденія орденскаго государства, знала прекрасно на себѣ, что значитъ шведская реформа. Уже при королѣ Эрихѣ XIV, такъ же какъ при Іоаннѣ III, со шведской стороны дѣлались самыя энергичныя попытки освободить или по крайней мѣрѣ облегчить положеніе закрѣпощенныхъ эстонцевъ. И въ этомъ отношеніи борьба между нѣмецкими баронами и шведскимъ правительствомъ доходила до крайнихъ предѣловъ. При такомъ положеніи

2086

дѣлъ не мудрено, что во время распри между Сигизмундомъ III польскимъ, желавшимъ сохранить свою шведскую корону, и его дядей, Карломъ IX шведскимъ, эстляндское дворянство было на сторонѣ Сигизмунда, а не Карла. И только польская ревизія баронскихъ земель въ Лифляндіи заставила балтійское дворянство нѣсколько примириться со шведами, которые, кстати сказать, съ неумолимой жестокостью карали тѣхъ балтійскихъ перебѣщиковъ, которые не могли разстаться со своими польскими мечтами. Заговоры нѣмецкихъ бароновъ противъ шведскихъ властей еще долго знаменовали собой польскія симпатіи „вѣрнаго" лифляндскаго дворянства. И только послѣ окончательнаго завоеванія страны подчинились балты новому для нихъ владыкѣ.

Время шведскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ представляется одной изъ эпохъ наибольшаго его процвѣтанія. Строгій порядокъ управленія, постановка на первый планъ чисто государственныхъ цѣлей, организація самостоятельныхъ денежныхъ казенныхъ поступленій, разумная отмѣна баронскихъ привилегій, стройная организація судовъ и правосудія, проведеніе школьной и церковной реформъ, все это было настоящимъ благодѣяніемъ для края, гдѣ до сихъ поръ нѣмецкій партикуляризмъ, баронское своекорыстіе и шляхетская распущенность сочетались въ общее цѣлое грубаго сословнаго владычества, не признающаго никакихъ ни сдержекъ, ни принциповъ. И если подъ шведскимъ режимомъ дворянству пришлось бороться уже иными средствами, чѣмъ подъ властью Польши, и оно даже добилось нѣкоторыхъ успѣховъ въ дѣлѣ обезпеченія правъ дворянскаго землевладѣнія, то при шведскомъ абсолютизмѣ все это не могло быть долговѣчнымъ.

Крестьянскій вопросъ все больше и больше привлекалъ къ себѣ вниманіе шведскаго правительства. Несмотря на отчаянные протесты и противодѣйствія, вот-

чинный судъ помѣщика надъ крѣпостными терпѣлъ все большія ограниченія; оцѣнка и размежеваніе имѣній было подготовительной мѣрой къ окончательному фиксированію барщины и повинности при помощи особыхъ книгъ, наконецъ грандіозная „редукція“ или возвращеніе въ казну прежнихъ государственныхъ леновъ, захваченныхъ частными лицами, сразу указала путь, по которому шло шведское правительство. Это была открытая война самому принципу крѣпостного права. И если первое время послѣ перехода отъ Польши къ Швеціи бароны могли испытывать извѣстное удовлетвореніе, т. к. избавились отъ польскихъ чиновниковъ, шляхты и клира, то теперь имъ грозила еще пущая бѣда. Что были польскія ревизіи передъ шведскими редукціями? Какъ возможно было сравнить польскія заигрыванія съ туземцами съ тѣмъ страшнымъ планомъ освобожденія крестьянъ, который словно грозовая туча шелъ къ нимъ изъ Скандинавіи, гдѣ никогда не свистѣлъ бичъ крѣпостнаго господина, гдѣ несвободный трудъ никогда не омрачалъ доли пахаря!

Эпоха шведскаго владычества была школой государственности, гуманизма и соціальной политики для недавнихъ союзниковъ польскаго шляхетства. Съ ненавистью воспринималась шведская наука, съ слѣпой косностью цѣплялись бароны за свое крѣпостничество и привилегіи. Столѣтіями вросли нѣмецкіе корни въ живую массу туземнаго населенія, и вырвать ихъ оттуда могла только историческая необходимость. Какъ о блаженномъ раѣ стали мечтать снова лифляндцы о польскомъ владычествѣ; въ юнкерской Курляндіи видѣлся имъ идеалъ ничѣмъ не омрачаемаго господства сплоченной и своекорыстной касты. И если не Польша, то хоть варварская и дикая Россія, должна была спасти погибающихъ барововъ, Россія которая сама въ XVII вѣкѣ стала подъ знакомъ самого темнаго и самого произвольнаго крѣпостничества.

Переговоры и связи балтійскаго юнкерства съ Россіей въ то время, когда она еще цѣликомъ стояла на почвѣ византійской татарщины, какъ нельзя лучше характеризуютъ чистоту и силу балтійскаго германизма. Не надо забывать, что какъ разъ послѣ перваго и поистинѣ варварскаго нашествія русскихъ полчищъ возникли первыя сношенія между лифляндскими феодалами и Иваномъ Грознымъ. Еще вся страна дымилась, какъ остывающее пожарище, еще не замолкли стоны десятковъ тысячъ людей, уведенныхъ въ московскій плѣнъ, еще не заросли лопухомъ слѣды татарскаго грабежа и тамерланова раззоренія, а уже собиралъ ливонскій король Ивановой милостью, Магнусъ шлезвигскій, лифляндскихъ рыцарей на помощь Москвѣ, осаждалъ именемъ Грознаго города, велъ переговоры насчетъ взятія Ливоніи подъ царскую высокую руку и—самое главное — вѣчнаго закрѣпленія юнкерскихъ вольностей и привилегій въ особую конституцію московскаго царя и короля ливонскаго, Магнуса. Эта страница балтійской исторіи особенно интересна. Она показываетъ, что тогдашніе балты ради цѣлости своихъ крѣпостныхъ вотчинъ готовы были идти въ подданные къ кому угодно. И еслибы Атилла согласился подтвердить ихъ привилегіи, они признали бы и его своимъ высшимъ суверенным господиномъ.

Что-же удивительнаго теперь, что во время великой сѣверной войны лифляндское дворянство за немногими исключеніями было очень равнодушно къ пораженію шведовъ? Не только польскій шляхтичъ, но и грубый московитъ представлялся имъ ближе и пріятнѣе суроваго протестанта-шведа. И когда Паткуль, представитель анти-шведской партіи балтовъ не нашелъ достаточной опоры у польскаго короля и не смогъ добиться сближенія Лифляндіи съ юнкерской Саксоніей, онъ обрѣлъ самый горячій пріемъ при дворѣ русскаго царя, Петра. И страшное опустошеніе Лифляндіи, сопровождавшееся

безмѣрнымъ грабежомъ и свирѣпостью, разъ навсегда показало балтійскому дворянству, гдѣ имъ нужно искать себѣ защитника и покровителя....

Превращеніе Балтики въ русскій Остзейскій край принесло и въ самомъ дѣлѣ нѣмецкому юнкерству желаемое успокоеніе. Крѣпостное право на побережьи достигло высшаго своего развитія. Въ лицѣ самой Россіи балты нашли прекрасную почву для бюрократической и военной колонизаціи.

III

Если мы желаемъ дать себѣ полный отчетъ въ соціальныхъ, политическихъ условіяхъ Балтики и томъ культурномъ богатствѣ, которое она принесла съ собою подъ власть русскаго государства, мы должны болѣе внимательно остановиться на внутреннемъ состояніи Остзейскихъ провинцій Швеціи и Курляндіи въ XVII вѣкѣ. Положеніе хозяйства и отношеніе бароновъ къ туземцамъ, подъемъ городовъ, реформа и гибель сословнаго представительства, развитіе церкви и школы—вотъ тѣ пункты, на которыхъ намъ придется остановить вниманіе читателя.

Что касается перваго пункта, то въ этомъ отношеніи мы имѣемъ передъ собой весьма быстрый поступательный процессъ. Еще въ началѣ XVII вѣка дѣло не шло далѣе трехполья, а кромѣ мельницы и пивоварни не было никакихъ сельско-хозяйственныхъ промысловъ; старые дубовые лѣса почти исчезли, а на расчищенныхъ мѣстахъ явились поросли малоцѣнныхъ деревьевъ. Послѣ русскихъ нашествій самый дворъ помѣщика сосредоточился въ одной хатѣ, облѣпленной разными клѣтями и пристройками, заключенной въ ограду высокаго частокола. Одна комната, часто безъ дымохода съ передней и кухней—вотъ все, что осталось послѣ московскаго разоренія нѣмецкому барону. Къ концу шведскаго владычества мы не узнаемъ картины. Достатокъ, а

подчасъ роскошь на мѣстѣ стараго запустѣнія, интенсивныя формы обработки земли, подъемъ давно заброшенной нови и новыя обширныя хозяйственныя постройки—таковы реальные памятники шведскаго антифеодальнаго режима. Не даромъ Лифляндія была житницей Скандинавіи, не даромъ вопросъ о хлѣбномъ экспортѣ былъ жизненнымъ и существеннымъ для разбогатѣвшихъ балтовъ.

И если съ великой яростью относились бароны къ мужицкой политикѣ шведскихъ королей, имъ же на пользу шли всѣ мѣропріятія, оградившія крестьянина отъ полной нищеты и разграбленія. Туземецъ уже въ XIII вѣкѣ постепенно терялъ свою землю и волю, каждое новое возстаніе только подчеркивало кровавой чертой роковой процессъ перехода отъ свободной, чисто-государственной зависимости къ вѣчному подданству, отъ него-же къ лишенію права перехода, отъ этого послѣдняго къ самому настоящему закрѣпощенію. Уже въ XV вѣкѣ закончился тотъ ходъ развитія, который сдѣлалъ крестьянина крѣпкимъ землѣ, причемъ къ этому вели самые разные пути. Задолженность крестьянина господину, извѣстное пребываніе его въ подданствѣ, занятіе участка на расчищенныхъ господскихъ земляхъ, все это было источникомъ закабаленія, причемъ туземецъ являлся простой принадлежностью земли и въ качествѣ несвободнаго перемѣщался туда, гдѣ была наибольшая надобность въ его рабочей силѣ. Привязанность къ землѣ уже не сочетается съ правомъ на эту землю, и крестьянинъ могъ быть не только посаженъ на пашню, но и въ равной степени переведенъ въ разрядъ дворовыхъ или батраковъ. При покупкѣ имѣній господа гарантируютъ другъ другу опредѣленное число крестьянъ, обязуются взаимной выдачей бѣглыхъ, обѣщаютъ поставить недостающихъ или замѣняютъ ихъ при помощи другихъ изъ наличнаго персонала. Наслѣдственное подданство этимъ самымъ прекращается, и крестьянинъ вмѣстѣ съ

землей переходитъ изъ рукъ въ руки. Въ немъ цѣнится только его рабочая сила, и къ концу XV вѣка въ немъ видятъ скорѣе одушевленное орудіе или хозяйственную вещь, а не вѣчно подданнаго господину туземца.

Такъ шло развитіе вобще во всей Европѣ подъ вліяніемъ роста господскаго хозяйства, торговаго оборота и денежнаго обращенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣхъ вліяній римскаго права, которыя сопровождали собой чисто экономическій процессъ. Какъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ Транзеэ—Розенекъ, особенно ярко сказался въ Лифляндіи какъ разъ хозяйственный моментъ закрѣпощенія. Онъ буквально слѣдовалъ за переходомъ отъ переложной системы къ трехъ и четырехполью также какъ и за примѣненіемъ все въ большемъ размѣрѣ животноводства. И прежде чѣмъ крестьяне были закрѣпощены, они уже были подчинены общему хозяйственному плану своего помѣщика, который такимъ образомъ для нихъ игралъ роль агрономическаго „провидѣнія“ [1]).

Въ XVI столѣтіи произошло раздѣленіе всѣхъ крѣпостныхъ на три категоріи: дворохозяевъ, полухозяевъ и батраковъ или лострейберовъ. Различіе между ними было въ томъ, что первые платили господину оброкъ, отбывали барщину со своего двора, къ которому помѣщикъ назначалъ своею властью батраковъ. Полухозяева работали съ небольшихъ участковъ земли и отбывали только барщину, при томъ не конную, а пѣшую. Больше всего было, конечно, батраковъ. Къ концу XVI вѣка латыши лишились уже послѣднихъ остатковъ своей самостоятельности, потеряли фактически всѣ права, хотя юридически за ними осталось право пріобрѣтенія имущества и право судиться по уголовнымъ дѣламъ не иначе, какъ при содѣйствіи соприсяжниковъ изъ состава крестьянъ.

---

[1]) Dr. Astaf von Transehe-Roseneck, Das Agrarwesen der Ostseeprovinzen, (Baltische Bürger-Kunde T. I. Riga 1908 г.) стр. 208 и слѣд.

Во время шведскаго владычества постоянное увеличеніе государственныхъ земель путемъ редукціи имѣло своимъ результатомъ значительное облегченіе крестьянской участи. Держатели коронныхъ имѣній не имѣли права требовать со своихъ крестьянъ болѣе опредѣленной нормы оброковъ и повинностей. Земля была размѣрена и подвергнута оцѣнкѣ, былъ точно опредѣленъ объемъ платимыхъ каждымъ крестьяниномъ сборовъ, это все было занесено въ особыя книги, такъ называемыя „вакенбухи“, и подобная же мѣра постепенно была распространяема и на всѣ частныя имѣнія, при чемъ было постановлено, что всякій переводъ крестьянина на барскую „обѣльную“ или свободную отъ повинности мызную землю, влечетъ за собою немедленно соотвѣтственное кадастрированіе и обложеніе по вакенбуху крестьянскихъ повинностей. Если бы шведамъ до конца удалось довести свой планъ, то несомнѣнно, туземное крестьянство оказалось бы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ это было прежде. Барщина и оброкъ въ пользу помѣщика не могли бы подлежать никакому произвольному увеличенію со стороны господина. Къ шведскому времени относится также и требованіе, чтобы въ уголовномъ крестьянскомъ судѣ помѣщика непремѣнно присутствовалъ общій судья „Mannrichter“, что повлекло за собой и полную передачу уголовной юстиціи помѣщика въ руки соотвѣтственнаго суда или Manngericht'a. Нечего и говорить, что особенно благодѣтельно было разрѣшеніе крестьянамъ приносить въ судъ жалобы на своихъ собственныхъ помѣщиковъ. Уже въ 1681 г. Карлъ XI предполагалъ освободить балтійскихъ крестьянъ.

Сами балтійскіе историки признаютъ, что никогда въ старину не стояло такъ высоко крестьянское благосостояніе, какъ въ эпоху шведскаго владычества. Къ этому времени относится и зарожденіе той крестьянской аристократіи, которая образовалась на государственныхъ земляхъ, а частью и на частно-хозяйствен-

ныхъ. Тѣ же историки однако хотятъ заподозрить искренность шведской крестьянской политики, съ одной стороны, указаніемъ на ея фискальные интересы, съ другой—тѣмъ соображеніемъ, что-де на своихъ коронныхъ земляхъ Швеція не предоставила крестьянамъ свободы передвиженія или даже свободы вообще. Наши историки забываютъ при этомъ, во первыхъ, то отчаянное противодѣйствіе, которое шведамъ оказывали въ аграрной области нѣмецкіе бароны, а во вторыхъ ту истину, что сытый государственный крестьянинъ безъ свободы передвиженія чувствуетъ себя безмѣрно лучше, нежели голодный батракъ, не обезпеченный закономъ ни въ своихъ правахъ, ни въ существованіи. Свобода явилась бы логическимъ результатомъ той аграрной защиты, которую шведы провели на дѣлѣ. Изъ вакенбуха должна была вырасти свобода, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что такая свобода вполнѣ отвѣчала бы требованіямъ какъ разъ здравой и цѣлесообразной финансовой политики. И положеніе балтійскаго дворянства во время шведскаго владычества также нѣсколько измѣнилось. Какъ извѣстно, въ рядахъ балтійскаго землевладѣнія имѣлись далеко не одни только рыцари, принадлежащіе къ наслѣдственнымъ дворянскимъ родамъ. Здѣсь было много и недворянскихъ фамилій, также какъ горожанъ. „Рыцарство и земство“—Ritter und Landschaft—такова формула, охватывающая собой весь составъ балтійскихъ вотчинниковъ. Права обѣихъ составныхъ частей землевладѣнія были въ общемъ одинаковы, и если въ шведское время въ Балтикѣ появляется дворянство титулованное, то это также не влечетъ за собою никакихъ особыхъ привилегій. Съ переходомъ рыцарской военной службы въ обязанность поставки вооруженныхъ рекрутъ благородные и неблагородные окончательно сравнялись, и мы видимъ, какъ участіе въ ландтагѣ связывается не съ рожденіемъ, а съ осѣдлостью и поземельнымъ владѣніемъ. Это же послѣднее опять-таки равно открыто

какъ бюргерамъ, такъ и дворянамъ. Согласно положенію о ландтагѣ 1647 г. единственно только выборы земскаго маршала были предоставлены исключительно дворянству, точно такъ же, какъ согласно резолюціи 1643 г. выбираемые на ландтагѣ 12 ландратовъ—эти высшія дворянскія должности—могли замѣщаться только изъ среды дворянъ. Просьба дворянства, чтобы вообще замѣщеніе всѣхъ должностей въ странѣ производилось при помощи выборовъ изъ дворянъ—удовлетворенія со стороны шведовъ не получила. Только въ одномъ отношеніи дворянство одержало Пиррову побѣду. Въ своемъ стремленіи къ кастовой исключительности и монопольному захвату должностей оно настойчиво добивалось заведенія особой матрикулы, которая рѣзко разграничила бы истинную знать отъ всякихъ худородныхъ. Эта просьба была удовлетворена, хотя практическихъ послѣдствій не имѣло. За то въ своемъ стремленіи ослабить балтійскихъ вотчинниковъ шведское правительство пошло очень далеко и въ концѣ XVII вѣка на утѣшеніе кастовому дворянству создало исключительно дворянскій ландтагъ, изъ котораго вовсе были удалены недворянскіе элементы. Нечего говорить, что параллельно съ этимъ шло постепенное сокращеніе элемента выборности въ судейскихъ и административныхъ должностяхъ, а на мѣсто его выдвигались чисто правительственные шведскіе чиновники. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ путь долженъ былъ привести къ полному ослабленію дворянско-сословнаго владычества въ краѣ и приготовилъ бы почву для чисто государственнаго управленія. Шведскій опытъ остался во всякомъ случаѣ неоконченнымъ. Уничтоженіе ландратовъ и ограниченіе правъ ландтага въ 1694 г. было лишь послѣднимъ эпизодомъ шведской политики.

Уже во время польскаго владычества въ Ригѣ былъ законченъ процессъ развитія городского самоуправленія, который былъ начатъ весьма успѣшно подъ сѣнью

ливонскаго ордена и Ганзы. Уже въ XV вѣкѣ городской совѣтъ, пополнявшійся изъ большой гильдіи, нуждался въ согласіи всего городского общества въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ. Однако община политически исчерпывалась обѣими гильдіями, и въ виду этого совѣтъ очень рано сталъ призывать гильдейскихъ старѣйшинъ на свои совѣщанія, а въ серединѣ XVI вѣка мы уже видимъ этихъ старѣйшинъ въ качествѣ равноправныхъ членовъ совѣта, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются представителями гильдіи. Въ XVI вѣкѣ старѣйшины образуютъ уже особую привилегированную скамью, и эта корпорація въ союзѣ съ совѣтомъ стремится стать столь-же безотвѣтственной и исключительной, какъ прежній совѣтъ. Періодъ государственной самостоятельности Риги, который длился 20 лѣтъ послѣ гибели ордена, содѣйствовалъ очень сильно демократизаціи города. Но какъ мы уже знаемъ, патриціатъ обратился къ польской помощи, и дѣло радикальной реформы затормозилось. Община, выступившая было на первый планъ въ составѣ всѣхъ полноправныхъ гражданъ, должна была смириться. Вмѣсто всей общины только особый комитетъ изъ 70 представителей, изъ которыхъ 40 принадлежали къ большой, а 30 къ малой гильдіи, долженъ былъ участвовать въ рѣшеніи городскихъ дѣлъ, особенно же финансовыхъ, которыя издавна служили предметомъ критики и раздоровъ. Общинѣ однако удалось дожить до болѣе рѣшительной уступки. И цѣною увеличенія правъ упомянутой уже скамьи старѣйшины гильдіи добились уничтоженія комитета 70 и участія обѣихъ гильдій непосредственно въ рѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ и въ частности финансовыхъ дѣлъ. При шведахъ этотъ порядокъ въ общемъ сохранился. Подъ ихъ владычествомъ ожили и нѣкоторые другіе города, въ особенности Ревель, за которымъ осталась почти монопольная торговля съ Россіей. Рига играла подобную же роль относительно польскаго рынка. Къ

XVII же вѣку относится и окончательный разрывъ балтійскихъ городовъ съ Ганзой, т. к. благодаря шведскому покровительству эти города чувствовали себя достаточно сильными, чтобы владѣть балтійскимъ моремъ. За такое положеніе города однако должны были платить. Тяжелыя ввозныя и вывозныя пошлины легли на торговлю, и не менѣе четырехъ сотъ шестидесяти тысячъ талеровъ давала торговля стокгольмскому правительству. И если благодаря редукціи и дворянской земли—въ одной Лифляндіи 5/6 поземельнаго владѣнія принадлежали коронѣ—шведское правительство получало по 3 милліона талеровъ ежегодно, то какъ очевидно, торговля должна была также отдать свою долю, и всѣ жалобы Ревеля и Риги на высокія пошлины должны были остаться безплодными. Безъ денегъ Швеція была немыслима, какъ великая держава.

Въ высшей степени замѣчательный эпизодъ изъ исторіи XVII вѣка представляетъ собой царствованіе Якова Куряндскаго, одного изъ удивительнѣйшихъ людей своего вѣка. Безсильный и нищій герцогъ среди безразборчиваго и самовластнаго дворянства, этотъ правитель принадлежалъ къ числу на рѣдкость одаренныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпринимателей. Путемъ удачныхъ комерческихъ операцій этотъ герцогъ сумѣлъ стать крупнымъ капиталистомъ, судовладѣльцемъ и промышленникомъ. Онъ строилъ у себя фабрики и заводы, основывалъ города, создавалъ цѣлые флоты, вступалъ въ торговыя сношенія съ сосѣдними державами, заключалъ международные договоры и сталъ въ концѣ концовъ колоніальнымъ государемъ. Курляндскій флагъ развивался на моряхъ обоихъ полушарій, а въ колоніальный торговлѣ маленькое герцогство конкурировало съ Англіей и Голландіей. Пышный расцвѣтъ курляндскихъ городовъ долженъ былъ привести къ возрожденію герцогской власти. Къ несчастью однако правитель новой колоніальной державы упустилъ изъ

виду одну изъ важнѣйшихъ статей тогдашняго казеннаго хозяйства, а именно пріобрѣтеніе достаточныхъ массъ пушечнаго мяса. Набирая полезныхъ рабочихъ, техниковъ и мастеровъ, онъ не приготовилъ достаточнаго числа профессіональныхъ представителей массоваго убійства. Нейтралитетъ его не спасъ, и ближайшая война сосѣдей превратила въ пустыню маленькій промышленный и культурный центръ. Такъ погибъ единственный опытъ государственной нѣмецкой и вмѣстѣ культурной политики въ Остзейскомъ краѣ.

О религіозномъ и гуманитарномъ движеніи намъ остается сказать очень мало. Только въ Ригѣ и болѣе крупныхъ балтійскихъ городахъ реформація дала движеніе, достойное этого имени. Бароны остались безразличными, масса туземцевъ не знала никакой религіи. Во всякомъ случаѣ имена Андрея Кнепкена, Сильвестра Тегетмейера, Марсова, Ланге, Гассе и другихъ останутся навсегда связанными съ балтійской исторіей. Ихъ дѣятельность въ Ригѣ и Ревелѣ была очень плодотворна, ихъ проповѣди были настоящей революціей въ религіозной области. Сословно-крѣпостническій строй однако не могъ допустить въ деревню иныхъ ученій кромѣ проповѣди безусловной преданности и покорности господамъ, которая звучала тѣмъ убѣдительнѣе, что пасторы находились въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, у этихъ же послѣднихъ, какъ мы уже знаемъ, преобладали исключительно матеріальные интересы. Неудивительно также, что пасторы не желали даже изучать мѣстнаго языка, а подъ ихъ каѳедрой стоялъ переводчикъ, который все переводилъ только одной фразой, которая гласила: „послушаніе вашимъ господамъ—вотъ ваша добродѣтель; если вы не научитесь послушанію здѣсь въ этомъ храмѣ у подножія всемогущаго Бога, то эта палка на вашихъ спинахъ начертитъ драгоцѣнные завѣты послушанія“. При шведахъ дѣло значительно улучшилось. Карлъ XI издалъ цер-

ковный уставъ, библія была переведена на латышскій языкъ и на казенный счетъ была напечатана въ массѣ экземпляровъ. Еще раньше была подготовлена библія на эстонскомъ языкѣ, и одновременно съ латышской былъ отпечатанъ Новый Завѣтъ.

Относительно балтійскаго просвѣщенія въ XVII вѣкѣ многаго также разсказывать не приходится; опять-таки, что здѣсь сдѣлано, то приходится приписать шведамъ и ихъ вліянію. Академическія гимназіи въ Дерптѣ, Ригѣ и Ревелѣ, университетъ въ Дерптѣ, городскія школы въ Вейсенштейнѣ, въ Вольмарѣ, Гапсалѣ и Венденѣ, вторая гимназія въ Ригѣ—все это плоды шведскихъ стараній, и только Рига, которая еще въ XIII вѣкѣ владѣла зачатками школы, а въ XIV обладала латинской соборной школой, преобразованной впослѣдствіи въ гимназію, была вѣрнымъ союзникомъ шведовъ въ дѣлѣ просвѣщенія. Самостоятельно завѣдуя своими школами, она не разъ издавала различные регламенты по школьному дѣлу, и въ 1681 г. мы встрѣчаемся даже съ попыткой создать въ самой Ригѣ и ея владѣніяхъ всеобщую школьную повинность. Въ концѣ шведскаго управленія въ Ригѣ имѣлось 4 низшихъ школы въ городѣ, четыре въ предмѣстьяхъ и восемь школъ въ его владѣніи. Что касается низшихъ сельскихъ школъ, то объ этомъ не могло быть и рѣчи, т. к. бароны менѣе всего могли жаждать просвѣщенія туземцевъ. Впрочемъ и съ университетомъ дѣло обстояло далеко не важно. Дерптъ могъ быть центромъ только или баронскаго или шведскаго университета, а такъ какъ созданная шведами Academia Gustaviana являлась преимущественно шведской и проводила въ жизнь весьма непріятныя для балтійскихъ феодаловъ идеи, то естественно, что послѣ цѣлаго ряда конфликтовъ благодаря русскому нашествію она перестала наконецъ смущать собою феодальную культуру.

IV.

Только полуазіатское владычество русскихъ XVIII в. могло дать истинный расцвѣтъ балтійскаго германизма. Бароны собственно желали не этого: они стремились всѣмъ своимъ существомъ назадъ къ Польшѣ. Только тамъ водворилась истинная республика дворянства, только тамъ въ ленной Курляндіи по примѣру польскаго шляхетства развилось ничѣмъ не омрачаемое торжество вотчиннаго крѣпостническаго начала. И Паткуль, этотъ типичный преставитель лифляндскаго баронства, употреблялъ героическія усилія къ тому, чтобы спасти при помощи Польши истино-нѣмецкое владычество и культуру. И только, когда почти всѣ надежды на Польшу были потеряны, самого Петра хотѣлъ онъ сдѣлать орудіемъ для польскихъ плановъ, для цѣлей возрожденія пресвѣтлой республики феодаловъ. Но русскіе оказались еще великодушнѣе поляковъ, и такъ какъ Петръ согласно договорамъ не могъ расчитывать на пріобрѣтеніе Лифляндіи путемъ простого завоеванія, то онъ и заключилъ съ сословіями и городами особыя капитуляціи, которыя придали добровольный характеръ переходу Балтики подъ русскую высокую руку. Въ этихъ капитуляціяхъ—надо имъ отдать справедливость—высказалась вполнѣ та нѣмецкая „національность“, которая имѣла своимъ носителемъ одинъ лишь помѣщичій классъ. Ненависть бароновъ къ балтійскимъ городамъ нашла здѣсь свое высокое выраженіе: все только для себя выговаривали господа бароны по всѣмъ дѣйствующимъ и недѣйствующимъ хартіямъ. Главной основой тутъ явилась, конечно, польская привилегія короля Сигизмунда Августа, которая еще по тому представляла большое удобство, что точнаго ея текста никакъ нельзя было больше найти.

И русскіе исполнили свою нѣмецкую миссію. Они очистили Остзейскій край отъ всякой шведской заразы.

И если благодаря славнымъ подвигамъ русскаго оружія пала ненавистная Густавіана, то за актами всеобщаго разоренія послѣдовали еще болѣе блистательныя дѣянія. Отнятыя шведами въ казну старыя ленныя владѣнія были возвращены г.г. помѣщикамъ, и коронное крестьянство снова нашло своихъ истинныхъ господъ. Всѣ шведскіе вакенбухи были выброшены въ окно, и старо-польская власть шляхтича надъ быдломъ снова украсила собою страницы истинно-балтійской культуры. Подъ руками благодѣтельныхъ русскихъ гибло все съ такимъ трудомъ возведенное шведами зданіе, принципъ же государственности былъ погребенъ надолго подъ кровомъ чисто-сословнаго „самоуправленія“. Сами бароны только подъ русской властью достигли наконецъ полной, истинно дворянской чистоты крови и при помощи записи высокородныхъ фамилій въ матрикулы добились давно желаннаго раздѣленія между германизмомъ подлиннымъ и германизмомъ худороднымъ, такъ-что послѣдній былъ вытѣсненъ за дверь истинно-нѣмецкаго духа. Врядъ ли исторія знаетъ страницы болѣе самоубійственной и антинаціональной политики, чѣмъ та, которую проводили балтійскіе бароны, лишь только почувствовали свободу и власть.

И прежде всего рѣшено было возможно удобнѣе устроиться по отношенію къ землѣ и крѣпостному праву. Отнынѣ согласно капитуляціямъ владѣть землей могли только дворяне. Принципъ, существовавшій съ первыхъ дней Ливоніи былъ ниспровергнутъ, нѣмецкіе города и нѣмецкіе же бюргеры лишились права владѣть землей, и только Рига благодаря особой капитуляціи сумѣла сохранить это право и своихъ представителей на ландтагѣ. Впослѣдствіи, когда дворянство раздѣлилось на матрикулярное и нематрикулярное, только первое было сочтено вполнѣ достойнымъ владѣнія землей и крѣпостнымъ его населеніемъ, и въ случаѣ продажи имѣнія въ руки послѣдняго матрикулярному или коренному владѣльцу

принадлежало особое право алиментовъ. Даже отъ арендованія казенныхъ земель хотѣли „коренные“ исключить всякаго неблагороднаго нѣмца. Однако здѣсь даже русское привительство защитило германизмъ, лишенный индигената отъ германизма, принятаго въ составъ корпуса коренного матрикулярнаго дворянства.....

Исключая такъ старательно всякаго нѣмца отъ владѣнія землей, дворяне въ то же время старались обезпечить себя возможно лучше. Сначала они стали практиковать старорусское крѣпостное рабство, причемъ на бароновъ была распространена чисто русская привилегія ссылки своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь. Крестьянамъ воспрещены были всякія жалобы на помѣщика, а съ послѣднихъ снята всякая отвѣтственность за нечаянное убійство крѣпостнаго. Въ результатѣ полное разореніе крестьянъ, бунты и усмиренія, при которыхъ русскіе мужицкіе штыки оказались много дѣйствительнѣе шведскаго аграрнаго законодательства. Подъ покровительствомъ русской же власти произошло и то знаменитое освобожденіе крѣпостныхъ, которое дворянскіе патріоты выставляютъ какъ удивительнѣйшій актъ исключительной гуманности и христіанской любви. На самомъ дѣлѣ это освобожденіе заключало въ себѣ слѣдующіе акты. Когда крѣпостное хозяйство при помощи дворохозяевъ стало невыгоднымъ и надо было завести болѣе интенсивное хозяйство на барской землѣ, то вся крестьянская земля, которая отъ вѣка была въ крестьянскомъ пользованіи и принципіально отличалась отъ мызной или барской, сразу была экспропріирована помѣщиками съ освобожденіемъ отъ нея крестьянъ. И если по закону 1804 г. крестьянинъ могъ покупать ту усадебную землю, на которой онъ сидѣлъ, и усадебная земля еще была неприкосновенна, то все-же и здѣсь дано помѣщику право отбирать крестьянскія земли, т. к. право собственности остается исключительно за нимъ. По законамъ 1816—1817 и 1819 г. г. дѣло пошло значительно дальше. Вся земля

была объявлена безусловной собственностью помѣщика, всѣ отношенія между нимъ и крестьянами были построены на началахъ свободнаго договора, причемъ арендная плата замѣнялась барщиной, сами же крестьяне остались цѣликомъ подъ властью вотчинной полиціи своего единственнаго господина. Такъ крестьяне лишились всѣхъ правъ на землю, остались на барщинѣ на еще худшихъ условіяхъ, чѣмъ раньше, причемъ помѣщикъ, освобожденный отъ всѣхъ своихъ обязанностей по отношенію къ крестьянамъ, въ то-же самое время сохранилъ надъ ними полицейскую власть маленькаго паши. Это называлось гуманнымъ освобожденіемъ крестьянъ.

Всеобщія и чрезвычайно сильныя крестьянскія волненія съ многократными усмиреніями сороковыхъ годовъ принудили помѣщиковъ къ нѣкоторымъ уступкамъ, тѣмъ болѣе что русское правительство на этотъ разъ отнеслось не столь пассивно, какъ это было прежде. Наблюденія надъ нѣмецкой культурой господъ бароновъ дали русскому духовенству и бюрократамъ мысль испробовать въ краѣ и русскую культуру. Тѣмъ болѣе, что латыши и эстонцы въ своихъ поискахъ „теплаго края“ готовы были принять какую угодно вѣру и культуру ради жалкаго куска усадебной земли. Такъ родились массовые переходы туземцевъ въ православіе, которымъ воспользовалась часть русской бюрократіи для попытки обрусѣнія края. Тутъ впервые балтійскіе бароны, воспитанные на польскихъ идеалахъ, почувствовали себя хранителями и стражами великихъ благъ культурнаго „германизма“. И при помощи законовъ 1845—1849 г. г. балты рѣшили создать особую крестьянскую аристократію дворохозяевъ, для которыхъ и были установлены слѣдующія мѣры: сроки аренды были продлены, установлена наслѣдственная аренда, земли крестьянскаго пользованія сдѣланы опять неприкосновенными, разрѣшено пріобрѣтать усадьбу и арендную землю въ полную собственность,

установлена льготная разсрочка выплаты и созданы первые крестьянскіе банки. При помощи всѣхъ этихъ мѣръ крестьянская земля, экспропріированная у всего туземнаго населенія, продавалась обратно наиболѣе состоятельнымъ элементамъ изъ среды крестьянъ, и бароны, безконечно выигравъ на всей операціи „освобожденія“, создали, кромѣ того, какъ они полагали, крестьянскій консервативный классъ. Масса батраковъ осталась на положеніи обезземеленнаго пролетаріата. Въ настоящее время поземельная собственность въ Остзейскомъ краѣ распредѣляется такимъ образомъ, что въ собственности барономъ находится болѣе полутора милліоновъ обработанной земли, тогда какъ въ рукахъ крестьянъ съ небольшимъ болѣе милліона (на первыхъ приходится 58, 17% культурный площади). Что же касается отношенія крестьянскаго крупнаго и мелкаго владѣнія, то достаточно сказать, что участки отъ 30 до 40 десятинъ представляютъ собою преобладающее по размѣрамъ владѣніе, а слѣдовательно здѣсь превалируетъ крупное крестьянское хозяйство. Количество безземельныхъ можно опредѣлить уже по тѣмъ даннымъ, что въ Курляндіи на одного крестьянина земледѣльца приходится 8, 8 безземельныхъ, а въ Лифляндіи даже 9, 82 (муж. пола). На всѣхъ же владѣющихъ землею крестьянъ съ ихъ семьями приходится по крайней мѣрѣ одинъ милліонъ безземельныхъ батраковъ.

Водворивъ такъ удачно „нѣмецкую“ культуру на латышской и эстонской землѣ, помѣщики сумѣли сохранить за собой и другія права. И если въ крѣпостное время на крестьянахъ лежала тяжесть всѣхъ налоговъ во главѣ съ подушной податью, то и до настоящаго времени однимъ помѣщикамъ принадлежатъ не только различныя удобства въ дѣлѣ отбыванія общихъ повинностей, но и такія важныя хозяйственныя права, какъ право содержанія трактировъ, пивныхъ лавокъ и гостиницъ въ предѣлахъ своей земли, причемъ только винная

монополія, а затѣмъ введеніе трезвости нѣсколько ослабила шинкарское право балтійскихъ бароновъ. Въ крѣпостное время такія права были значительно шире: бароны не только были свободны отъ всѣхъ косвенныхъ налоговъ, таможенныхъ сборовъ и воинскаго постоя, но имъ однимъ принадлежали права винокуренія и пивоваренія, право торговли водкой, пивомъ и съѣстными припасами, право содержанія шинковъ и корчемъ, право устройства и содержанія мельницъ, наконецъ право охоты и рыбной ловли.

Нечего и говорить, что мѣстное законодательство, управленіе и юстиція при русскомъ владычествѣ были цѣликомъ въ рукахъ нѣмецкихъ помѣщиковъ. И чѣмъ болѣе они чувствовали себя сильными, тѣмъ больше стремились всѣ эти громадныя политическія права сосредоточить въ рукахъ небольшой кучки „коренныхъ“, принадлежащихъ къ корпусу матрикулярнаго дворянства, которое всѣми силами пыталось оттѣснить на второй планъ остальные нѣмецкіе же элементы, нѣмецкихъ дворянъ, не внесенныхъ въ матрикулу, нѣмецкихъ помѣщиковъ недворянскаго происхожденія, нѣмецкихъ бюргеровъ, продѣлавшихъ на балтійской почвѣ всю шестивѣковую исторію края. Не національность, а сословная исключительность и олигархическая узость, не сознаніе общей культуры, а грубый кастовый интересъ лежитъ въ основѣ развитія дворянской автономіи края при русскомъ владычествѣ. И если порой среди дворянъ появлялись такіе люди, какъ Гамилькаръ Фелькерзамъ, то менѣе всего они находили поддержку своимъ высокимъ гуманнымъ требованіямъ среди массы балтійскаго дворянства. Въ полномъ отчужденіи, почти забвеніи пришлось кончить жизнь Фелькерзаму, этому представителю несвойственной сословію культуры.

Сословная гордость и честь, для которой было унизительно, чтобы недворянинъ помѣщикъ голосовалъ на выборахъ въ ландтагѣ рядомъ съ дворяниномъ, она до-

пускала вполнѣ и безъ колебаній совмѣстную дѣятельность балта съ русскимъ разночинцемъ въ имперскихъ канцеляріяхъ и казармахъ. Цѣлыми массами отправлялись нѣмецкіе бароны въ Россію на прибыльную службу и при помощи братской поддержки захватывали всѣ лучшія наиболѣе почетныя и хорошо оплачиваемыя мѣста. Дворъ, гвардія, генералитетъ, центральное управленіе, губернаторскія и вообще начальственныя должности на мѣстахъ—однимъ словомъ все, что только можно было при большихъ связяхъ и взаимной поддержкѣ добыть въ странѣ, гдѣ шляхетство считалось опорой престола, а таланты командованія, неукоснительной строгости и непреоборимаго усмотрѣнія до послѣдняго времени считались единственно нужными для законодателя, политика, администратора. Не нѣмецкую культуру въ ея лучшихъ проявленіяхъ, не Пруссію Штейна и Гарденберга, не Германію Шиллера и Гете несли въ Россію приказнаго строя балтійскіе бароны. Крѣпостники вплоть до отрицанія національности, враги нѣмецкаго бюргера и нѣмецкаго религіознаго исканія, они приходили въ Россію не какъ нѣмцы, а какъ воплощенные представители сословности и произвола, готовые одинаково служить польскому Сигизмунду и русскому Петру, лишь-бы имущественный интересъ и кастовое самоуправство нашли защиту, признаніе и просторъ для своего развитія и расцвѣта.

На примѣрѣ нѣмецкаго движенія Гернгутеровъ, проникшаго широкой волной въ туземное крестьянство, мы можемъ ясно видѣть, какъ цѣнили бароны нѣмецкую же культуру, разъ только она приходила въ столкновеніе съ ихъ кастовымъ интересомъ. Эта секта, нѣмецкая по всѣмъ своимъ корнямъ, нѣмцами принесенная въ Прибалтійскій край, была задушена нѣмцами-помѣщиками при помощи русской грубой полицейской силы только потому, что здѣсь нѣмцы и латыши назывались братьями, а такое онѣмеченье было вредно для помѣ-

щичьей власти. Этотъ примѣръ лучше всего объясняетъ тотъ удивительный фактъ, что за семь вѣковъ баронскаго владычества въ краѣ латыши не только не были пріобщены къ нѣмецкой культурѣ, но даже не обучены нѣмецкой грамотѣ и языку. И если была полная возможность ассимилировать туземцевъ нѣмецкимъ господамъ, то противъ этого всегда подымался болѣе могучій интересъ, интересъ крѣпостника и рабовладѣльца. Нѣмецкая культура въ балтійскомъ краѣ если гдѣ и процвѣтала, то только въ городахъ.

V.

Когда идетъ рѣчь о нѣмецкой культурѣ балтійскаго края, необходимо различать дѣятельность дворянской касты и городовъ, воспринявшихъ въ себя къ тому-же чрезвычайно много латышскихъ и эстонскихъ элементовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что русскіе губернаторы стараго времени обращались весьма патріархально съ балтійскими городами, воспитывали бургомистровъ при помощи гауптвахты, а изъ городскихъ суммъ безъ зазрѣнія совѣсти черпали не только на государственныя надобности, но и на личные расходы,—города процвѣтали и должны были процвѣтать. И это неудивительно: балтійскіе порты были не только окнами, но настоящими воротами въ Западную Европу, и черезъ нихъ совершалось все обращеніе между богатой и отсталой Россіей и просвѣщеннымъ Западомъ. До устройства желѣзныхъ дорогъ главная торговля Россіи была монополизована балтійскимъ побережьемъ, и еще въ половинѣ XIX вѣка сухопутный отпускъ во внѣшней торговлѣ равнялся только семнадцати процентамъ, тогда какъ изъ остальныхъ восьмидесяти трехъ процентовъ внѣшней торговли по цѣнности привоза балтійское море занимаетъ первое мѣсто. Нечего и говорить, что въ началѣ столѣтія на балтійскіе порты приходилось не менѣе 85,5 процента всего морского отпуска и 90,9 процента всей его цѣн-

ности. Это настоящій золотой потокъ, который вмѣстѣ съ русскимъ хлѣбомъ, льномъ, кожами и саломъ оплодотворялъ города балтійскаго побережья и тѣмъ самымъ создавалъ тучную почву для неизвѣстной въ Россіи культурности и благоустройства. Не надо забывать, что и сейчасъ послѣ того, какъ Черное море и желѣзныя дороги создали могучую конкуренцію прежней балтійской торговлѣ, Рига вывозила въ началѣ XX вѣка болѣе чѣмъ на 60 милліоновъ рублей, а ввозила на сумму болѣе 41 милліона. И если Рига, Ревель, Либава, Нарва, Перновъ и Аренсбургъ не слѣдуютъ уже непосредственно за Петроградомъ въ порядкѣ внѣшней торговли, какъ это было въ началѣ XIX вѣка, то и въ послѣднее время Ревель (по даннымъ 1901 г.) привезъ изъ-за границы товаровъ на 43 милліона рублей, а вывезъ почти на 30 милліоновъ. Такова реальная почва для расцвѣта нѣмецкой культуры подъ русской защитой и на русской экономической основѣ.

И послѣ этого понятнымъ становится для насъ тотъ расцвѣтъ бюргерскаго просвѣщенія и гуманизма, который характеризуетъ собой въ противоположность рыцарству гражданство балтійскихъ городовъ. И какъ только установился хоть нѣкоторый порядокъ при Екатеринѣ послѣ цѣлаго ряда государственныхъ переворотовъ и придворныхъ революцій, мы видимъ, какъ въ Ригѣ учреждаются масонскія ложи, возникаютъ первыя газеты — „Rigasche Anzeigen“, а такіе знаменитые книгопродавцы, какъ Гарткнохъ, даютъ толчокъ книжному издательству и торговлѣ. И въ то время какъ дворянство встрѣчало взрывомъ негодованія екатерининскія мѣры, направленныя къ ослабленію его кастовой замкнутости и нетерпимости, мы находимъ среди бюргерства такихъ дѣятелей, какъ братья Беренсы, такихъ педагоговъ какъ Линднеръ, благодаря которымъ въ исторію Риги занесены имена Гамана и Гердера. И если съ одной стороны въ рижскомъ изданіи появились нѣкоторыя творенія

Канта, то уже въ концѣ XVIII вѣка развивается въ стѣнахъ „старѣйшей и достопочтеннѣйшей“ журналистика, исполненная духа гуманизма, космополитическихъ воззрѣній и философскаго скептицизма.

За просвѣщеніемъ и богатствомъ съ логической необходимостью послѣдовали политическое вольномыслiе и демократическія идеи. Поскольку Ашерадены, Сиверсы, Меллины были своего рода бѣлыми воронами среди юнкерской среды, постольку же естественнымъ и необходимымъ явленіемъ среди рижскаго бюргерства были такіе люди, какъ Яковъ Эгеръ, Генрихъ Штраухъ и др. п. имъ „демагоги“; само собою разумѣется, что позднѣйшіе историки, стоящіе подъ знаменемъ баронскихъ традицій, не щадятъ выраженій по адресу бюргерскихъ демократовъ тогдашней эпохи: „честолюбивые и недобросовѣстные авантюристы“, „потерявшіе всякое чувство отвѣтственности и всякое пониманіе традицій города“, „невѣрующіе въ религіи, невѣжды въ отцовскихъ преданіяхъ“—таковъ ассортиментъ выраженій, подсказаныхъ истинно нѣмецкимъ патріотизмомъ, который готовъ отречься отъ сорсдича, разъ этотъ послѣдній зараженъ „въ школѣ Вольтера“ „индиферентизмомъ“ по отношенію ко всѣмъ моральнымъ силамъ или, попросту говоря, демократическимъ міровоззрѣніемъ. Къ несчастью для баронской реакціи бюргерская демократія не ограничилась Эгеромъ, она дала Балтикѣ еще такого человѣка какъ Гарлибъ Меркель, знаменитый авторъ книги „о латышахъ преимущественно въ Лифляндіи въ концѣ философическаго столѣтія“. Этотъ человѣкъ, въ теоріи почитатель Вольтера, Руссо и Бэйля, на практикѣ явился первымъ обличителемъ баронской правды и крѣпостническаго хозяйства. Его книга незабвенный памятникъ бюргерской балтійской культуры и въ ней же впервые произнесенъ приговоръ „культурнымъ“ идеаламъ балтійскаго дворянства. И какъ ни пытаются позднѣйшіе „балты“ скомпрометировать этого

человѣка „лишеннаго всякаго пониманія историческихъ образованій, несправедливаго и нетерпимаго въ своей ненависти ко всему, что только не соотвѣтствуетъ его идеямъ“, однако и они должны признать безусловную честность его праведнаго гнѣва и даже талантъ этого „ловкаго журналиста“.

Гораздо менѣе опаснымъ для помѣщичьихъ интересовъ было движеніе піетизма, которое имѣло своимъ центромъ не столько Ригу, сколько Дерптъ. Пропаганда Гернгутеровъ, которая имѣла своимъ главнымъ представителемъ графа Цинцендорфа, какъ мы уже знаемъ, вызвала противъ себя сильнѣйшую оппозицію со стороны бароновъ, т. к. она не ограничивалась городскими стѣнами и была связана кромѣ того съ извѣстными соціальными требованіями въ духѣ первоначальнаго христіанства. Съ другой-же стороны, среди крестьянскихъ общинъ этой секты постепенно образовалась своего рода крестьянская аристократія, которая казалась по своему образованію, нравственнымъ силамъ и сплоченности слишкомъ опасной для цѣлей хозяйской эксплоатаціи. Въ 1743 г. протестантское духовенство во имя принциповъ любви и терпимости добилось самыхъ суровыхъ мѣръ противъ еретиковъ, а Цинцендорфъ попалъ въ цитадель и былъ изгнанъ. Теченія позднѣйшаго мистицизма и піетизма, которыя 40 лѣтъ спустя послѣ изгнанія гернгутеровъ нашли своего представителя въ лицѣ Давида Ленца, были существенно иного сорта. Далекія отъ какой бы то ни было реформы, они стремились только къ исполненію новымъ духомъ благочестія и религіозности старыхъ мѣховъ лютеранской ортодоксіи, которая умѣла противоставить демократически настроеннымъ „санкюлотамъ“, ихъ клубамъ, журналамъ и кофейнямъ, возрожденный мистицизмъ христіанской реакціи. Противъ безнравственности и распущенности вольтеріанцевъ какъ разъ въ Дерптѣ при основанномъ тамъ новомъ университетѣ создалась своего рода крѣпость, которая дожила

до благословенныхъ годовъ христіанскаго государства временъ философіи Шталя и политики Меттерниха. Профессоръ Филиппи, крещеный раввинъ, и стоящій подъ вліяніемъ Шлейермахера Фердинандъ Вальтеръ, юные піэтисты Энгельгардтъ и Эттингенъ—таково было созвѣздіе, создавшее вокругъ себя въ Дерптѣ своего рода „великую державу“ лифляндской жизни, нашедшую не столько послѣдователей, сколько послѣдовательницъ среди дворянскихъ балтійскихъ фамилій. Такое христіанство могло уже съ успѣхомъ противодѣйствовать пагубному вліянію гернгутера въ балтійскомъ краѣ, и съ торжествомъ заявляетъ одинъ изъ благомѣренныхъ историковъ, что съ этихъ поръ у сектантскаго движенія была совершенно выбита почва изъ-подъ ногъ!

Въ самомъ университетѣ борьба двухъ теченій, либеральнаго демократизма и аристократическаго піетизма, конечно, окончилась побѣдой второго надъ первымъ. Правда, и здѣсь побѣда далась не даромъ: длительный процессъ борьбы развернулся въ формы чисто студенческаго спора сначала между „дикими“ и корпораціями, а затѣмъ между землячествами (Landsmanschaften) и болѣе свободными братствами. (Burschenschaften). Корпораціи, а затѣмъ и землячества были представителями реакціоннаго землевладѣльческаго элемента, враждебно настроеннаго по отношенію ко всякимъ новшествамъ и крѣпко связаннаго бытомъ, сословнымъ началомъ корпоративной дисциплины и церемоніаломъ дѣдовскихъ обычаевъ. „Дикіе“ стояли на почвѣ индивидуализма, провозглашали высшей цѣлью свободу и самодѣятельность личности, въ корпораціяхъ же видѣли средневѣковой пережитокъ, исполненный кастоваго духа и вредныхъ предразсудковъ. Корпораціи побѣдили дикихъ, но скоро общее студенческое братство или Burschenschaft вступило въ борьбу на почвѣ студенческаго общенія съ аристократическими землячествами и, казалось, растворило ихъ. Однако побѣда либеральнаго принципа въ

дворянскомъ университетѣ не могла быть устойчива, и хотя прежней феодальной исключительности были нанесены тяжелыя раны, все же она, а не Burschenschaft оказалась торжествующей. И компромиссъ, заключенный между двумя теченіями, оказался болѣе на пользу баронамъ, чѣмъ бюргерству. Либеральныя теченія среди профессуры могли быть въ Дерптѣ лишь краткимъ эпизодомъ. Въ золотую пору нѣмецкаго либерализма дерптская профессура также дала нѣсколько жертвъ на алтарь 1848 г. Императоръ Николай I усмирялъ не только Европу, но и мятежный Дерптъ. Ректоръ теологъ Ульманъ, деканъ юридическаго факультета фонъ-Бунге подверглись жестокимъ гоненіямъ въ то время, какъ профессоръ Озенбрингенъ и доцентъ Генъ были обвинены не болѣе и не менѣе какъ въ томъ, что они участвовали вмѣстѣ съ госпожей фонъ Бруннингъ въ освобожденіи изъ Шпандау поэта Кинкеля..... Эта пора однако прошла безвозвратно, и по свидѣтельству балтійскихъ патріотовъ съ тѣхъ поръ духъ вѣрноподданнаго усердія и лойальнаго ученія свилъ себѣ недосягаемое гнѣздо въ стѣнахъ дерптской almae matris.

Противоположность между бюргерствомъ и крѣпостническимъ дворянствомъ сказалась не въ однихъ только идейныхъ спорахъ и столкновеніяхъ. Напротивъ того, различіе матеріальныхъ интересовъ привело и къ политической борьбѣ, которая окончилась далеко не въ пользу бюргерства. И въ первую эпоху русскаго владычества особенно ярко сказывалось то предпочтеніе, которое оказывала новая власть дворянству, т. к. она совершенно лишена была пониманія городской жизни и городскихъ элементовъ. Высокое развитіе городского права, бюргерской юстиціи и самоуправленія были вещами, которыя вызывали гнѣвъ и негодованіе со стороны русскихъ. И поскольку дворянство и русская администрація отлично мирились другъ съ другомъ, постольку городскія вольности представлялись продер-

2086

зостью русскимъ губернаторамъ. Ссылка бургомистра Брокгузена въ Сибирь, отчужденіе у города его имѣній, нарушеніе городскихъ правъ и уничтоженіе городского суда бургграфа, установленнаго для дворянъ, все это яркіе симтомы побѣды крѣпостниковъ надъ городомъ. И само собой разумѣется, что установленіе дворянской матрикулы, закрывшей доступъ въ его ряды бюргерамъ, и признаніе за дворянствомъ крупныхъ привилегій въ дѣлѣ исключительнаго владѣнія помѣстьями и замѣщенія судейскихъ и административныхъ должностей,— все это повышало до чрезвычайной степени вражду между городомъ и помѣстьемъ, причемъ постепенно проведенное исключеніе недворянъ изъ ландтага еще болѣе повысило вражду между двумя сословіями. И не удивительно послѣ этого, что, когда императрица Екатерина рѣшила ввести въ Балтикѣ намѣстническое управленіе и свое городовое положеніе, то какъ разъ въ городѣ мѣры государыни нашли поддержку и симпатіи, тогда какъ дворянство встрѣтило ихъ съ величайшимъ негодованіемъ. Такъ губернаторъ Беклешовъ получилъ самую энергичную помощь со стороны „демагога“ Эгера и демократически радикальныхъ клубовъ. Со смертью императрицы, какъ извѣстно, палъ и введенный ею обще-русскій порядокъ мѣстнаго управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ опять взяла верхъ дворянско-реакціонная партія.

И подобный фактъ повторялся впослѣдствіи неоднократно. Русское правительство, правда, очень рѣдко уклонялось отъ общихъ началъ своей реакціонной политики. Но всякій разъ, какъ только оно ступало на путь хотя бы относительныхъ реформъ, оно всегда могло опереться на балтійскіе города, тогда какъ при обычной политикѣ оно всегда имѣло за собой сплоченную массу остзейскаго дворянства. Аграрная реформа, законченная въ концѣ сороковыхъ годовъ, имѣла помимо воли дворянства большое вліяніе на жизнь балтійскихъ

городовъ. Изъ деревни явились въ городъ два элемента: съ одной стороны верхи крестьянской аристократіи, желающіе примѣнить свой капиталъ къ болѣе выгоднымъ городскимъ промысламъ, съ другой—массы безземельныхъ, образовавшихъ ядро фабричнаго пролетаріата. Такой приливъ силъ въ городскія стѣны необходимо повысилъ общій темпъ бюргерской духовной жизни. И уже при Александрѣ I въ лицѣ генералъ губернатора маркиза Поулуччи мы видимъ своего рода организаторскій административный геній, который пришелся такъ по вкусу расцвѣтшимъ городамъ побережья. Однако привилегированное дворянство вовсе не желало уступить хоть сколько-нибудь передъ лицомъ возрожденія городской культуры. И если даже вмѣстѣ съ этимъ была сопряжена возможность пріобщенія къ германской идеѣ новыхъ латышскихъ и эстонскихъ элементовъ, то и это совершенно не улыбалось остзейскому юнкерству. Ему была интересна вовсе не цѣлость нѣмецкой культуры, не пріобщеніе къ ней новыхъ и молодыхъ элементовъ, для нихъ все было въ сохраненіи своей кастовой позиціи. И только подъ давленіемъ екатерининской реформы дворянство допустило въ свою среду нѣсколько десятковъ нематрикулированныхъ, и только при Александрѣ II въ эпоху общаго пробужденія Россіи впервые стало доступно землевладѣніе нѣмецкому бюргеру, гражданину балтійскихъ городовъ. Однако на ту же эпоху приходится и одинъ изъ крупнѣйшихъ конфликтовъ, который ясно показываетъ намъ, насколько города и бюргерство были изолированы въ странѣ преславнаго рыцарства. Когда зашла рѣчь о судебной реформѣ въ краѣ, господа дворяне настолько оказались глухими къ интересамъ городского капитала, промышленности и торговли, что въ своихъ проэктахъ не сдѣлали ни малѣйшихъ уступокъ въ пользу новыхъ требованій жизни; въ результатѣ было появленіе двухъ отдѣльныхъ проэктовъ городского и дворянскаго, а какъ завершеніе всего

дѣла: судебная реформа съ русскимъ языкомъ и коронным судопроизводствомъ. И если что дѣйствительно дало балтійскимъ городамъ свободнѣе вздохнуть—это общее русское городское самоуправленіе, введенное въ Балтикѣ при Александрѣ II.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что единственно города могли сыграть большую роль въ дѣлѣ созданія балтійской культурной жизни. И многое было въ этомъ отношеніи сдѣлано; и нѣкоторые элементы высшаго западнаго просвѣщенія, тѣ и другія пріобрѣтенія нѣмецкой мысли и искусства были переданы въ городахъ молодой туземной буржуазіи. На томъ пути сотрудничества нѣмцевъ, латышей и эстонцевъ подъ знаменемъ общихъ экономическихъ и культурныхъ интересовъ, которая одна могла примирить различныя національности, было сдѣлано уже довольно много. И если въ недавнее время нѣмецкій, русскій и туземный пролетаріатъ сумѣлъ заключить братскій союзъ на полѣ общей борьбы за соціальныя блага, то, казалось, ничто не препятствовало тому, чтобы старая нѣмецкая культура оплодотворила собой богатую западную окраину.

Однако, такъ можно было бы разсуждать, если бы балтійское дворянство дѣйствительно сознало свой долгъ передъ страной и отказалось отъ эгоистической антикультурной политики, и если бы, съ другой стороны, русская бюрократія не воспользовалась расколомъ въ балтійскомъ краѣ для своихъ обрусительныхъ и православныхъ опытовъ. И въ то время какъ дворяне дѣлали все для того, чтобы обезсилить города и раздражить противъ себя массу туземнаго населенія, наши обрусители сдѣлали все, чтобы использовать въ своихъ цѣляхъ національную рознь и соціальные конфликты.

Царствованіе императора Александра III было замѣчательнымъ временемъ въ исторіи балтійскаго края. Къ этой эпохѣ уже вполнѣ созрѣли тѣ цвѣты не только классовой, но и національной ненависти, которую такъ

старательно воспитывали помѣщики въ своихъ крестьянахъ. Нѣмецкій языкъ для массы населенія сталъ языкомъ дикаго высокомѣрія и національнаго гнета. Нѣмецкая вѣра—религіей рабства, проповѣдью мертваго послушанія и эксплоатаціи. Въ нѣмецкомъ пасторѣ воплотилась фигура баронскаго наймита, который при помощи похищенныхъ у неба средствъ пытается закрыть для туземцевъ всякій выходъ въ царство человѣчности и свободы. И когда латышъ или эстонецъ переходилъ въ города, ясное дѣло, онъ переносилъ съ собою въ новое мѣсто свою крестьянскую ненависть къ нѣмцу и всему нѣмецкому и лучше стремился къ созданію своей новой національной культуры, чѣмъ къ заимствованію знакомыхъ ему нѣмецкихъ образцовъ. И когда при Александрѣ III при содѣйствіи Побѣдоносцева, Зиновьева, Капустина, Шаховскаго и Манасеина было приступлено къ насильственному обрусѣнію края, къ преслѣдованію пасторовъ и насажденію православія, ко введенію русскаго языка въ школахъ, къ преобразованію полиціи и судовъ по русскимъ образцамъ, то, конечно, при всѣхъ этихъ мѣрахъ вражда туземнаго населенія къ нѣмцамъ сыграла выдающуюся роль. Общая опасность, правда, сблизила горожанъ и помѣщиковъ, но, къ сожалѣнію, не къ выгодѣ старой городской культуры и ея во многомъ симпатичныхъ традицій. Напротивъ того, если отнынѣ господа бароны знаменемъ нѣмецкаго духа, нѣмецкаго генія и традицій рѣшили прикрыть свои домогательства на безраздѣльное господство въ краѣ, то съ другой стороны нѣмецкое бюргерство цѣликомъ стало на сторону помѣщиковъ, отреклось отъ всѣхъ своихъ богатствъ и завоеваній и въ видѣ слѣпой массы примкнуло къ баронскому центру. Такъ у старой культурной традиціи балтійскаго края отпали всѣ виды на дальнѣйшее преуспѣяніе, а нѣмецкая сущность отошла на позицію реакціи и полнаго оцѣпенѣнія.

М. Рейснеръ.

Роль дворянъ въ мѣстномъ самоуправленіи Прибалтійскаго края.

(Краткій историческій очеркъ).

Вступленіе.

Реформа огранизаціи мѣстнаго самоуправленія Прибалтійскаго края—вопросъ давно назрѣвшій, давно наболѣвшій. Всякій разъ, когда онъ подымается правительствомъ, или же мѣстными общественными дѣятелями и прессой, онъ вызываетъ цѣлую бурю: съ одной стороны, сыплются обвиненія противъ тѣхъ, кто въ настоящее время является полнымъ хозяиномъ положенія—дворянъ, съ другой же стороны—не менѣе обильны и многословны оправданія, опроверженія и перекладыванія вины въ отсутствіи реформъ въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ на „независящія обстоятельства“.

Не только человѣку, не знакомому съ мѣстными условіями жизни и историческимъ прошлымъ этого края, трудно разобраться въ такихъ случаяхъ, на чьей сторонѣ правда, но и для мѣстныхъ уроженцевъ это весьма затруднительно, такъ какъ литература даннаго вопроса сравнительно очень скудна и неразработана. Матеріалы не сведены, документы не провѣрены и не приведены въ строго опредѣленный общеизвѣстный порядокъ, благодаря чему могутъ получаться курьезы въ родѣ того, что дворянство здѣсь завѣдуетъ всѣми земскими дѣ-

лами края, строго говоря, безъ достаточнаго къ тому юридическаго основанія, что земскія повинности здѣсь отправляются по никому неизвѣстнымъ „особымъ положеніямъ и правиламъ“ (ст. 327 Уст. о Земск. пов., гуд. 1899 г.), что въ дѣлѣ самоуправленія высказывается здѣсь масса весьма разнорѣчивыхъ взглядовъ, что, благодаря отсутствію закона, здѣсь господствуетъ еще обычай, нерѣдко граничащій съ произволомъ, и мѣсто публично-правовыхъ отношеній заняли частно-правовыя, гражданскія. Однако, при всей неясности и неопредѣленности существовавшаго и существующаго нынѣ порядка въ дѣлѣ самоуправленія замѣчается и нѣчто постоянное, неизмѣнное въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Таковымъ является роль дворянства въ самоуправленіи края и его отношеніе ко всякаго рода попыткамъ реформировать существующій порядокъ.

Нижеслѣдующія строки и посвящаются выясненію этого постояннаго элемента. Краткій обзоръ возникновенія и развитія дворянскаго сословія въ этомъ краѣ въ связи съ измѣненіемъ его компетенціи дастъ намъ возможность болѣе критически отнестись какъ къ обвиненіямъ однихъ, такъ и къ утвержденіямъ и опроверженіямъ другихъ.

I.

Современное положеніе.

Самоуправленіе въ Прибалтійскомъ краѣ организовано на совершенно особыхъ, отличныхъ отъ дѣйствующихъ во внутреннихъ губерніяхъ основахъ. Здѣсь нѣтъ общегубернской и общесословной организаціи, а существуютъ въ каждой [1]) губерніи: 1) организація *дворянскаго* сословія, безъ законнаго (по крайней мѣрѣ, со времени освобожденія крестьянъ) основанія завѣдую-

[1]) Въ Лифляндской губерніи Эзельское дворянство сорганизовано самостоятельно отъ остальной части, такъ что въ Лиф. двѣ двор. орг.

щая земскимъ хозяйствомъ всей губерніи, какъ единственная организація, простирающая свою дѣятельность на всю губернію; 2) нѣсколько *городскихъ* самоуправленій, стоящихъ совершенно разрознено, какъ другъ отъ друга, такъ и отъ дворянскихъ и крестьянскихъ организацій, и 3) сотни *волостей*, объединяющія почти исключительно лишь мѣстныхъ крестьянъ, лишенныя какого-либо серьезнаго значенія въ жизни края въ виду незначительности предѣловъ ихъ и отсутствія возможности объединенія и согласованія ихъ дѣятельности въ болѣе обширной единицѣ.

Всѣ эти организаціи занимаются дѣлами мѣстнаго благоустройства на собственный страхъ и рискъ. Каждая изъ нихъ ведетъ свою политику, по своему понимаетъ задачи поднятія культурнаго уровня мѣстнаго населенія и развитія хозяйственныхъ и производительныхъ силъ края. Въ самомъ выгодномъ положеніи находится организація дворянъ. Благодаря слабости интереса правящихъ круговъ и нѣкоторымъ счастливымъ стеченіямъ обстоятельствъ, она сумѣла завоевать себѣ положеніе безконтрольнаго хозяина въ мѣстныхъ дѣлахъ края и удержать за собою по сіе время эту роль, а равно присвоить себѣ право понудительнаго взиманія въ свою пользу сборовъ не только съ дворянъ, но и съ членовъ крестьянскаго сословія, не допуская при этомъ представителей отъ крестьянъ-плательщиковъ къ участію въ расходованіи ежегодно собираемыхъ съ нихъ суммъ и не давая о своей дѣятельности никому, кромѣ дворянъ, отчета. Въ самомъ плачевномъ состояніи стоятъ волости, крестьянскія организаціи. Такъ какъ болѣе состоятельные члены ихъ—землевладѣльцы уже несутъ повинности въ пользу дворянскихъ организацій и такъ какъ предѣлы волостей сравнительно очень не велики—20—30 верстъ максимумъ,—то естественно, что проведеніе въ жизнь болѣе крупныхъ предпріятій, стоющихъ нерѣдко большія суммы, имъ не подъ силу.

Вся ихъ смѣта не превышаетъ нѣсколькихъ тысячъ рублей. Кромѣ того, за ними зорко слѣдятъ правительственные чиновники—нерѣдко изъ дворянъ—въ лицѣ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ. Городскія самоуправленія занимаютъ то или другое положеніе въ зависимости отъ величины города: чѣмъ крупнѣе городъ, тѣмъ больше его доходы, а слѣдовательно и возможность улучшенія положенія своего населенія и наоборотъ. Но и надъ ихъ дѣятельностью постоянно виситъ губернаторское veto. Такое ненормальное явленіе въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ одно сословіе снабжено привилегіями, а другія лишены самыхъ элементарныхъ правъ, имѣетъ, конечно, свои причины, для полнаго раскрытія которыхъ необходимо обратиться къ прошлому этой окраины.

II.

Орденскій періодъ.

Когда нѣмецкіе выходцы во второй половинѣ XII вѣка пришли въ древнюю Ливонію, подъ каковымъ именемъ была извѣстна въ то время большая часть Прибалтійскаго края, то они нашли тамъ земледѣльческіе народы, платящіе подати князьямъ новгородскимъ и полоцкимъ. Основавъ сперва на югѣ Ливоніи, въ Икскюлѣ торговый пунктъ, они стали оттуда распространять христіанство. Туземцы не совсѣмъ охотно принимали новую религію, а принявшіе нерѣдко отрекались отъ нея; въ особенности начали повторяться отреченія съ тѣхъ поръ, какъ съ новообращенныхъ духовныя лица потребовали уплаты въ свою пользу десятины, т. е. одной десятой части дохода. Дабы удержать туземцевъ въ должномъ повиновеніи и, въ случаѣ надобности, силой заставить ихъ принять христіанство, римскимъ папой, главой католической церкви, былъ данъ приказъ проповѣдывать противъ ливовъ крестовый походъ.

ке время, третій по счету, епископъ Альбертъ
лѣ XIII вѣка, въ 1201 г., устраиваетъ укрѣпле-
родъ Ригу, а въ слѣдующемъ основываетъ духов-
рскій орденъ меченосцевъ. Изъ завоеванныхъ у
туземцевъ земель епископы $^1/_3$—$^2/_3$ уступаютъ ордену въ видѣ вознагражденія за содѣйстіе, въ вассальное владѣніе, оставляя остатокъ за собою. Братья ордена, занятые сами войною и покореніемъ туземцевъ, поневолѣ принуждены были отъ себя передавать земли другимъ лицамъ въ вассальное владѣніе. Современемъ такимъ образомъ возникаютъ въ Прибалтійскомъ краѣ орденскія и епископскія владѣнія, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ устанавливается свой особый порядокъ. Касаясь вопроса организаціи самоуправленія въ это время, мы должны сказать, что вопросъ этотъ въ данный періодъ разрѣшается совершенно своеобразно. Туземцы-язычники въ это время, конечно, политически не существуютъ [1]), за ними признается со стороны завоевателей лишь право платить налоги и повинности въ пользу своихъ новыхъ господъ. Господами же были либо вассалы епископовъ, либо вассалы ордена. На первыхъ порахъ ордену и епископамъ приходилось имѣть много дѣла съ туземцами, въ особенности съ эстонцами, которые ни за что не хотѣли подчиниться германцамъ. Для этой цѣли имъ пришлось, съ одной стороны, обратиться за содѣйствіемъ датскаго короля Вольдемара II, который дѣйствительно пришелъ на помощь и въ 1219 г. покорилъ Эстонію, нынѣшнюю Эстляндскую губернію; а съ другой—соединить въ 1237 году орденъ меченосцевъ съ болѣе могущественнымъ орденомъ—Тевтонскимъ. Если первое обстоятельство не имѣло слишкомъ невыгодныхъ для ордена послѣдствій, такъ какъ Данія, вслѣдствіе дальности разстоянія,

[1]) Въ началѣ съ ними какъ будто еще считались и ихъ старшины приглашались на совмѣстныя совѣщанія, но уже въ 1494 г. они называются „крѣпостными“.

не въ состояніи была удержать за собою Эстонію и въ 1347 г. принуждена была продать таковую ордену, то послѣдній фактъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ очень крупное значеніе. Съ соединеніемъ двухъ орденовъ значительно увеличилось могущество ордена во вновь завоеванномъ краѣ. Вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось возникновеніе борьбы между недавними союзниками — епископами и орденомъ—изъ-за первенства власти. Въ начавшейся безпрестанной борьбѣ каждый изъ спорящихъ старается привлечь на свою сторону возможно большее количество вассаловъ, ибо послѣдніе могли въ случаѣ надобности доставить нужное число людей для войска. Съ этой цѣлью каждая сторона стремится предоставить своимъ вассаламъ больше правъ, чѣмъ противная: лены обращаются въ наслѣдственныя владѣнія съ ограниченіемъ, впрочемъ, права наслѣдованія все-таки до 4 или 5 рода; вассалы, въ особенности болѣе вліятельные изъ нихъ, все чаще и чаще созываются для совмѣстныхъ совѣщаній и т. д. Совѣщанія на первыхъ порахъ происходятъ совершенно случайно, неперіодически и извѣстны подъ именемъ мантаговъ. Въ составъ ихъ обыкновенно входятъ лишь вассалы однаго сюзерена. Со временемъ же они измѣняются по своему составу. Въ нихъ входятъ уже вассалы обѣихъ сторонъ, орденъ, духовенство и представители отъ городовъ. Со середины XV вѣка послѣдняго рода совѣщанія происходятъ уже болѣе или менѣе регулярно и становятся извѣстными подъ именемъ ландтаговъ. Сначала ландтаги созывались лишь рижскимъ архіепископомъ, затѣмъ неоднократно магистромъ ордена, потомъ совмѣстно архіепископомъ и магистромъ, и, наконецъ, однимъ лишь магистромъ. Тогдашіе мантаги и ландтаги служили и органами мѣстнаго самоуправленія. На нихъ обсуждались дѣла общественныя, разсматривались споры между властителями областей и вассалами, прекращались само-

управства и устанавливался внутренній порядокъ; рѣшался вопросъ объявленія войны и заключенія мира; опредѣлялось число войска отъ каждаго сословія и количество контрибуцій въ военное время; рѣшались нѣкотрыя судебныя дѣла, а равно и вопросъ объ изданіи новыхъ законовъ, объ измѣненіи и дополненіи существующихъ, въ особенности въ томъ, что касалось до благоустройства и благочинія, до выдачи бѣглыхъ крестьянъ и т. д.

Въ виду дальности разстоянія зависимость Прибалтійской провинціи какъ отъ римскихъ папъ, такъ и отъ германскихъ королей, была лишь номинальной. Фактически она была почти независимой, почему и созываемые ландтаги могли пользоваться столь обширнымъ предметомъ вѣдомства, вплоть до изданія новыхъ мѣстныхъ законовъ. При такой постановкѣ вопроса дѣла самоуправленія естественно смѣшивались съ дѣлами чисто государственными и рѣшались они только тѣми, кто имѣлъ доступъ на ландтаги, т. е. духовенствомъ, орденомъ, вассалами и представителями городовъ. Интересно отмѣтить, что рѣшенія ландтаговъ постановляются въ то время не большинствомъ голосовъ, а лишь при общемъ согласіи всѣхъ вышепоименованныхъ группъ, изъ коихъ каждая сперва въ отдѣльности выносила свою резолюцію. Если не удавалось добиться единогласія, то вопросъ оставался открытымъ; меньшинство, не принявшее рѣшенія большинства, по крайней мѣрѣ, не обязывалось ему подчиняться.

При взаимныхъ раздорахъ духовенства и ордена вліяніе вассаловъ постепенно возрастало. Въ началѣ XVI вѣка падаетъ могущество Тевтонскаго ордена въ Пруссіи. Вслѣдствіе этого отдѣленіе его въ Прибалтикѣ извѣстное подъ именемъ Ливонскаго ордена, пріобрѣтаетъ большую самостоятельность. Однако, это продолжается не очень долго: мѣстонахожденіе Прибалтій-

скихъ губерній на торговомъ пути между Ганзой и Россіей и сравнительное плодородіе ихъ почвы заставляютъ русскихъ царей, съ одной, и польскихъ королей, съ другой стороны, попытаться при первой возможности пріобрѣсти себѣ эти земли. Не получая ни откуда извнѣ помощи, Ливонскій орденъ не былъ въ состояніи защитить свои владѣнія противъ натиска Іоанна Грознаго. Въ 1560—61 г. г. Ливонія распадается. Часть ея получаетъ Швеція, часть Данія и часть Польша. Не мѣшаетъ отмѣтить, что тѣ же ландтаги, на коихъ рѣшались всѣ мѣстныя дѣла, сыграли свою роль и здѣсь. Понимая, что орденъ не въ состояніи защитить страну противъ вторженія русскихъ, вассалы настаиваютъ на посылкѣ депутацій къ ближайшимъ сосѣднимъ державамъ. И мы видимъ, что изъ Эстляндіи послы были посланы въ Швецію, изъ Лифляндіи же въ Польшу для переговоровъ о передачѣ земель подъ покровительство соотвѣтствующихъ державъ на возможно выгодныхъ условіяхъ.

Подводя общій итогъ сказанному, мы придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) въ орденскій періодъ дѣла самоуправленія въ мѣстномъ краѣ смѣшивались съ чисто государственными; какъ тѣ, такъ и другія находятся въ зачаточномъ состояніи;

2) сословія еще не окристаллизовались; за все время постепенно уменьшается независимость крестьянъ и постоянно возвышается могущество и соединеніе класса вассаловъ, принимающаго чрезъ ландтаги дѣятельное участіе въ благоустройствѣ края;

3) значеніе духовенства, весьма сильное въ началѣ періода, къ концу совсѣмъ падаетъ.

Въ этотъ же періодъ входитъ въ употребленіе слово „рыцарство“ (Ritterschaft) для обозначенія всей совокупности лицъ данной территоріи, владѣющихъ ленами и имѣющихъ или способныхъ пріобрѣсти рыцар-

ское достоинство. Съ конца 15 столѣтія рыцарству присвояется также имя „дворянства (Adel, gemeiner Adel, Adelschaft, *Nobiles).* Наряду съ рыцарствомъ встрѣчаемъ также еще выраженія „Ritter und Knechte, Ritter u. Wapener, *Milites militares et vasalli*, Ritterschaft u. Mannschaft“).

III.

Польскій и Шведскій періоды (1561—1629 гг. и 1629 [1561]—1710).

Польскій періодъ въ исторіи Прибалтійскаго края продолжается весьма недолго. Скорому прекращенію польскаго владычества много, безъ сомнѣнія, содѣйствовало не безразличное отношеніе польскаго правительства къ внутреннимъ дѣламъ края. При присоединеніи южной части Ливоніи къ Польшѣ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ былъ подписанъ общеизвѣстный актъ, носящій офиціальное заглавіе: „Privilegium Nobilitati Livoniae a Sigismundo Augusto Rege circa Subjectionem universae Livoniae indultum“. Актъ этотъ подписанъ 28 ноября 1561 года [1]). Въ гл. VII привилегій Сигизмунда Августа говорится объ утвержденіи и оставленіи въ силѣ „всѣхъ дипломовъ о передачѣ леновъ, утвержденныхъ грамотъ, правъ владѣнія и обычаевъ, привилегій и свободъ“. Не касаясь въ настоящемъ случаѣ подробнѣе этихъ привилегій, укажемъ лишь на привилегію архіепископа Сильвестра отъ 1449 г., въ силу коей ни одна война не должна начинаться безъ согласія рыцарства, и на право посылать депутатовъ для заключенія международныхъ договоровъ. (Кого вопросъ интересуетъ, можетъ найти перечисленіе этихъ привилегій у G. J. v. Buddenbrok'a Sammlung der Gesetze, I B., Mitau 1802, S. 450, M. 44).

[1]) Подлинность этого акта нѣкоторыми изслѣдователями впослѣдствіи нѣсколько разъ оспаривалась. Приведенъ онъ у Buddenbrock'a Samml. d. Gesetze, I B. S. 329.

По силѣ этого акта мѣстные вассалы или рыцарство-дворянство вправѣ были разсчитывать на сохраненіе установившагося въ прежній періодъ порядка въ вопросѣ самоуправленія края, въ частности дѣятельности ландтаговъ. Однако разсчеты ихъ не оправдались. Присоединивъ Ливонію къ Польшѣ, польскій король назначилъ сюда своего намѣстника, который сталъ править краемъ при помощи избираемыхъ изъ мѣстныхъ дворянъ 4 сенаторовъ. Но это продолжается лишь до 1581 или 1582 года, когда Стефанъ Баторій, отнявъ отъ Іоанна Грознаго Дерптское епископство, устанавливаетъ новый порядокъ во всей Ливоніи. Ландтаги замѣняются конвентами объ общественныхъ нуждахъ (Conventus necessitatis publicae causa). Мѣсто и время созыва конвентовъ должны были опредѣляться королемъ. По полученіи королевской грамоты каждый изъ трехъ президентовъ созывалъ мѣстныхъ дворянъ своего президентства на частный или предварительный конвентъ (Conventus particularis), главнѣйшимъ предметомъ коего было избраніе депутатовъ на общій конвентъ. Тамъ, кромѣ депутатовъ дворянства, присутствовали два депутата отъ Риги, одинъ отъ герцога курляндскаго и по одному отъ городовъ Дерпта (нын. Юрьевъ), Вендена и Пернова. Совѣщанія происходили по королевскимъ предложеніямъ и подъ надзоромъ администратора. Наконецъ, и этотъ порядокъ, основанный на устройствѣ дворянскихъ собраній въ Пруссіи, былъ вскорѣ измѣненъ: въ 1598 году было постановлено, что въ случаѣ государственной надобности, или по наступленіи срока, опредѣленнаго для созванія польскихъ сеймовъ, въ Лифляндіи созывается заранѣе сеймикъ въ Венденѣ для избранія депутатовъ на общій сеймъ, полагая по два отъ каждой націи, т. е. поляковъ, литовцевъ и лифляндцевъ [1]). Въ слѣдующемъ—въ 1599 г.

[1]) Введеніе ко II ч. Св. М. Уз. губ. Остз., 1845 г., стр. 29 и сл.

упраздняется должность предводителя дворянства. Въ 1603 г. отклоняется ходатайство Лифляндскихъ пословъ (депутатовъ) о присвоеніи лифляндскимъ дворянамъ правъ польскаго и литовскаго индигената (происхожденія) [1]). Все это, конечно, дѣйствуетъ непріятно на тогдашнее дворянство, которое не пожелало лишиться разъ завоеванныхъ правъ; рыцари не могли помириться съ тѣмъ, чтобы за ихъ дѣятельностью слѣдилъ назначаемый польскими властями администраторъ, чтобы ихъ „свободѣ“ былъ положенъ предѣлъ, чтобы вновь начиналъ процвѣтать католицизмъ. Не нравилось имъ также и то, что польское правительство, побуждаемое къ тому постоянными бунтами крестьянъ, учредило въ 1597 году особую комиссію, которая должна была провѣрить права лифляндскихъ дворянъ на присвоенныя ими земли и собрать свѣдѣнія о положеніи крестьянъ. Болѣе же всего не понравилось дворянамъ то, что эта комиссія усомнилась въ подлинности привилегій Сигизмунда-Августа, не найдя на нихъ печати Литвы [2]). Недовольное создавшимся положеніемъ дворянство, наученное опытомъ прошлаго, завело сношенія [3]) со Швеціей, и послѣдняя вскорѣ отправила въ Лифляндію свои войска.

Первоначально шведамъ не везло, но затѣмъ они стали завоевывать города одинъ за другимъ и, наконецъ, взяли въ 1621 году Ригу. Война продолжалась еще до осени 1629 года и была закончена т. н. Альтмарскимъ трактатомъ [4])—16/26 сентября 1629 года. Еще до заключенія между воюющими сторонами мира лифляндское дворянство постаралось войти въ соглашеніе съ завоевателемъ, за что и было обѣщано ему сохра-

---

[1]) Тамъ же, стр. 38.

[2]) П. М. Токаревъ. Балтійскій вопросъ. Рига, стр. 18—19.

[3]) С. Н. Сивицкій. Къ двухсотлѣтію русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ, 1710—1910 г., Рига, 1910, стр. II.

[4]) Baltimaa mõisnikkude maapäewad, lhk. 9. Aasta kalender—Album, 1911. Buddenbrock, Sammlung der Gesetze, II. B., S. 5.

нить въ силѣ всѣ старыя привилегіи, свободы и права. Уже 28 мая 1601 г. часть лифляндскихъ дворянъ отправила депутацію на ландтагъ въ Ревель и изложила тамъ шведскому регенту Карлу,—впослѣдствіи король Карлъ IX,—условія перехода дворянства подъ шведское владычество. Условія были регентомъ приняты. По его приглашенію въ слѣдующемъ году депутаты были отправлены въ Стокгольмъ и здѣсь имъ вновь были даны 12 и 13 іюля 1602 г. завѣренія сохранить всѣ старыя привилегіи, свободы и права [1]). Такія утвержденія прежнихъ привилегій, свободъ и правъ со стороны шведскихъ королей послѣдовали еще нѣсколько разъ. Когда все дворянство перешло на сторону Швеціи, то Польшѣ оставалось лишь заключить миръ.

Дворянство въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ было въ Прибалтійскомъ краѣ, слѣдовательно, настолько уже сильно и хорошо сорганизовано, что оно смогло вступить въ борьбу съ государственной властью, недостаточно энергично защищавшей его права и привилегіи: оно было настолько могущественно, что осмѣливалось посылать своихъ депутатовъ къ тому или другому враждебному своему государству правительству для переговоровъ о своемъ переходѣ на извѣстныхъ условіяхъ въ другое подданство и добиться этого.

Въ началѣ шведскаго періода оно еще нѣсколько усиливаетъ свою власть въ краѣ. Прося постоянно подтвержденія старыхъ привилегій, свободъ и правъ и никогда не указывая ближе, въ чемъ эти старыя привилегіи, свободы и права заключаются, оно 12 октября 1642 года [2]) чрезъ своихъ депутатовъ добилось утвержденія постановленія ландтага отъ 1637 года, въ силу коего учреждалась въ губерніи одна общая земская касса (gemeine Land—Lade), въ которую каждый *дворя-*

[1]) Ibidem, 4—6.

[2]) G. J. Buddenbrock, Sammlung der Gesetze, II B. S. 175.

нинъ (ein jeder von Adel), владѣющій собственнымъ имѣніемъ въ губерніи, обязывался ежегодно вносить съ каждаго занятаго гакена опредѣленную сумму, а именно по полталера шведской серебряной монеты [1]). Добившись учрежденія общей кассы, т. е. возможности сосредоточить въ рукахъ своей организаціи денежныхъ суммъ, дворянству оставалось лишь достигнуть возможности содѣйствія государственной власти при полученіи съ каждаго неисправнаго плательщика слѣдуемыхъ съ него, согласно резолюціи 12 окт. 1642 г., суммъ. И этого оно достигло 17 августа 1648 года, когда резолюціей королевы Христины утверждено было между прочимъ учрежденіе генеральной или земской кассы, въ каковую *„каждый изъ сословія господъ и дворянства въ Лифляндіи“*, кто тамъ владѣлъ имѣніемъ, обязывался вносить ежегодно одну *опредѣленную* сумму, а именно половину талера шведской серебряной монеты съ каждаго занятаго гакена, и генералъ-губернаторъ или его намѣстникъ оказывать всяческое содѣйствіе при взысканіи означенныхъ сборовъ тѣмъ, кто будутъ приставлены къ этой кассѣ [2]).

Вмѣстѣ съ симъ дворянство постоянно заботилось о томъ, чтобы существовавшіе ранѣе въ концѣ орденскаго періода ландтаги вновь начали регулярно функціонировать. Съ этой цѣлью былъ составленъ также особый ландтагскій уставъ (Landtags—Ordnung), каковой по утвержденіи и опубликованіи его 5 сентября 1647 г. пріобрѣлъ обязательную силу какъ для всѣхъ дворянъ, такъ и для бывшихъ здѣсь шведскихъ правительственныхъ чиновниковъ.

Съ учрежденіемъ своей особой общеземской кассы и утвержденіемъ ландтагскаго устава дворянство уже болѣе или менѣе окончательно сорганизовалось, и его зна-

---

[1]) По вычисленіямъ Буденброка 1/2 тал.=2 руб.

[2]) Buddenbrock, Sammlung d. Gesetze, II B., S. 222.

ченіе въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, когда у организаціи не было своего устава, а равно и своихъ денежныхъ средствъ, безъ сомнѣнія, увеличилось. Пріобрѣвъ столь самостоятельное положеніе, лифляндское дворянство зорко слѣдило за политикой шведскаго правительства, строго отмѣчая каждый его шагъ, направленный къ умаленію или ограниченію правъ дворянства, всячески противодѣйствуя и предупреждая все то, что хоть сколько-нибудь способно было даже въ отдаленномъ будущемъ ослабить вліяніе дворянства на политику мѣстнаго края. На этой почвѣ между дворянствомъ и шведскимъ генералъ-губернаторомъ Лифляндіи вскорѣ возникли недоразумѣнія. На первыхъ порахъ они окончились тѣмъ, что правительница, Гедвига Элеонора, предписала въ 1662 году дворянству не вмѣшиваться въ дѣла правительственныя, а въ 1690 году Карлъ XI уменьшилъ число ландтаговъ до шести [1]). Но когда и это не помогло, то резолюціей короля Карла XI отъ 20 декабря 1694 г. былъ измѣненъ ландтагскій уставъ въ смыслѣ уменьшенія значенія дворянства и увеличенія вліянія шведскихъ чиновниковъ. Такъ, впредь предводитель дворянства назначался, и то лишь на время засѣданія ландтага, генералъ-губернаторомъ; обсужденію ландтага подлежали только предложенія генералъ-губернатора, который долженъ былъ всѣ постановленія ландтага, до вступленія ихъ въ законную силу, утвердить и т. д. Одновременно съ этимъ шла редукція [2]) всѣхъ дворянскихъ земель, согласно постановленію Стокгольмскаго сейма отъ 1681 года. Редукція была весьма широкихъ размѣровъ: изъ 6323 гаковъ, находившихся въ рукахъ частныхъ лицъ, 5223 отобраны были въ

---

[1]) Введеніе ко II ч. Св. М. У., стр. 50.

[2]) Редукція—пересмотръ правъ владѣнія и отобраніе у владѣльцевъ незаконно захваченныхъ государственныхъ земель.

пользу казны, а 1021 (т. е. 1/6) оставлены за дворянствомъ и 79 за пасторами [1]).

Весьма естественно, что подобный образъ дѣйствій шведскаго правительства сильно не понравился дворянству, тѣмъ болѣе, что это правительство, по мнѣнію дворянства, прилагало черезчуръ большія усилія къ тому, чтобы улучшить положеніе крестьянства, и слишкомъ мало заботилось объ улучшеніи и укрѣпленіи положенія дворянскаго сословія. Среди дворянства образовалась поэтому довольно сильная оппозиція, во главѣ которой сталъ Іоганъ-Рейнгольдъ Паткуль. Будучи заочно въ Стокгольмѣ приговоренъ къ смертной казни [2]), Паткуль бѣжалъ изъ Лифляндіи въ Польшу, къ королю Августу II, которому нарисовалъ планъ совмѣстнаго съ Даніей и Россіей нападенія на Прибалтійскій край съ цѣлью отнять его отъ Швеціи. По плану Паткуля Польша должна была получить Лифляндію и Эстляндію, Россія—Ингрію и Карелію (нын. Петроградскую губ.), а Данія—Шлезвигъ-Голштинію [3]). Августъ II склонился на сторону Паткуля и 24 авг. 1699 г. подписалъ тайный договоръ съ нимъ, а въ его лицѣ со всѣми недовольными лифляндцами и эстляндцами, которые дали ему на то письменное полномочіе. По этому договору Лифляндія должна была образовать дворянскую республику подъ главенствомъ Польши, съ собственнымъ управленіемъ и судомъ, съ сохраненіемъ прежнихъ законовъ и привилегій [4]). Затѣмъ, 25 сентября того же года былъ заключенъ наступательный союзъ между Петромъ Великимъ и саксонскимъ посланникомъ Карловичемъ, а Паткулемъ былъ также заключенъ подъ Москвою тайный договоръ. Въ силу послѣдняго согла-

---

[1]) Введеніе ко II ч. Св. М. У., стр. 50.
[2]) П. М. Токаревъ. Балтійскій вопросъ, стр. 23.
[3]) С. И. Сивицкій, Цитир. Соч., стр. 15.
[4]) Тамъ же, стр. 18.

шенія Петръ I обязывался напасть на Швецію немедленно по заключенію мира съ Турціей и во всякомъ случаѣ не позже апрѣля 1700 года.

Первымъ началъ войну датскій король. Союзники въ началѣ потерпѣли неудачи, ибо мѣстное населеніе въ своей массѣ—все крестьянство и горожане—было на сторонѣ Швеціи, а дворянство при всемъ своемъ недовольствѣ воздерживалось отъ явнаго перехода на сторону враговъ Швеціи. Одной изъ причинъ неуспѣха была также несогласованность дѣйствій нападавшихъ. Прежде всего, былъ разбитъ датскій король и съ нимъ заключенъ сепаратный миръ 8 авг. 1700 г. (въ день выступленія Россіи противъ Швеціи), при чемъ Данія отказалась отъ союза съ Польшей и Россіей. Паткуль, разочаровавшись въ Августѣ II, въ 1702 г. переходитъ на службу къ Петру. И дѣйствительно, чрезъ 4 года Августъ отказывается отъ польскаго престола и заключаетъ въ Альтранштадтѣ (25 апр. 1706 г.) съ Карломъ XII миръ. Хотя по этому договору Августъ обязанъ былъ выдать Швеціи лишь всѣхъ лифляндцевъ, состоящихъ на его службѣ, и хотя Паткуль уже съ 1702 года состоялъ на русской службѣ, тѣмъ не менѣе и его выдали Швеціи. Тамъ онъ былъ преданъ суду, приговоренъ къ смертной казни и казненъ посредствомъ колесованія (30 сент. 1707 г.) [1]). Россія, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ очутилась одна въ борьбѣ со Швеціей. Вполнѣ понятно, что ея положеніе было не изъ легкихъ, но Петръ не хотѣлъ такъ скоро отказаться отъ разъ задуманнаго плана, тѣмъ болѣе, что развитіе всей государственной жизни Россіи требовало, чтобы въ Европу было прорублено окно. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, Россіи, наконецъ, удалось въ 1710 г. заставить главнѣйшіе приморскіе города—Ригу, Перновъ и Ревель, сдаться. При взятіи этихъ городовъ со стороны

[1]) С. И. Сивицкій, цитир. соч., стр. 30.

представителей шведскаго правительства сдача города состоялась на условіяхъ, изложенныхъ въ т. н. капитуляціяхъ, а дворяне и городскіе бюргеры просили утвердить всѣ ихъ старыя права и привилегіи. И ихъ просьбы, изложенныя въ т. н. аккордныхъ, т. е. договорныхъ пунктахъ, были удовлетворены, сначала нашими полководцами, а затѣмъ и самимъ Петромъ Великимъ въ особыхъ грамотахъ.

Эти аккордные пункты имѣли и имѣютъ очень крупное значеніе во всей послѣдующей исторіи края. Въ нихъ дворянство выговорило себѣ возстановленіе всѣхъ старыхъ привилегій и правъ, кои шведское правительство въ послѣдніе годы болѣе не желало признавать за дворянствомъ, и, кромѣ того, обезпечило за собою право единственнаго хозяина страны. Такъ въ аккордныхъ пунктахъ лифляндскаго дворянства, утвержденныхъ Петромъ I 12 октября 1710 г., мы находимъ п. п. 5 и 19. Изъ нихъ первымъ возстанавливается т. н. status provincialis со всѣми привилегіями дворянства, а послѣдними воспрещается всѣмъ недворянамъ пріобрѣтать дворянскія вотчины, отъ владѣющихъ же ими недворянъ дворянамъ предоставляется право ихъ выкупить. Этимъ послѣднимъ пунктомъ былъ пресѣченъ всѣмъ недворянамъ доступъ къ ландтагамъ, а слѣдовательно и къ дѣламъ мѣстнаго самоуправленія. Въ аккордныхъ пунктахъ эстляндскаго дворянства утверждались въ своей силѣ всѣ привилегіи, правила, свободы и обычаи, данныя цѣлой странѣ, а въ особенности сословію дворянства датскими королями, орденскими гофмейстерами и магистрами безъ всякихъ измѣненій (п. п. 2 и 38) [1]. Сколь скудны были свѣдѣнія тогдашняго русскаго правительства о жителяхъ Прибалтійскаго края, можно заключить, напр., изъ того, что аккордными

[1]) Историческія свѣдѣнія объ основаніяхъ Свода мѣстнаго закон. губ. Остзейскихъ. СПБ., 1845 г., стр. 105.

пунктами въ Эстляндіи предоставлялось не только право назначенія губернатора изъ нѣмцевъ, но и вся канцелярія при немъ должна была быть нѣмецкой, *такъ какъ въ Ревелѣ и Эстляндіи повсюду-де нѣмецкое населеніе* [1]).— Закончилась война лишь въ 1721 году Ништатскимъ миромъ.

Подведемъ итоги и польско-шведскому періоду.

1. Дворянство, переходя изъ-подъ власти ордена подъ власть польскихъ и шведскихъ королей, дѣлаетъ это вполнѣ сознательно, такъ какъ этимъ путемъ оно разсчитываетъ укрѣпить, или, по крайней мѣрѣ, сохранить за собою ту позицію, которую оно заняло въ концѣ орденскаго періода.

2. Его стремленіе и въ этотъ періодъ заключается въ томъ, чтобы оставаться во внутреннихъ дѣлахъ мѣстнаго края полноправнымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ. Лишь только оно замѣчаетъ, что польское правительство начинаетъ вмѣшиваться въ дѣла благоустройства Лифляндіи, какъ нѣкоторая часть его заводитъ тайныя сношенія со Швеціей и тѣмъ содѣйствуетъ возникновенію войны между Польшей и Швеціей. То же самое повторяется потомъ со Швеціей: недовольное ея политикой въ мѣстныхъ дѣлахъ, оно въ лицѣ Паткуля опять заводитъ тайныя сношенія съ Польшей, Россіей и Даніей и даетъ сильнѣйшій толчекъ къ возникновенію великой Сѣверной войны. Во время войны оно ведетъ переговоры съ противниками своихъ прежнихъ правительствъ и соглашается перейти въ ихъ подданство подъ условіемъ возстановленія прежнихъ его правъ, свободъ и привилегій, не устанавливая при этомъ въ точности, въ чемъ именно эти права, свободы и привилегіи заключаются.

3. Оно всегда использовало въ своихъ интересахъ незнакомство новыхъ завоевателей съ условіями мѣстной

---

[1]) Истор. свѣд., стр. 106—107.

жизни, постоянно закрѣпляя въ формѣ закона то или другое обѣщаніе, данное во время войны, ту или другую поблажку, сдѣланную въ интересахъ привлеченія дворянства на ту или другую сторону. (Для примѣра укажемъ на т. н. привилегіи Сигизмунда-Августа, учрежденіе дворянской земской кассы и аккордные пункты).

IV.

Русское владычество краемъ.

Съ переходомъ Прибалтійскаго края въ подданство Россіи, мѣстное дворянство дѣятельно занялось окончательнымъ укрѣпленіемъ своей позиціи. Съ этой цѣлью предпринимаются шаги въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, дворянство стремится закончить организацію своего сословія. И мы видимъ, что вскорѣ послѣ присоединенія края къ Россіи, оно испрашиваетъ разрѣшеніе на составленіе дворянскаго матрикула или списка (постан. ландтага 1728 г. 29 марта), ссылаясь при этомъ на резолюцію королевы Христины отъ 14 ноября 1650 г. Одновременно съ этимъ оно проситъ губернское начальство „предписать владѣльцамъ недвижимыхъ имѣній (Eingesessenen im Lande), не представившимъ доказательствъ дворянскаго своего происхожденія, исполнить сіе немедленно, понеже дворянство предполагаетъ, по составленіи матрикулы, выставить въ домѣ дворянскаго общества гербы всѣхъ дворянскихъ родовъ“. Генералъ-губернаторомъ 22 августа 1729 года разрѣшеніе на заведеніе матрикулы или списка дворянскихъ родовъ было дано [1]). Въ теченіе ряда лѣтъ составляется матрикулъ, и только въ 1747 году онъ вступаетъ въ дѣйствіе. Такимъ образомъ, то стремленіе, которому было положено начало въ 1650 г. при шведскомъ правительствѣ, стремленіе обособиться отъ всего осталь-

[1]) Введеніе ко II ч., стр. 57.

наго общества, получаетъ свое осуществленіе въ началѣ русскаго владычества. Съ тѣхъ поръ въ мѣстные дворяне можетъ попадать лишь тотъ, кто будетъ принятъ въ таковые постановленіемъ ландтага, при чемъ для законности постановленія требовалось и требуется большинство $^3/_4$ собранія [1]). Съ этихъ поръ названіе „рыцарства“ присвоено губернскимъ начальствомъ лишь родамъ, внесеннымъ въ матрикулъ и составляющимъ какъ бы особое сословіе; названіемъ „земства“ (Landschaft) или земскихъ владѣльцевъ означались всѣ помѣщики, въ матрикулъ незаписанные. Это различіе, по мнѣнію многихъ, не совсѣмъ основательно. Шведскимъ правительствомъ были всегда утверждаемы права и привилегіи „рыцарства и земства“ и въ постановленіи о ландтагѣ 1647 г. говорится то „рыцарство“, то „рыцарство и земство“ [2]).

Съ другой же стороны, дѣлаются шаги въ направленіи прекращенія доступа на ландтаги всѣмъ недворянамъ. Какъ мы видѣли уже выше, въ аккордныхъ пунктахъ лифляндскаго дворянства находилось запрещеніе недворянамъ пріобрѣтать имѣнія и право выкупа дворянами всѣхъ имѣній у недворянъ (п. 19). На этой почвѣ вскорѣ возникаетъ недоразумѣніе между рыцарствомъ-дворянствомъ и рижскими гражданами, изъ которыхъ нѣкоторые также владѣли имѣніями,—въ шведскій періодъ было разрѣшено и гражданамъ пріобрѣтать земскія имѣнія,—такъ какъ при взятіи Риги и имъ было обѣщано сохранить въ силѣ всѣ права, преимущества и вольности, коими они издревле пользовались (п. 7). Этотъ споръ окончилъ въ пользу дворянъ баронъ Левенвольде, который былъ посланъ Петромъ великимъ въ Лифляндію для устройства дѣлъ этого края. Его резолюція отъ 28 сент. 1711 г. гласитъ: „....по силѣ 19

[1]) Тамъ же, стр. 60—61.

[2]) Введеніе ко II ч., стр. 63—64.

пункта капитуляцій всѣ граждане, которые въ прежнее время купили дворянскія имѣнія, обязаны отдать оныя дворянамъ за продажную цѣну, и все, что къ тому причитается". Чрезъ нѣкоторое время возникаетъ споръ между рыцарствомъ, т. е. имматрикулованнымъ дворянствомъ, и т. н. земствомъ. И этотъ споръ разрѣшается въ пользу дворянства. Во исполненіе указа Правительствующаго Сената отъ 26 іюня 1773 г. графъ Браунъ 5 марта 1774 г. даетъ слѣдующее рѣшеніе по этому спору: „Понеже рыцарство объявило, что оно для возстановленія добраго согласія и во избѣжаніе впредь поводовъ къ спорамъ желаетъ ограничить свое притязаніе на право выкупа имуществъ такимъ образомъ, чтобы не только внѣшнія владѣнія лицъ, не принадлежащихъ къ сословію рыцарства, обезпечены были, но чтобы и впредь рыцарству предоставлено было означенное право только въ теченіе законнаго времени, установленнаго для учиненія надлежащихъ публикацій, и именно въ теченіе года шести недѣль и трехъ дней, то за таковымъ объявленіемъ земство должно успокоиться, тѣмъ болѣе, что рыцарство основывалось въ своихъ доводахъ на двухъ привилегіяхъ" [1]).

Такимъ образомъ, въ первое время нахожденія подъ русскимъ подданствомъ дворянство, возстановивъ всѣ свои права и привилегіи, добилось еще новыхъ двухъ, весьма существенныхъ правъ: 1) составленія матрикула, съ правомъ включенныхъ въ этотъ списокъ лицъ принимать или не принимать въ него новыхъ, и 2) права исключительнаго владѣнія земскими имѣніями и выкупа таковыхъ у членовъ другихъ сословій. Насколько важны были эти измѣненія, можно заключить, между прочимъ, изъ того, что только владѣльцы земскихъ имѣній допускались на ландтаги, при чемъ полноправнымъ участникомъ ландтага могли быть лишь тѣ вла-

[1]) Введеніе ко II ч.. стр. 76.

дѣльцы, которые принадлежали къ рыцарскому сословію, остальные же были лишь терпимы тамъ и участвовали только въ тѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ разсматривался вопросъ о складкахъ (См. постановленіе лифляндскаго ландтага 1759 г. разд. VI, § 6). Въ виду отсутствія данныхъ о количествѣ владѣльцевъ земскихъ имѣній изъ другихъ сословій, нѣтъ, конечно, ни малѣйшей возможности судить о томъ, какое значеніе имѣло право участія въ засѣданіяхъ ландтаговъ членовъ другихъ сословій, и не существовало ли оно только на бумагѣ, для отвода глазъ передъ правительствомъ.

На ландтагахъ рѣшались всѣ мѣстныя, общественныя и земскія дѣла, раскладывались подати и повинности, ревизовалась дворянская касса, выбирались должностныя лица. Кстати сказать, всѣ должности въ судѣ и полиціи замѣщались выборными отъ дворянства кандидатами. Вообще, Прибалтійскій край во внутреннихъ своихъ дѣлахъ въ это время вполнѣ управляется дворянствомъ. Этотъ порядокъ былъ нарушенъ указомъ Правительствующаго Сената отъ 20 дек. 1785 г., коимъ предписывалось „Положенія, Всемилостивѣйшее пожалованныя дворянству и городамъ, въ самоскорѣйшемъ времени привести въ настоящее свое дѣйствіе въ Лифляндіи и Эстляндіи, и чтобы во всякомъ случаѣ безъ малѣйшаго изъятія поступаемо было по точной ихъ силѣ“ [1]). Вслѣдствіе сего указа вмѣсто ландтаговъ съ 1783 до 1796 года созывались дворянскія собранія. 12 августа 1786 г. (П. С. З. 16. 424) былъ изданъ особый указъ, прекратившій дальнѣйшее существованіе ландтаговъ и ландратскихъ коллегій: „должности ландратовъ въ намѣстничествахъ Рижскомъ и Ревельскомъ и такъ называемымъ Ландратскимъ Коллегіямъ отнынѣ болѣе не быть“.

Казалось бы, что старый, установившійся во времена

[1]) См. Ук. отъ 12 окт. 1787 г. (П. С. З. 16. 584).

ордена порядокъ навсегда канулъ въ воду, что и русское правительство вступило на тотъ же опасный путь, на которомъ въ свое время потеряли для себя Прибалтійскія губерніи Польша и Швеція. Но судьбѣ благоугодно было иначе, и уже 28 ноября 1796 г. (П. С. З. 17. 564) воспослѣдовалъ Высочайшій указъ о возстановленіи прежнихъ присутственныхъ мѣстъ и ландратскихъ коллегій. Съ этого времени ландтаги существуютъ по сіе время безпрепятственно; созываются они чрезъ каждые три года, а не ежегодно, какъ по уставу 1647 года. Предметы ихъ вѣдомства, за очень небольшимъ исключеніемъ, остались тѣ же: со времени судебной реформы края въ 1889 году, только судебныя дѣла болѣе не входятъ въ ихъ компетенцію; зато они могутъ заниматься всѣми дѣлами, направленными къ „благу всего края".

Если мы теперь спросимъ себя, каково же было отношеніе дворянства къ остальнымъ группамъ мѣстнаго населенія? Какъ оно понимало свою задачу—заботу о „благѣ" *всего* края?

И въ орденскій, и въ польскій, и въ шведскій періоды, какъ мимоходомъ было уже указано выше, оно ничуть не заботится объ улучшеніи быта крестьянъ, а дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи. Дворянъ даже въ высшей степени раздражаетъ то, что иногда папы, польское и шведское правительства стараются оградить крестьянъ отъ ихъ произвола. Съ духовенствомъ они въ началѣ идутъ рука объ руку, но уже въ концѣ орденскаго періода между ними возникаетъ борьба, въ которой преодолѣваетъ дворянство. Въ отношеніи городскихъ гражданъ замѣчается та же политика. Еще во времена польскаго и шведскаго владычества, когда они съѣзжаются на совмѣстныя совѣщанія, дворянство „терпитъ" представителей отъ городовъ въ своей средѣ. Но уже въ самомъ началѣ нахожденія края подъ управленіемъ Россіи оно старается, если не совсѣмъ уни-

чтожить, то по крайней мѣрѣ, значительно ослабить вліяніе гражданъ тѣмъ, что добивается воспрещенія всѣмъ недворянамъ пріобрѣтать земскія имѣнія, а чрезъ то закрытія доступа на засѣданія ландтаговъ.

Древній классъ вассаловъ, превратившись со временемъ въ сословіе дворянъ, въ Прибалтійскомъ краѣ до конца XVII вѣка подъ „благомъ всего этого края“ понималъ только благо своего сословія, какъ населеніемъ этого края считалъ только себя, ибо въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы такъ явно обманывать русское правительство при завоеваніи Ревеля, утверждая, будто въ Эстляндіи вездѣ исключительно нѣмецкое населеніе. И только событія, разразившіяся въ концѣ XVIII ст. во Франціи, косвенно побуждаютъ мѣстное дворянство пересмотрѣть существующее положеніе и соотношеніе сословій въ Прибалтійскомъ краѣ. Слѣдствіемъ этого, а также произведенной русскимъ правительствомъ реформы, является признаніе со стороны дворянства политическаго существованія крестьянъ, утвержденіе за ними благопріобрѣтенной ими собственности и огражденіе ихъ отъ произвола путемъ точнаго опредѣленія всѣхъ крестьянскихъ повинностей [1]),—въ самомъ концѣ XVIII вѣка—въ принципѣ, на бумагѣ, а затѣмъ, въ первыя десятилѣтія XIX вѣка—и въ законѣ [2]). Характерными являются при этихъ освобожденіяхъ крестьянъ нѣкоторые штрихи, которые нельзя обойти молчаніемъ. Всѣ дворянскія общества отказываются на вѣчныя времена отъ бывшихъ доселѣ крѣпостныхъ и наслѣдственныхъ правъ, предоставляя себѣ, по кореннымъ законамъ и Высочайшимъ постановленіямъ, полное право собственности на землю и неограниченное право пользоваться оною, какъ сіе особенными правами и привилегіями, рыцарству дарованными,

[1]) Введеніе ко II ч. Св. М. У. губ. Остз., стр. 87.

[2]) Освобожденіе крестьянъ состоялось: Эстляндской губ. 23 мая 1816 г., Курляндской губ. 25 авг. 1817 г. и въ Лифл. 26 марта 1819 г.

установлено. (См. Пол. о Лифл. кр. 1819 г., ст. 1, Эстл. кр. 1816, ст. 1 и Курл. кр. 1817 г., ст. 1). При этомъ, однако, вездѣ они оговариваютъ, что вмѣстѣ съ симъ они освобождаются не только отъ всякой отвѣтственности въ платежѣ крестьянами общественныхъ и казенныхъ податей, относящихся какъ къ лицу ихъ, такъ и къ землѣ помѣщика, которою они пользуются, но и отъ обязанности дѣлать имъ для вспоможенія ссуды. Это съ одной стороны. А съ другой, встрѣчаемъ весьма опредѣленныя указанія слѣдующаго содержанія: 1) (въ Пол. о кр. Лифл. губ. въ ст. IX)... Къ крестьянскому же двору принадлежащія поля и земли остаются обязанными исполнять возложенныя на нихъ всякаго рода общественныя повинности, хотя бы они принадлежали въ собственность, или состояли во временномъ владѣніи такихъ людей, кои по состоянію своему отъ платежа податей освобождены"... Въ этой статьѣ много недомолвокъ. Такъ, не указано, кто же возлагаетъ на владѣльцевъ крестьянской земли общественныя повинности и что подъ сими послѣдними надо разумѣть. Судя по началу статьи, подъ „повинностями" слѣдуетъ понимать то, что нынѣ понимается подъ натуральными земскими повинностями (исправленіе дорогъ, поставка подводъ и т. д.), а въ срединѣ статьи „повинности" и „подати" уже смѣшиваются въ одно понятіе. 2) (въ Полож. о кр. Эстл. губ. ст. 8). „Всѣ сущія платежи и повинности, что лежатъ на эстляндскомъ крестьянинѣ, какъ на подданномъ государства по отношенію къ государству, согласно его положенію и состоянію, не измѣняются тѣмъ, что его крѣпостная зависимость прекращена". Эта статья снабжена двумя примѣчаніями, изъ коихъ узнаемъ, что по положенію на крестьянствѣ лежало исправленіе дорогъ даромъ, гдѣ это практиковалось, поставка подводъ и т. д.; по состоянію же оно должно было платить подати.

Такимъ образомъ, прибалтійское дворянство, освобо-

дивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, „освободило“ ихъ отъ всего ихъ имущества, а себя самого отъ непріятной обязанности отвѣчать за недоимки своихъ крестьянъ по требованіямъ казны и выдавать въ неурожайные годы своимъ крестьянамъ ссуду, а съ другой стороны, оно оставило въ силѣ возникшее въ прежнее время обязательство крестьянъ исправлять дороги, поставлять подводы и выполнять „всякаго рода общественныя повинности“, на нихъ, Богъ знаетъ, кѣмъ и по какимъ правиламъ возлагаемыя. Эти принципы проведены и въ позднѣйшихъ крестьянскихъ положеніяхъ (1849 и 1860 г. Лифл. кр. пол. и 1856 г. Эстл. кр. пол.). и сохранили свою силу по настоящее время, хотя русское правительство нѣсколько разъ въ теченіе всего XIX вѣка пыталось „освободить“ крестьянъ и отъ выполненія „всякаго рода общественныхъ повинностей“, возлагаемыхъ на нихъ дворянствомъ нерѣдко въ своихъ узко-сословныхъ интересахъ. Исторія этихъ попытокъ весьма поучительна.

V.

Попытки проведенія реформъ.

„Недоразумѣнія“ на почвѣ стремленія реформировать порядокъ отправленія земскихъ повинностей между правительствомъ и прибалтійскимъ дворянствомъ начались съ того, что правительство пожелало внести въ существующій по этому вопросу хаосъ нѣкоторую опредѣленность. 29 іюля 1802 года Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату было повелѣно „по великимъ неудобствамъ, въ настоящемъ положеніи земскихъ повинностей существующимъ, собравъ подробнѣйшія о нихъ свѣдѣнія, принять мѣры къ лучшему и уравнительнѣйшему ихъ расположенію“.

Вслѣдствіе сего указа дѣйствительно были собраны надлежащія свѣдѣнія и уже 2 мая 1805 г. получило Высочайшее утвержденіе „Предварительное Положеніе о

земскихъ повинностяхъ“ (П. С. З. № 21. 737). Въ мотивахъ этого Положенія, между прочимъ, сказано, что „для уравнительнаго расположенія земскихъ повинностей на всѣ губерніи соразмѣрно ихъ населенію и относительнымъ выгодамъ, поручивъ нынѣ Правительствующему Сенату составить особенный изъ сенаторовъ Комитетъ, между тѣмъ, для скорѣйшаго отвращенія неудобствъ въ распорядкѣ земскихъ повинностей, доселѣ бывшихъ, повелѣли Мы министру внутреннихъ дѣлъ представить способы, коими бы до общаго ихъ по государству уравненія, можно было предварительно привести отправленіе ихъ по каждой губерніи въ нѣкоторую опредѣленность“.

По силѣ I ст. Предварительнаго Положенія 3 мая 1802 г. „денежные сборы на исправленіе земскихъ повинностей не иначе въ губерніи существовать могутъ, какъ на основаніи Высочайшихъ о нихъ указовъ и узаконеній“.

Это предварительное положеніе должно было упорядочить также взиманіе т. н. добровольныхъ складокъ. Ст. 42 Положенія опредѣляетъ понятіе этихъ складокъ такъ: „подъ именемъ добровольныхъ дворянскихъ складокъ разумѣются сборы, учреждаемые въ собраніяхъ дворянскихъ самимъ дворянствомъ, по собственному подвигу его и по раскладкѣ, имъ самимъ установляемой, на предметы общеполезные“. А слѣдующая 43 ст. говоритъ: „по сему опредѣленію (т. е. данному въ 42 ст.) не относятся къ добровольнымъ дворянскимъ складкамъ: (I) сборы на исправленіе земскихъ повинностей, правительствомъ учреждаемые, коихъ только одна уравнительная раскладка поручается дворянству вмѣстѣ съ другими состояніями, повинности сіи несущими; сборы сіи имѣютъ свои особенныя правила“. (П. С. З. 821. 737.).

Такимъ образомъ, уже тогда правительственная власть ясно различала добровольныя складки и земскія повин-

ности и сборы и уже тогда установила различные порядки для взиманія тѣхъ и другихъ.

Остановимся теперь также на минутку на томъ порядкѣ, который создавался этимъ Предварительнымъ Положеніемъ. „Денежные сборы—говорится въ Положеніи,—на исправленіе земскихъ повинностей, по существующимъ указамъ и узаконеніямъ взимаемые, раздѣляются вообще на два рода: 1) на ежегодные, собираемые на содержаніе почтъ, почтовыхъ домовъ, казармъ, на отопленіе, освѣщеніе и прочіе предметы; 2) временные, назначаемые на новыя постройки или важныя починки въ зданіяхъ, отъ земли содержимыхъ (Ст. 2). Начальникъ губерніи совмѣстно съ вице-губернаторомъ и съ губернскимъ представителемъ дворянства, имѣютъ исчислить всѣ статьи денежныхъ издержекъ, на исправленіе земскихъ повинностей ежегодно потребныя (Ст. 3). Въ отдѣльныхъ случаяхъ повелѣвалось приглашать въ собраніе и депутата отъ купечества губернскаго города (Ст. 4). Смѣта должна была составляться каждые три года передъ наступленіемъ дворянскихъ выборовъ (Ст. 6). Смѣта земскихъ издержекъ, симъ образомъ составленная, подлежала предложенію собранію дворянства (Ст. 8). Собраніе дворянства назначало депутатовъ для учиненія раскладокъ (Ст. 10). Купечество всѣхъ городовъ также назначало для этого отъ себя депутатовъ (Ст. 11). Депутаты, отъ дворянства и городовъ избранные, въ присутствіи губернатора, по представленной дворянскому собранію смѣтѣ ежегодныхъ земскихъ потребностей, чинили раскладку сколь можно уравнительную по каждому состоянію (Ст. 13). Въ суммѣ всей раскладки принималось за основаніе смѣта, представленная въ собраніе, и противъ оной возраженій быть не могло (Ст. 16). Копія со смѣты земскихъ повинностей, которая дворянскому собранію была предъявлена, и съ раскладки, которая избранными депутатами учинена,

съ поименованіемъ самихъ депутатовъ представлялась министру внутреннихъ дѣлъ (Ст. 18). Порядокъ этотъ долженъ былъ оставаться въ силѣ впредь „до общаго уравненія всѣхъ земскихъ повинностей по государству“ (Ст. 25), съ тѣмъ, правда, измѣненіемъ, что при предъявленіи новыхъ смѣтъ дворянскому собранію на будущее трехлѣтіе должна была предъявляться вмѣстѣ и вѣдомость объ употребленіи сборовъ, въ минувшемъ трехлѣтіи поступившихъ, и остаткахъ ихъ (Ст. 26). Никакіе сборы и налоги подъ именемъ земскихъ повинностей, въ смѣту ежегодныхъ или единовременныхъ земскихъ издержекъ не внесенные, и по правиламъ вышеозначеннымъ не утвержденные, въ губерніи существовать не могли (Ст. 38).

Въ Положеніи, какъ видимъ, говорится о депутатахъ дворянства и купечества, и ни слова не сказано о представителяхъ крестьянства. Объясняется это тѣмъ, что въ Россіи въ то время господствовало крѣпостное право, и крестьяне, какъ объекты права, не могли, конечно, имѣть другихъ представителей своихъ интересовъ, кромѣ своихъ же хозяевъ, собственниковъ, т. е. дворянъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ купцовъ.

Предварительное Положеніе это при Указѣ Правительствующаго Сената за № 10.795 было, между прочимъ, 25 мая 1805 г. препровождено и въ Эстляндское Губернское Правленіе „для должнаго исполненія“. Съ этой цѣлью мѣстный губернаторъ 30 іюня того же года созвалъ особое совѣщаніе, съ приглашеніемъ въ него губернскаго предводителя дворянства. По первоначальномъ обсужденіи этого дѣла, совѣщаніе предположило вновь собраться въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года. Это второе совѣщаніе, однако, уже не послѣдовало, такъ какъ предводитель дворянства, фонъ-Розенталь, отказался отъ участія въ немъ, сообщивъ, что онъ по порученію Дворянскаго Комитета ходатайствуетъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ оставленіи въ Эстляндіи

земскихъ повинностей „на прежнемъ основаніи“ [1]). И дѣйствительно, уже 20 декабря 1805 г. первый со времени учрежденія министерствъ министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, въ бумагѣ № 57635 увѣдомилъ Эстляндскаго губернатора, что „если въ Эстляндіи всегда отправлялись земскія повинности по распоряженіямъ дворянства и если по правамъ сей губерніи обязанность сія относилась къ дворянству, то—какъ въ правахъ сихъ по положенію о повинностяхъ не сдѣлано никакой отмѣны, а потому и должно часть сію оставить на прежнемъ основаніи“ [2]). Это дѣло теперь минувшихъ дней, и всякаго, пожалуй, нѣсколько удивляетъ то обстоятельство, что министръ внутреннихъ дѣлъ у насъ въ Россіи, въ началѣ XIX вѣка, своимъ распоряженіемъ, собственною властью могъ пріостановить дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ законовъ, не доводя о томъ даже до свѣдѣнія Императора Александра I-го.

Министръ финансовъ, очевидно, или не соглашаясь съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, или не зная о его распоряженіи, требуетъ между тѣмъ отъ мѣстнаго начальства то смѣтъ и раскладокъ земскихъ повинностей Эстляндской губерніи, то примѣненія къ ней Положенія 2 мая 1805 г. Эти требованія, по свидѣтельству г. Рудченко, начиная съ 1814 г., слѣдовали одно за другимъ чуть ли не ежегодно, вплоть до 1827 г. [3]) 14 августа 1813 г., 10 іюня 1815 г. и 11 сентября 1816 г. воспослѣдовали указы Правительствующаго Сената Лифляндскому, Курляндскому и Эстляндскому губернскимъ правленіямъ, въ которыхъ предписывалось ввести въ сихъ губ. Положеніе 2 мая 1805 г. въ дѣйствіе „какъ

---

[1]) Рудченко. Записка о земскихъ повинностяхъ въ Эстляндской губерніи, СПБ, 1888, стр. 9 и 10.

[2]) Тамъ же стр. 10.

[3]) Рудченко. Цит. соч., стр 10.

законъ, простирающійся на всю имперію“ [1]). Однако ни требованія министра финансовъ, ни указы Сената не въ состояніи были поколебать мѣстное дворянство. Оно отказывается посылать своего предводителя въ какое-либо совѣщаніе, такъ или иначе связанное съ закономъ 2 мая 1805 г. и съ земскимъ дѣломъ вообще. Эти отказы очень характерны для того времени. Такъ, 30 октября 1824 г. предводитель дворянства отказывается явиться въ совѣщаніе, въ которомъ подлежалъ обсужденію вопросъ о томъ, чтобы смѣты и раскладки земскихъ повинностей были доставляемы въ министерство финансовъ [2]).

Въ 1825 г. отъ Прибалтійскаго генералъ-губернатора, маркиза Паулуччи, послѣдовало категорическое распоряженіе Эстляндскому губернатору „пригласить г. Эстляндскаго предводителя дворянства на общее совѣщаніе (съ депутатами отъ городовъ губерніи) о томъ, на сколько и съ какими ограниченіями или ближайшими установленіями по мѣстнымъ отношеніямъ Эстляндской губерніи слѣдовало бы примѣнить Высочайшее повелѣніе отъ 2 мая 1805 г. Предводитель дворянства, г. Бенкендорфъ, увѣдомилъ губернатора на предложеніе послѣдняго, что „Дворянскій Комитетъ поручилъ ему не являться на собраніе 25 мая (1825 г.) для совѣщанія о распространеніи указа отъ 2 мая 1805 г. на здѣшнюю губернію“ [3]). Мѣстныя власти, однако, дѣлаютъ еще попытку заманить предводителя дворянства на совѣщаніе. Прибалтійскій генералъ-губернаторъ въ 1827 г. разъясняетъ Эстляндскому губернатору, что „хотя участіе въ совѣщаніи со стороны представительства дворянства было отклонено, все-таки слѣдуетъ воз-

---

[1]) Изъ архива кн. Шаховскаго, 2 ч. стр. 267, 8. Рѣш. Общ. Соб. Прав. Сен. 1893 г. №. 39.

[2]) Изъ архива кн. Шаховскаго, ч. II, стр. 268.

[3]) Изъ архива кн. Шаховскаго, ч. II, стр. 269.

будить это дѣло на нынѣшнемъ (1827 г.) дворянскомъ собраніи въ виду того, что хотя и можно обходиться безъ буквальнаго примѣненія Высочайше утвержденнаго доклада 2 мая 1805 г., но тѣмъ не менѣе оказывается необходимымъ болѣе точное опредѣленіе того, какія натуральныя повинности подлежатъ отправленію со стороны страны и какія со стороны городовъ". Но предводитель дворянства не пошелъ и на эту приманку и въ третій разъ отказался отъ участія въ созванномъ совѣщаніи.

Такой упорный отказъ предводителя дворянства, какъ мы теперь можемъ судить, былъ вполнѣ понятенъ: вмѣсто участія обсужденіи вопроса онъ 30 октября 1824 г. подалъ губернатору письменное отношеніе за № 638; и пока на это соотношеніе не воспослѣдовало отвѣта, онъ считалъ себя вправѣ не являться на созываемыя совѣщанія и молчать. Я позволю себѣ привести нѣкоторыя наиболѣе характерныя мѣста изъ этого отношенія, достаточно ярко рисующія отношеніе дворянства къ законопроекту: „Его Императорское Величество", говорится въ отношеніи: „неоднократно соизволялъ выражать Свою волю сохранять каждому сословію Своего обширнаго государства, и въ особенности Эстляндскому дворянству, всѣ тѣ права и учрежденія, къ которымъ оно съ давняго времени привыкло и по которымъ оно въ теченіе многихъ лѣтъ находило счастье и довольство.

. . . . . .

Съ давняго времени эстляндское дворянство имѣло право совѣщаться на ландтагахъ о способѣ отправленія земскихъ повинностей, денежныхъ и натуральныхъ, и опредѣлять оныя, по временнымъ и другимъ обстоятельствамъ, удобнѣйшимъ для своей выгоды порядкомъ. Съ давняго времени денежныя повинности удовлетворялись по Высочайше жалованной дворянству грамотѣ изъ разрѣшенной для каждой губерніи кассы добровольныхъ взносовъ, согласно § 54, именуемымъ у насъ скла-

дочными и кассными деньгами (Laden-und Bewilligungsgelder) и взимаемыхъ не какъ въ Россіи по числу душъ, но по свойственному здѣсь образу исчисленія производительности имѣній, *съ владѣльцевъ, оныхъ*. Всегда правительство заботилось лишь объ исправномъ и тщательномъ исполненіи земскихъ повинностей, раскладку же и способъ исполненія предоставляло самому дворянству, *п. ч. въ здѣшней губерніи точно установлены всѣ обязанности каждаго сословія. Предѣлы повинностей, какъ городовъ, такъ и крестьянъ, со времени освобожденія новымъ Положеніемъ о нихъ, установлены точно; а потому дворянство не имѣетъ опредѣлять повинности другихъ сословій*, а совѣщается лишь объ отправленіи обязанностей, возложенныхъ на него въ разное время непосредственно распоряженіями правительства“ [1]). Представляя это отношеніе предводителя дворянства ген.-губернатору, губернаторъ 5 ноября 1824 г. за № 2543, между прочимъ, доноситъ:....—По всему сему полагаю я мнѣніемъ, что значущіе какъ въ означенныхъ предварительныхъ положеніяхъ, такъ и въ указѣ отъ 28 іюня 1816 г. различенія сборовъ и предписанные обряды раскладки нужныхъ на отправленіе тѣхъ повинностей, денежныхъ сборовъ и распоряженія оными не относятся на сію губернію, потому что 1) означенныя повинности изъ одной только кассы отправляются; 2) сословіе, дѣлающее складки въ кассу сію, одно несетъ всѣ сіи повинности; 2) исчисленіе и надзоръ надъ управленіемъ сей кассы принадлежитъ дворянству по праву, основанному въ постановленіи здѣшней губерніи и 4) по образу раскладки и взиманія означенныхъ сборовъ, подъ названіемъ складочныхъ денегъ (Laden-und Bewilligungsgelder) по упомянутому постановленію, *не можетъ мѣста имѣть никакое притѣсненіе и самоволіе* [2])...

[1]) А. П. Василевскій. Сборникъ узаконеній и распоряженій о крестьянахъ Эстляндской губ., Ревель, 1888 г., стр. 607—608.

[2]) Василевскій, цит. соч., стр. 610.

Вспомнимъ вышеприведенныя статьи съ довольно расплывчатымъ содержаніемъ Крестьянскихъ Положеній, а равно и то, что по силѣ Эстляндскаго дворянства на 1911—1913 г. число недворянскихъ гакеновъ равнялось 6. 415, 17 изъ общаго количества 12. 955, 43, а по смѣтѣ на 1914—1916 г. это число уменьшилось еще до 5. 684, 03, тогда какъ крупные землевладѣльцы-помѣщики занимаютъ 65, 78% всей площади губерніи, а крестьяне только 34, 22 %, что за счетъ этой же единой кассы дворянство пріобрѣтало себѣ отъ казны цѣлыя имѣнія, пріобрѣтало себѣ гербы и т. п., и мы поймемъ всю неискренность утвержденій какъ предводителя дворянства, такъ и губернатора, поймемъ, что весьма возможны и въ дѣйствительности и бывали большія злоупотребленія. Однако, въ то время, не зная дѣйствительнаго положенія вещей, можно было, пожалуй, искренно согласиться съ высказаннымъ предводителемъ дворянства взглядомъ, тѣмъ болѣе, что онъ поддерживался мѣстнымъ губернаторомъ. При сравнительно маломъ интересѣ въ центрѣ и въ русскомъ обществѣ къ дѣламъ мѣстнаго самоуправленія Прибалтійской окраины и почти полномъ незнакомствѣ съ нею правительственной власти, ходатайство представителей дворянствъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о томъ, чтобы существующій доселѣ порядокъ относительно земскихъ повинностей былъ оставленъ на прежнемъ основаніи, находитъ вскорѣ удовлетвореніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ 12 ноября 1827 г. внесъ въ Комитетъ Министровъ особую записку, въ которой высказалъ мнѣніе, чтобы примѣненіе къ губерніямъ Лифляндской и Эстлядской земскаго положенія 1805 г. было „до времени отмѣнено“, съ тѣмъ однако же, чтобы, во 1-ыхъ, земскія смѣты были доставляемы мѣстному начальству, а симъ послѣднимъ препровождаемы въ министерство финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; а во 2-хъ, отчеты въ земскихъ повинностяхъ отдавались дворянству его выбор-

ными учрежденіями, но безъ всякаго контроля правительства. *Такъ какъ земскія повинности, по заявленію дворянства, отправляются здѣсь на дворянскія суммы, безъ участія какихъ-либо другихъ сословій, то, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, дворяне въ этомъ дѣлѣ и суть лучшіе судьи, а „вмѣшательство другихъ лицъ не нужно и можетъ даже иногда быть вреднымъ“* [1]). Комитетъ Министровъ, имѣя въ виду соображенія и заявленія министра внутреннихъ дѣлъ и „принимая въ уваженіе, что положеніе о земскихъ повинностяхъ 2 мая 1805 г. доселѣ (1828 г.) въ Лифляндіи и Эстляндіи введено не было“, высочайше утвержденнымъ 26 ноября 1827 г. положеніемъ постановилъ: „оставить въ сихъ губерніяхъ порядокъ отправленія земскихъ повинностей и отчетности по онымъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оный понынѣ существовалъ“ [2]). (2 П. С. З. № 1. 566.).

Такимъ образомъ, 22-хлѣтняя борьба русскаго правительства въ началѣ XIX вѣка съ дворянскими обществами Лифляндской и Эстляндской губерній изъ-за упорядоченія отправленія земскихъ повинностей края или, выражаясь словами законодателя, изъ-за желанія правительства „привести отправленіе ихъ въ нѣкоторую опредѣленность“, *окончилась полной побѣдой дворянства.*

Послѣ Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ 1827 г. положеніе дѣла измѣнилось въ томъ смыслѣ, что переписка изъ-за земскаго дѣла этихъ губерній между центральною и мѣстною властями на время прекращается. Земскія повинности отправляются „на прежнемъ основаніи“, т. е. по благоусмотрѣнію дворянства, и никто такъ и не узналъ, каково содержаніе этого „основанія“. Правительство на

---

[1]) Рудченко, цитир. сочин. стр. 11.

[2]) Земское Устройство Прибалтійскихъ губ. СПБ. 1890 г. стр. 18. Рудченко, Цитир., стр 11. Изъ Архива кн. Шаховскаго, ч. II, стр. 270.

слово повѣрило дворянству въ 1827 г., что земскія повинности отбываются въ сихъ губерніяхъ однимъ лишь дворянствомъ, безъ всякаго участія другихъ сословій, и что всѣ денежные сборы и повинности вносятся въ кассу дворянства также исключительно дворянами; оно на слово повѣрило ему и въ томъ, будто эти повинности здѣсь отбываются на основаніи „особенныхъ положеній и правилъ“. Какъ первое увѣреніе не соотвѣтствовало дѣйствительности, ибо съ освобожденіемъ крестьянъ въ 1816—1819 гг. поземельныя отношенія стали понемногу измѣняться, и свободные крестьяне, т. е. члены другого сословія, въ 1827 г. уже привлекались къ отбыванію земскихъ повинностей, такъ точно весьма сомнительны увѣренія второго рода „объ особенныхъ положеніяхъ и правилахъ“. Г. Рудченко, управляющій Херсонскою Казенною Палатой, изучившій, по порученію министра финансовъ, въ 1887 г. положеніе земскаго дѣла въ Эстляндіи, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „въ чемъ заключались эти „положенія и правила“, очевидно, никто не зналъ, да едва ли они на самомъ дѣлѣ когда-либо существовали, чѣмъ только и можетъ быть объяснена та темнота и неизвѣстность въ дѣлѣ земскихъ повинностей, которая непрерывно заставляла правительство требовать о нихъ разнаго рода свѣдѣній—какъ выразился гр. Блудовъ въ 1837 году—„по ихъ неясности и неопредѣленности“ [1]).

Тенденція кодицифировать законы, привести въ извѣстность всѣ дѣйствовавшія нормы закона, установить опредѣленный порядокъ въ государственной жизни, какъ извѣстно, была весьма велика въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Благодаря этой же тенденціи были изданы въ 1845 году двѣ части Свода Мѣстныхъ Узаконеній губ. Остзейскихъ. Первая изъ нихъ трактовала

[1]) Рудченко, Цитир. соч. 12, 13.

объ учрежденіяхъ, а вторая—о состояніяхъ. Въ послѣдней мы находимъ статьи 32, 39—41, на которыхъ со времени изданія Свода стали основывать организацію земскихъ повинностей. Но ни одна изъ этихъ статей закона ничуть не опредѣляетъ ближе, какъ собственно, по какимъ правиламъ, по какому порядку, отправляются земскія повинности въ Прибалтійскомъ краѣ, такъ что и съ изданіемъ этого законодательнаго акта дѣло нисколько не проясняется. Имѣло же дворянство къ тому полную возможность, такъ какъ оно вѣдь составляло первоначальный проектъ, и его члены принимали дѣятельное участіе при изданіи этого законодательнаго памятника.

Еще менѣе помогъ изданный въ 1851 г. новый уставъ о земскихъ повинностяхъ, упорядочившій дѣло отправленія земскихъ повинностей по всей имперіи на основаніи довольно продолжительнаго опыта (съ 1805 по 1851 гг.), такъ какъ онъ на Лифляндію и Эстляндію распространенъ не былъ. А своимъ констатированіемъ въ 522 и 606 ст., что здѣсь дѣйствуютъ „особенныя положенія и правила“, онъ развѣ даже ухудшилъ положеніе дѣла, такъ какъ точнымъ терминомъ прикрывалъ то, что было столь неясно, неточно и неопредѣленно.

Въ половинѣ XIX вѣка, какъ общеизвѣстно, разгорается Крымская война, которая заставляетъ правительство сосредоточить на побережьяхъ Прибалтійскаго моря большое количество войскъ. Это естественно увеличило расходы на воинскую квартирную повинность. По закону же 1845 г. дворянскія дома совершенно освобождались отъ воинскаго постоя. Вся тяжесть квартирнаго довольствія войскъ падала поэтому на города и крестьянъ. Дворянство, выдавшее себя и за земство, весьма незначительно участвовало въ этой тяжелой повинности. Такъ, напримѣръ, въ 1854 г. повинность эта во всей Эстляндской губ. обходилась дворянству въ 8.700 руб.,

а гор. Ревелю стоила 100.000 руб. Даже въ мирное время повинность эта Ревелю стоила 40.000 руб., т. е. въ 5 разъ больше, чѣмъ дворянству всей губерніи въ военное время. Въ виду этого правительство нашло себя вынужденнымъ придти городу на помощь и отпустило ему изъ казны 36.000 руб., возложивъ отпускъ второй половины въ 36.000 рублей на дворянство [1]).

Это обстоятельство послужило поводомъ къ начатію со стороны правительства новыхъ попытокъ измѣнить существующее положеніе вещей. Министерство финансовъ въ 1856 г. снова подымаетъ вопросъ о привлеченіи Эстляндской губерніи къ платежу земскихъ повинностей, „съ измѣненіемъ нынѣ существующаго въ ней порядка“. Въ необходимости этого министръ финансовъ убѣждается: во первыхъ, по причинѣ бѣдности крестьянъ, которымъ со введеніемъ этого сбора, правительство могло бы придти на помощь изъ общихъ земскихъ сборовъ по имперіи; а во-вторыхъ, потому, что въ виду обремененія здѣсь городовъ, казна уже вынуждена была оказывать имъ значительныя пособія [2]).

Въ то же время министръ государственныхъ имуществъ, гр. Киселевъ, 21 марта 1856 г. за № 84, обращается къ Эстляндскому губернатору за разъясненіемъ того, въ чемъ же заключаются упомянутыя въ ст. 606 Уст. о земск. пов. (изд. 1851 г.) „особенныя положенія и правила“, дабы потомъ „составить и напечатать для повсемѣстной извѣстности сводъ особыхъ правилъ и постановленій о земскихъ повинностяхъ въ Эстляндской губерніи“.

Но попыткамъ ни того, ни другого министра не суждено было имѣть желательные результаты.

Предложеніе министерства финансовъ окончилось тѣмъ, что Эстляндскій предводитель дворянства, гр. Кей-

---

[1]) Рудченко. Цитир. соч. 20.

[2]) Рудченко цит. соч., стр. 22.

зерлингъ въ своемъ отзывѣ отъ 29 ноября 1857 г., за № 1209 сталъ увѣрять правительство, что вопросъ о бѣдности здѣшнихъ крестьянъ—вопросъ выдуманный,—такъ какъ дворянство будто-бы само за нихъ несетъ всѣ земскія повинности, какъ денежныя, такъ даже и натуральныя, кои оно вычитываетъ изъ арендной платы. Что же касается земской тягости, падающей здѣсь на города,—то по утвержденію графа, земство за нихъ не отвѣчаетъ, такъ какъ они выдѣлены въ особыя территоріальныя единицы, имѣющія каждая свою самостоятельное административное, податное и кассовое управленіе. Въ виду всего сказаннаго, дворянство ходатайствовало о *сохраненіи „существующаго порядка повинностей, такъ какъ уничтоженіе онаго было бы не только для дворянства, но и для представляемаго имъ земства, самымъ чувствительнымъ наказаніемъ, коего дворянство, какъ оно убѣждено, не заслуживаетъ*“ [1]).

Графъ Киселевъ былъ еще менѣе счастливъ. Мѣстный губернаторъ смогъ ему отвѣтить только въ 1860 г. Въ 1859 г. одинъ изъ бывшихъ предводителей дворянства, по свидѣтельству нынѣ покойнаго Эстляндскаго губернатора кн. И. В. Шаховскаго „разсчитывая вѣроятно, на наивность представителя правительственной власти, пытался даже его увѣрить, что подъ особыми правилами, упомянутыми въ 606 ст. Уст. о земск. пов., должно разумѣть тѣ, которыя слѣдуетъ ожидать въ имѣющихъ со времени выйти частяхъ Свода Мѣстн. Узак. губ. Остз. [2]). Официальный же отвѣтъ былъ данъ графомъ Кейзерлингомъ (предводителемъ дворянства) лишь по истеченіи 4-хъ лѣтъ. 7-го сентября 1860 г. онъ увѣдомилъ мѣстнаго губернатора для донесенія высшему правительству, что „такъ какъ и земскій уставъ имперіи, вслѣдствіе предстоящей перемѣны въ положе-

[1]) Рудченко. Цитир. сочин., 22.

[2]) Изъ архива кн. Шаховскаго. ч. II, стр. 271.

ніи крестьянъ, долженъ быть совершенно переработанъ, то кодификація теперь особыхъ правилъ и постановленій о земскихъ повинностяхъ въ Эстляндской губерніи была бы несвоевременна“ [1]).

Трудно придумать что-либо болѣе оскорбительнаго и унизительнаго для стоящей на должной высотѣ государственной власти. Не только уклоняются отъ прямого отвѣта, но и ссылаются на фақты, не имѣющіе для дѣла никакого значенія.

Такое отношеніе мѣстнаго дворянства къ правительству, однако, дало возможность дворянству спокойно хозяйничать въ краѣ „на прежнемъ основаніи“. Вопросъ еще болѣе запутывается тѣмъ, что въ изданную въ 1864 г. III ч. Св. Мѣст. Узак. губ. Остз. были введены нѣкоторыя нормы, долженствовавшія регулировать отправленіе земскихъ повинностей. Такъ, между прочимъ, статья 1321 гласила: „общественныя повинности, къ разряду которыхъ причисляются поземельныя подати, постойная и другія, лежащія на недвижимостяхъ, т. н. земскія повинности, подчиняются въ Курляндіи дѣйствующимъ вообще въ имперіи законамъ, въ Лифляндіи же и Эстляндіи—существующимъ о нихъ особымъ мѣстнымъ положеніямъ и правиламъ“. Зачѣмъ, спрашивается, понадобилась подобная норма изъ публичнаго права въ гражданскихъ законахъ? Къ чему вездѣ, и въ Уставѣ о земскихъ повинностяхъ, и въ мѣстныхъ гражданскихъ законахъ, повторять о какихъ-то „особыхъ положеніяхъ и правилахъ“, если никто изъ живыхъ никогда ихъ не видѣлъ и объ ихъ содержаніи ничего не знаетъ?

Развѣ только для успокоенія совѣсти, ибо чувство справедливости всетаки не давало покоя, что въ двухъ губерніяхъ культурнаго государства въ столь важномъ дѣлѣ господствуетъ еще произволъ и усмотрѣніе од-

[1]) Земск. Устр. Приб. губ., стр. 32; Рудченко, Цитир. соч. стр. 23.

ного сословія; или, можетъ быть, незнакомство правительства съ положеніемъ дѣла и неизвѣстная намъ тенденціозность кодификаторовъ были дѣйствительнымъ источникомъ этихъ вѣчныхъ напоминаній.

Освобожденіе крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ и земская реформа 1864 г. не замедлили сильно отразиться на всей жизни имперіи. Поневолѣ зарождается въ правящихъ кругахъ вновь мысль о реформѣ земскаго дѣла и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Но такъ какъ реформировать можно лишь то, что извѣстно, а существующій здѣсь порядокъ отправленія земскихъ повинностей нашему правительству, при всемъ его желаніи, былъ неизвѣстенъ, то посему оно вновь пожелало проникнуть въ эту закрытую для него тайну, узнать которую оно стремилось въ теченіи слишкомъ 60 лѣтъ, но которой такъ упорно ему не выдавали [1]). Поэтому, министерство внутреннихъ дѣлъ вновь запрашиваетъ мѣстное начальство по этому вопросу. Прибалтійскій генералъ-губернаторъ, которому было послано требованіе министерства, въ свою очередь запрашиваетъ мѣстныхъ губернаторовъ, между прочимъ и Эстляндскаго, 18 марта 1869 г., за № 857, прося доставить подробныя свѣдѣнія: а) о способѣ отправленія земскихъ повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ; б) о предметахъ, обложенныхъ земскимъ сборомъ, в) о порядкѣ взиманія, храненія, расходованія и контролированія земскихъ повинностей, и г) объ учрежденіяхъ и лицахъ, завѣдывающихъ сими повинностями. Въ отвѣтъ на то Эстляндскій губернаторъ Галкинъ-Врасскій, 18 мая 1869 г., за № 967, представилъ министерству полученную отъ губернскаго предводителя дворянства „краткую записку“, далеко не отвѣчавшую на всѣ требованія министерскаго запроса, но въ то же время ярко подчеркивавшую, что „земскія повинности исполняются по правиламъ самоуправленія“. При этомъ губернаторъ счелъ

[1]) Рудченко. Цитир. сочин. стр. 29.

нужнымъ вполнѣ откровенно объяснить, что дѣло это *„по неизвѣстности его администраціи, представляетъ несомнѣнныя затрудненія къ тому, чтобы узнать его“* [1]).

Съ распространеніемъ на Лифляндскую и Эстляндскую губерніи Положенія 8—20 іюня 1874 г. о преобразованіи воинской квартирной повинности, съ принятіемъ выполненія ея, по закону 10 декабря 1874 г., на счетъ казны, губерніи эти, никогда прежде не платившія ни подушнаго, ни поземельнаго государственнаго сбора, но за то и удовлетворявшія государственныя земскія повинности на счетъ мѣстныхъ источниковъ, очутились теперь въ какомъ-то особо привилегированномъ положеніи. Государственный Совѣтъ, разсматривавшій по этому поводу одно изъ представленій министерства внутреннихъ дѣлъ, нашелъ, что изъятіе отъ платежа государственнаго поземельнаго налога землевладѣльцевъ Лифляндской и Эстляндской губерній не имѣетъ достаточнаго основанія [2]).

Согласно съ симъ, Высочайше утвержденнымъ 1 марта 1877 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, между прочимъ, было постановлено: „предоставить министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, составить соображенія о привлеченіи губерній Лифляндской и Эстляндской къ участію, наравнѣ съ прочими губерніями имперіи, въ платежѣ общихъ государственныхъ сборовъ, и предположенія сіи представить на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ“.

Исполняя это Высочайшее повелѣніе, министръ финансовъ статсъ-секретарь Рейтернъ, 14 декабря 1877 г. опять обратился за собраніемъ свѣдѣній къ мѣстнымъ губернскимъ властямъ. Предложеніе министра финансовъ о введеніи земскаго обложенія въ пользу казны было на мѣстахъ встрѣчено весьма несочувственно. По

[1]) Земск. Устр. Приб. губ., стр. 42.
[2]) Земск. Устр. Приб. губ., стр. 48—50.

обсужденіи на Эстляндскомъ ландтагѣ, губернскій предводитель дворянства, отъ 7 іюня 1878 г., за № 298, увѣдомилъ губернатора, что эстляндское дворянство, не отрицая въ принципѣ возможности привлеченіи губерніи къ платежу государственнаго поземельнаго сбора, не можетъ принять предложеніе министерства финансовъ объ образованіи для завѣдыванія симъ сборомъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, Особаго Земскаго Присутствія. По мнѣнію дворянства, это было бы кореннымъ измѣненіемъ дворянскаго самоуправленія (п. 5, ст. 32 ч. 2, Св. Мѣстн. Узакон.), ибо, со введеніемъ такого порядка „страна потеряла бы то, что ей дороже всего—свои учрежденія“ [1]).

Послѣ переписки, длившейся три года, 22 мая 1880 г. воспослѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта (2. П. С. З. № 60.972), въ силу котораго Эстляндская и Лифляндская губерніи впредь должны были уплачивать казнѣ поземельный налогъ, выполненіе же земскихъ повинностей осталось на существующемъ основаніи.

Это, кажется, первая побѣда русскаго правительства надъ мѣстнымъ дворянствомъ, побѣда, правда, только частичная.

Въ 1881 г. возбужденъ былъ опять вопросъ о введеніи Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. въ Прибалтійскомъ краѣ. 14 сентября 1881 г. состоялось Высочайшее повелѣніе министру внутреннихъ дѣлъ войти въ соображеніе о способѣ и порядкѣ примѣненія законоположеній о земскихъ учрежденіяхъ въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской.

Во исполненіе таковой Высочайшей воли, министръ внутреннихъ дѣлъ 18 октября 1881 г. за № 14, 779 просилъ Эстляндскаго губернатора предложить на обсужденіе Эстляндскаго ландтага вопросъ о способахъ при-

---

[1]) Земск. Устр., стр. 50—51.

веденія въ дѣйствіе въ Эстляндской губерніи Положенія о земскихъ учрежд. 1-го января 1864 г., при чемъ могутъ быть приняты во вниманіе мѣстныя особенности и потребности, съ тѣмъ условіемъ, чтобы основныя начала земскаго Положенія не были нарушены. Постановленіе, какое состоится по сему дѣлу на ландтагѣ, министръ просилъ губернатора представить министерству внутреннихъ дѣлъ съ подробнымъ его, губернатора, заключеніемъ.

Объ этомъ губернаторъ сообщилъ предводителю дворянства 23 октября 1881 г., за № 1975. Дѣло это, какъ видно изъ увѣдомленія предводителя дворянства отъ 25 іюня 1882 г. за № 209, было передано на обсужденіе чрезвычайнаго ландтага, собравшагося 16—23 іюня 1882 г. и на этомъ ландтагѣ учреждена особая комиссія для подробной разработки упомянутаго вопроса. Черезъ 4½ года этотъ вопросъ разсматривался на очередномъ ландтагѣ въ декабрѣ 1886 г. и по разсмотрѣніи его ландтагъ постановилъ: „Принимая въ соображеніе, что примѣненіе земскихъ учрежденій къ эстляндскимъ учрежденіямъ и къ сельско-хозяйственнымъ условіямъ оказывается неудобоисполнимымъ, съ одной стороны, не измѣнивъ первыя вполнѣ въ служащихъ имъ основаніемъ постановленіяхъ, а съ другой стороны, не причинивъ послѣднимъ величайшаго вреда, ландтагъ въ виду предложенія правительства отъ 19-го октября 1881 г. за № 14.779 поручаетъ г. предводителю дворянства просить г. министра внутреннихъ дѣлъ..... *отказаться отъ введенія земскихъ учрежденій въ Эстляндской губерніи*“ [1])...

Министерство, однако, не сразу вняло совѣту и ходатайству дворянства, а по соглашенію съ министерствомъ финансовъ, наиболѣе заинтересованнымъ въ дѣлѣ, обра-

---

[1]) А. П. Василевскій. Сборникъ Узаконеній и распоряженій о крестьянствѣ Эстляндской губ., ч. I, стр. 642 и сл.

зовало въ декабрѣ 1887 г. еще особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве. Совѣщаніе, состоявшее изъ представителей этихъ двухъ министерствъ, при участіи губернаторовъ трехъ Прибалтійскихъ губерній, дѣйствительно выработало свой проектъ. Однако, проектъ этотъ дальнѣйшаго движенія не получилъ, такъ какъ совѣтъ эстляндскаго дворянства теперь возымѣлъ уже свою силу.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1896 году, вопросъ опять на очереди, опять обсуждается. На этотъ разъ его подымаетъ Государственный Совѣтъ, который поручаетъ министру внутреннихъ дѣлъ внести на уваженіе Государственнаго Совѣта соображеніе о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ въ неземскихъ губерніяхъ дѣла о земскихъ повинностяхъ, и о мѣрахъ къ правильной постановкѣ земскаго хозяйства.

Министръ внутреннихъ дѣлъ до сихъ поръ такъ и не успѣлъ выработать что-либо въ духѣ ему порученнаго, хотя съ 1896 г. прошло вполнѣ достаточно для этого времени и хотя еще въ 1881 г. было этому же министру сдѣлано аналогичное предложеніе.

26 ноября 1905 г. воспослѣдовалъ Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, въ коемъ предписывалось:..... „для успѣшнѣйшей разработки всѣхъ общихъ вопросовъ мѣстной жизни, *оставленіе коихъ безъ удовлетворительнаго разрѣшенія содѣйствуетъ распространенію смуты*,

I. Учредить должность временнаго Прибалтійскаго генералъ-губернатора....

II. Для разработки законодательныхъ предположеній по всѣмъ мѣстнымъ вопросамъ и *въ частности о введеніи въ краѣ земскаго самоуправленія*, объ улучшеніи быта крестьянъ, о реформахъ приходскихъ учрежденій и школьной, *учредить особое* при временномъ Прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ, подъ его предсѣдатель-

ствомъ или подъ предсѣдательствомъ одного изъ губернаторовъ по его назначенію, *совѣщаніе* въ составѣ выбранныхъ отъ дворянскихъ ландтаговъ и городскихъ думъ губернскихъ городовъ всѣхъ трехъ Прибалтійскихъ губерній представителей, по два отъ каждаго изъ этихъ учрежденій, а также представителей отъ крестьянъ по два для каждой губерніи"....

12—14 іюля 1906 г. Особое Совѣщаніе составилось и засѣдало въ Ригѣ. Оно выработало также и проектъ реформы земскаго дѣла края, но и этому проекту до сихъ поръ не посчастливилось. Онъ былъ представленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, при чемъ управленіе временнаго генералъ-губернатора настаивало даже на введеніи земской реформы немедленно, не дожидаясь созыва Государственной Думы въ порядкѣ 87 ст. Осн. Государств. Законовъ. Но.. но все осталось „на прежнемъ основаніи", все еще „при особыхъ положеніяхъ и правилахъ", и законопроектъ понынѣ еще не внесенъ даже въ Государственную Думу.

На засѣданіяхъ этого Особаго Совѣщанія выступили со своими деклараціями представители отъ дворянскихъ обществъ. Такъ, въ засѣданіи 12 іюля 1906 г. баронъ Пиларъ фонъ-Пильхау, отъ имени лифляндскаго дворянства, предводителемъ коего онъ нынѣ состоитъ, между прочимъ, заявилъ:„ Позвольте мнѣ до начала обсужденія вопросовъ... изложить вамъ вкратцѣ тѣ точки зрѣнія, которыми руководствовались и руководствуются еще теперь Балтійскія дворянства при завѣдываніи земскими дѣлами.

Искони Балтійскія дворянства относились съ особымъ уваженіемъ ко всему, исторически образовавшемуся, признавая, однако, что всѣ учрежденія самоуправленія должны быть развиваемы постепенно, соотвѣтственно обстоятельствамъ времени. Поэтому, дворянство всегда считало своимъ долгомъ своевременно заботиться о необходимыхъ реформахъ.....

Гораздо существеннѣе, чѣмъ аграрный вопросъ, для Прибалтійскихъ губерній вопросъ о реформѣ самоуправленія. Что такая реформа является необходимою и должна быть постепенно введена, Лифляндское дворянство признало уже въ 1870 г. Предполагалось начать реформу съ меньшей единицы земскаго самоуправленія, т. е. съ прихода, а затѣмъ постепенно провести ее до губернскаго собранія. Постановленіе Ландтага, создавшее церковные и приходскіе конвенты, было утверждено Правительствомъ 15 іюня 1870 года. Въ 1885 году Ландтагъ постановилъ ввести для уѣздовъ порядокъ, по которому предполагалось привлечь крестьянское населеніе, платящее земскія повинности, къ участію въ самоуправленіи въ уѣздахъ. Проектъ этотъ, однако, остался неутвержденнымъ. Когда затѣмъ, въ 1888 г., была проведена реформа полиціи и въ 1889 г. имѣлась въ виду судебная реформа, вслѣдствіе чего дворянство освободилось отъ большихъ расходовъ, несомыхъ имъ до тѣхъ поръ, то Ландтагъ постановилъ произвести равномѣрное распредѣленіе какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ повинностей, т. е. Ландтагъ выразилъ готовность принять также дорожную повинность на неподатную землю. Это постановленіе получило лишь отчасти утвержденіе Правительства. Денежныя повинности были равномѣрно распредѣлены, но отбываніе дорожной повинности осталось, какъ и прежде, обязанностью податной земли, потому что управленіе государственными имуществами не считало возможнымъ принять дорожную повинность также на неподатную землю казенныхъ имѣній.

Однимъ словомъ, къ реформамъ стремились, но по причинамъ, не зависящимъ отъ дворянства, не всегда удавалось провести ихъ“ [1])... Въ слѣдующемъ засѣданіи, 13 іюля 1916 г., выступили бар. Буксгевденъ—отъ имени дворян-

[1]) Труды Особаго Совѣщанія при Вр. Прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ. Ревель, типогр. А. Миквица, стр. 80—81.

ства острова Эзеля [1]) и предводитель Эстляндскаго дворянства бар. Деллингсгаузенъ [2]). Въ заявленіи послѣдняго заслуживаетъ быть отмѣченнымъ съ нашей точки зрѣнія слѣдующее мѣсто: „Что же касается вопросовъ мѣстной жизни, то уже годъ тому назадъ ландтагами всѣхъ трехъ губерній признано самымъ существеннымъ вопросомъ привлеченіе представителей отъ крестьянскаго сословія и отъ городовъ къ самоуправленію. Исходя изъ того, что введеніе новыхъ земскихъ учрежденій скоро осуществить нельзя, ландтаги признали необходимымъ привлечь, еще до введенія земскихъ учрежденій, къ подготовительной разработкѣ законодательныхъ мѣръ по осуществленію означенныхъ реформъ представителей крестьянъ и городовъ. Это привлеченіе признано тѣмъ болѣе желательнымъ, что нельзя не считаться съ тѣмъ явленіемъ, что нынѣ мѣстное населеніе недовѣрчиво относится ко всѣмъ проектамъ, выработаннымъ учрежденіями существующими“... Въ этихъ декларацiяхъ представители дворянства говорятъ очень красиво, даже черезчуръ либерально. Объясняется это, конечно, особенностями того момента, когда эти декларацiи произносились. Судить по нимъ о дѣйствительномъ и искреннемъ желаніи дворянства, по нашему мнѣнію, не приходится. Это прекрасный тактическій жестъ, вызванный потребностями момента. И только. Мы, обозрѣвъ вкратцѣ и бѣгло исторію попытокъ русскаго правительства реформировать существующій здѣсь земскій строй и зная, что дворянство до сихъ поръ не собрало и не опубликовало тѣхъ особенныхъ правилъ и положеній, по коимъ оно взимаетъ съ крестьянъ земскія повинности, что оно ничего не предприняло къ тому, чтобы провести въ жизнь выработанный Особымъ Совѣщаніемъ законопроектъ о мѣстномъ самоуправленіи,

[1]) Тамъ же, стр. 85.
[2]) Тамъ же, стр. 87.

хотя бы даже въ видѣ возбужденія о томъ передъ правительствомъ ходатайствъ, мы, конечно, не можемъ согласиться съ г. В. Блессигомъ, принявшимъ эти декларації за чистую монету.[1]). Существующій порядокъ выгоденъ лишь дворянству, а потому вполнѣ правъ г. Іорданскій, утверждающій, что „противъ реформъ здѣсь только нѣмецкіе бароны", т. е. дворянское сословіе. (Русскія Вѣд. № 256—1914 г.).

VI.

Заключительныя замѣтки.

Въ заключеніе я долженъ указать, что предоставленное для моей статьи въ сборникѣ мѣсто не позволяло мнѣ съ одинаковой подробностью останавливаться на всѣхъ деталяхъ вопроса. Вслѣдствіе этого приходилось обходить молчаніемъ многое, что являлось менѣе характернымъ или гдѣ имѣвшіяся у меня подъ рукою данныя были слишкомъ отрывочны, а равно и то, безъ чего возможно получить болѣе или менѣе правильное пониманіе о положеніи самоуправленія въ этомъ краѣ. По этимъ причинамъ я принужденъ былъ оставить совсѣмъ въ сторонѣ и вопросъ о роли и значеніи дворянства въ городскомъ самоуправленіи, тѣмъ паче, что здѣсь, со времени введенія Городового Положенія въ краѣ, природные жители—эсты и латыши—получили уже доступъ къ дѣламъ городского общественнаго управленія и во многихъ городахъ заняли подобающее имъ по ихъ численности положеніе.

Р. Эліасверъ.

---

[1]) См. Русскія Вѣд. отъ 12 дек. 1914 г. № 286.

Нѣсколько словъ о судѣ присяжныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Эти строки пишутся въ залѣ, гдѣ при входѣ красуется древнее изреченіе: „словеса книжныя суть рѣки, напояющія вселенную". . . . Сегодня и завтра, однако, вселенную будетъ напоять человѣческая кровь! . . . Но если вѣрно, что на крови этой люди выстроятъ лучшую жизнь, то выявится эта жизнь и въ книгахъ, а тогда, въ ихъ числѣ, появится, надо вѣрить, одна, незамѣтная, запоздавшая, но всегда желанная—это книга съ уставомъ о судѣ присяжныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

9-го іюля 1889 года былъ утвержденъ законъ о введеніи судебной реформы въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Когда задумывалось преобразованіе судебнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ, то реформѣ придавалось двоякое значеніе: она должна была, во-первыхъ, внести опредѣленное улучшеніе судопроизводства, замѣнивъ феодальное, разносоставное зданіе сословныхъ судовъ устройствомъ раціональныхъ, цѣльныхъ и безсословныхъ, и, во-вторыхъ, уничтожить исключительную власть дворянства, только здѣсь, въ балтійскихъ губерніяхъ, сохранившихъ феодальныя привилегіи по комплектованію судей изъ рядовъ матрикулированнаго дворянства, каковыхъ привилегій не знало къ тому времени ни одно культурное государство.

Прибалтійское дворянство не легко сдавало свои тра-

диціонныя позиціи. Упорная борьба за старое велась ими подъ лозунгомъ „лояльности“ и паролемъ „порядка“. Но на репутацію „лояльности“, которую остзейскіе помѣщики выдвигали, какъ главное основаніе награжденія путемъ сохраненія за ними прежней судебной власти, передовое общественное мнѣніе Россіи отвѣтило указаніемъ на то, что никакое сословіе въ Россіи, а въ томъ числѣ и балтійское дворянство, не имѣетъ права хвастать большей вѣрностью Россіи, чѣмъ всѣ сословія всего народа, а въ числѣ ихъ и дворянство великорусскихъ губерній: не помѣшала же государственная преданность великорусскаго дворянства освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и проведенію всѣхъ преобразованій, основанныхъ на всесословномъ началѣ; былъ парированъ легко и другой аргументъ, предъявленный въ защиту неприкосновенности „правъ дворянина“ и подчеркнувшій то „царство порядка“ въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, какого не знаютъ губерніи внутреннія: остзейскому дворянству указали, что еще больше „порядка“ въ Германіи, гдѣ всевластія дворянства вообще не существуютъ, и гдѣ, какъ въ Пруссіи, со временъ Штейна и Гарденберга именно въ интересахъ порядка „остзейскіе“ навыки управленія давно исчезли.

Но вотъ предположенія стали закономъ, и уставы 64 года, наконецъ, введены въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ нихъ оказались, однако, измѣненія и существенныя отступленія: мировые судьи не избирались, а назначались; суда присяжныхъ вовсе не было.

Судьба мирового института въ Прибалтійскомъ краѣ не такъ затронула тогда общественное мнѣніе Россіи, какъ судьба института присяжныхъ засѣдателей. Надо помнить, что въ то время, когда на окраинѣ вводился мировой институтъ, хотя и съ судьями по назначенію отъ правительства, въ центрѣ Россіи упразднялся самый уставъ о мировыхъ судьяхъ и вводилось положеніе о земскихъ начальникахъ.

Иначе отнеслось общество къ вопросу о судѣ присяжныхъ.

„Мы горячо сочувствуемъ дѣлу введенія въ остзейскомъ краѣ несословныхъ, общеевропейскихъ, въ русской формѣ, судебныхъ уставовъ, писалъ В. М. Гольцевъ по поводу обнародованнаго закона. Но о различныхъ отступленіяхъ отъ ихъ духа и основъ мы можемъ только пожалѣть. Значеніе судебныхъ уставовъ 1864 г. вовсе не ограничивается однѣми формами судопроизводства, хотя и эти формы существенно измѣняются въ примѣненіи къ балтійскому краю отмѣной института присяжныхъ. Мы можемъ только пожалѣть, что одна изъ положительныхъ культурныхъ русскихъ силъ—судебные уставы 1864 года—примѣнена къ окраинамъ въ видѣ измѣненномъ, т. е. ослабленномъ и лишенномъ своей нравственно-завоевательной силы".

„Судъ присяжныхъ—эта крѣпчайшая основа судебной реформы, не вводится, къ сожалѣнію, въ Прибалтійскомъ краѣ, читаемъ мы въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" того времени. Благія послѣдствія, которыхъ вправѣ ожидать русское общество отъ введенія судебныхъ реформъ въ одной изъ самыхъ развитыхъ нашихъ окраинъ, сказались бы скорѣе и ощутительнѣе, если бы зданіе реформы было возглавлено судомъ присяжныхъ засѣдателей".

Но почему же въ краѣ, гдѣ уровень культуры довольно высокъ, гдѣ населеніе почти сплошь грамотно и охотно отдаетъ время общественнымъ дѣламъ и интересамъ, гдѣ все, казалось, обѣщало особо удачное дѣйствіе суда присяжныхъ, послѣдній не былъ введенъ?

Въ отвѣтъ на это недоумѣніе вдохновители укороченной реформы указывали на два обстоятельства: въ прибалтійскихъ губерніяхъ чрезвычайно развитъ, говорили они, національный антагонизмъ, затрудняющій дѣйствіе суда общественной совѣсти, а засимъ, населе-

ніе мало знакомо съ русскимъ языкомъ—единственнымъ языкомъ судоговоренія, предположеннымъ для общихъ судебныхъ мѣстъ.

„Національный антагонизмъ! Насколько намъ извѣстно, писалъ обозрѣватель „Русской Мысли“, антагонизмъ этотъ носитъ гораздо больше сословный, чѣмъ какой-либо другой характеръ и, какъ таковой, разсѣется въ силу преобразованій, сокрушающихъ исключительное преобладаніе дворянства“. Еще удачнѣе возражали „Русскія Вѣдомости“. „Если размѣръ антагонизма не преувеличенъ, то все же это обстоятельство не можетъ служить препятствіемъ, которое нельзя было бы преодолѣть изданіемъ спеціальнаго закона о такомъ сформированіи скамьи присяжныхъ, которое парализовало бы значеніе національныхъ треній и обезпечило бы интересы правосудія“.

Что касается второго аргумента — незнакомства съ русскимъ языкомъ, то даже тѣ, кто признавали правильною такую организацію суда присяжныхъ, гдѣ исключительнымъ языкомъ судоговоренія считался бы языкъ русскій, находили этотъ аргументъ неубѣдительнымъ и доказывали, что уже тогда въ прибалтійскомъ краѣ было достаточно лицъ, удовлетворявшихъ требованіямъ, указаннымъ въ 2 п. 81 ст. Учр. Суд. уст., т. е. лицъ, знающихъ русскій языкъ и умѣющихъ читать по-русски.

Но отступленіе отъ уставовъ 64 года вызывало не только вопросы и сомнѣнія, а и положительныя опасенія. „Устраненіе института присяжныхъ засѣдателей и необходимость введенія апелляціонной инстанціи, читаемъ въ передовой статьѣ „Новостей“ того времени, повліяетъ на быстроту и правильность отправленія правосудія въ краѣ, а это обстоятельство не можетъ не умалить въ глазахъ населенія цѣнности всей реформы.... Ходъ уголовной юстиціи, несомнѣнно, окажется тяжеловѣснымъ и обременительнымъ для мѣстнаго населенія

и поэтому нельзя не признать заранѣе обоснованными тѣ нареканія, которыя вызоветъ уголовная юстиція нынѣ реформируемая, среди населенія Прибалтійскаго края".

Оправдались ли эти опасенія?

Пусть отвѣтитъ на это русскій судья.

Въ 1896 году, т. е. черезъ 7 лѣтъ по введеніи реформы, старшій предсѣдатель петроградской судебной палаты въ отвѣтъ на запросъ комиссіи по пересмотру законоположеній по судебной части въ Имперіи, констатируетъ, что только новая организація суда „разсѣетъ предубѣжденіе, сложившееся въ Прибалтійскомъ краѣ по отношенію къ русскимъ судамъ и подыметъ къ нимъ довѣріе". Не всѣ отзывы были, однако, столь мужественны! Предсѣдатель рижскаго окружнаго суда находилъ, напримѣръ, что измѣненія не вызываются необходимостью. Комиссія признала болѣе правильнымъ сужденіе старшаго предсѣдателя палаты. Она же нарисовала, если не полную, то достаточно яркую картину тѣхъ порядковъ, которые связаны были съ отмѣной для края суда присяжныхъ и съ введеніемъ апелляціонной инстанціи и которые не могли не создать „предубѣжденія", не могли не вызвать „недовѣрія". Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ трудахъ комиссіи (объясн. зап. ком. по пересм. законопол. по суд. част., т. V, стр. 4—7).

„ . . . . . всѣ важнѣйшія, нерѣдко весьма сложныя, уголовныя дѣла разрѣшаются здѣсь по существу въ двухъ стадіяхъ суда, что представляетъ существенное неудобство. Не говоря о сопряженномъ съ такимъ порядкомъ замедленіемъ въ движеніи и окончаніи уголовныхъ дѣлъ и расходахъ казны на увеличеніе въ необходимомъ размѣрѣ числа должностныхъ лицъ апелляціоннаго суда, надлежитъ принять во вниманіе, что хотя судебнымъ палатамъ предоставлено при разсмотрѣніи дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ требовать явки

подсудимыхъ и вызывать свидѣтелей и свѣдущихъ лицъ, но осуществленіе этого права сопряжено съ большими затрудненіями, въ виду значительной отдаленности мѣста пребыванія или заключенія подсудимыхъ и жительства свидѣтелей, по громадному большинству дѣлъ, отъ мѣста нахожденія судебныхъ палатъ. Посему подсудимые, какъ содержащіеся подъ стражей, такъ и находящіеся на свободѣ, и свидѣтели вызываются въ палату по апелляціоннымъ дѣламъ лишь въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ и, такимъ образомъ, по дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ за собой иногда тяжкія уголовныя наказанія, окончательный приговоръ судебныхъ палатъ постановляется въ виду указанныхъ условій, на основаніи письменнаго производства и, преимущественно, протокола засѣданія окружнаго суда. Отправленіе суда по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ не можетъ, поэтому, считаться соотвѣтствующимъ интересамъ правосудія, ибо какъ бы обстоятельно ни былъ составленъ протоколъ судебнаго засѣданія окружнаго суда, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ замѣнить собой совокупности тѣхъ обстоятельствъ, которыя черпаются судьями, предъ глазами коихъ производится судебное слѣдствіе, изъ всего видѣннаго и слышаннаго на судѣ. Опытъ указываетъ, что нерѣдко способъ дачи показанія или объясненія, выраженіе лица дающаго оное и т. п. гораздо болѣе содѣйствуетъ составленію правильнаго по дѣлу убѣжденія, чѣмъ самое содержаніе отобранныхъ показаній и объясненій. Въ этомъ отношеніи судьи судебныхъ палатъ находятся въ худшемъ по сравненію съ судьями окружныхъ судовъ положеніи, ибо, разсматривая дѣло по протесту прокурора или по жалобѣ защитника, палата должна постановлять приговоръ, не видя и не слыша ни подсудимаго, ими оправдываемаго или осуждаемаго по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи, ни свидѣтелей, на показаніяхъ коихъ они основываютъ свой приговоръ".

Такъ отвѣтила жизнь на экспериментъ, произведенный надъ уставами 1864 года. И отвѣтила быстро и рѣшительно! Habent sua fata libelli, говорили въ древности, отмѣчая странную непостижимую судьбу и значеніе книгъ. Отступленіе отъ книги закона о судѣ присяжныхъ засѣдателей также дало себя знать. Къ этой книгѣ пришлось вернуться. Есть такія книги! Къ нимъ всегда возвращаются, ибо въ нихъ — источникъ настоящей правды объ организаціи человѣческихъ обществъ. Вспомнили о судѣ присяжныхъ и въ 1896 году. Вспомнили, правда, съ тѣмъ, чтобы извратить содержаніе лелѣемаго обществомъ института и ввести особый типъ суда присяжныхъ, который былъ бы далекъ отъ дѣйствительной работы общественной совѣсти, но все-таки вспомнили, ибо и ложь, чтобы увлечь, должна отправляться отъ истины. А истина эта чрезъ десятилѣтіе выявляется все ярче и ярче и зоветъ насъ къ тому, что давно уже освящено правовой мыслью культурныхъ народовъ. О томъ же, насколько чутко интеллигенція всѣхъ народностей, населяющихъ Прибалтійскій край, относится къ идеѣ этого суда, видно изъ приводимой ниже резолюціи, принятой въ рижскомъ либеральномъ клубѣ въ ноябрѣ 1913 года. Вотъ эта резолюція: „Заслушавъ докладъ „о судѣ присяжныхъ засѣдателей въ связи съ исходомъ процесса Бейлиса“ и находя, что этотъ судъ еще разъ обнаружилъ свою истинную сущность, враждебную націоналистическимъ измышленіямъ, и, сумѣвъ противостать пропагандѣ между національностями розни, проявившейся съ особенной остротой въ кіевскомъ процессѣ, еще разъ доказалъ свое право на повсемѣстное въ Россіи введеніе, риж. либ. клубъ высказываетъ свое горячее пожеланіе о распространеніи дѣятельности суда присяжныхъ засѣдателей и на Прибалтійскій край, а также убѣжденіе, что судъ присяжныхъ не только оправдаетъ свое высокое назначеніе, но привлекая все населеніе, безъ различія національностей, къ работѣ во

имя права, послужитъ однимъ изъ серьезнѣйшихъ факторовъ примиренія населяющихъ край народностей".

За эти десятилѣтія создались и окрѣпли ко всѣмъ прочимъ чаяніямъ Прибалтійскаго края еще и новыя. Эти новыя чаянія стремятся къ своему осуществленію и въ организаціи суда. Мы говоримъ о языкѣ судоговоренія. „Лозунгомъ предстоящей реформы, читаемъ мы въ докладѣ ревельскихъ адвокатовъ, представленномъ въ 1900 году въ отвѣтъ на запросъ предсѣдателя ревельско-гапсальскаго мирового съѣзда о мѣрахъ къ улучшенію судопроизводства въ мировыхъ учрежденіяхъ, должны быть выставлены: знакомство судей съ мѣстными языками и допущеніе непосредственныхъ объясненій сторонъ и свидѣтелей на этихъ языкахъ съ мировыми судьями". Скажемъ здѣсь, кстати, что пожеланіе это могло бы быть осуществлено, если бы сдаваемая въ архивъ система назначенія мѣстныхъ судей не имѣла бы болѣе мѣста и въ Прибалтійскомъ краѣ, и если бы при иной организаціи мѣстнаго управленія, земскаго и городского, гласнымъ мѣстнаго самоуправленія было бы предоставлено право замѣщенія должностей мировыхъ судей выборными лицами, какъ это устанавливается уставами 1864 года и нынѣшнимъ законодательствомъ для центральныхъ губерній.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ порядкѣ замѣщенія судей острота вопроса о языкѣ въ мировомъ судѣ исчезнетъ.

Сложнѣе стоитъ вопросъ, когда рѣчь заходитъ о языкѣ судоговоренія въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и въ судѣ присяжныхъ засѣдателей. По дѣйствующему закону единственнымъ языкомъ судоговоренія является здѣсь языкъ русскій. На мѣстномъ языкѣ разрѣшается изъясняться лишь тѣмъ свидѣтелямъ и подсудимымъ, которые не знакомы съ языкомъ государственнымъ. Въ дѣлопроизводствѣ общихъ судебныхъ мѣстъ мѣстные языки также исключены. При

судахъ имѣются штатные переводчики для разъясненія судьямъ содержанія показаній и объясненій.

Таковъ нынѣшній порядокъ. О томъ, какъ часто это приводитъ къ извращенію задачъ правосудія, о томъ, какъ важно, чтобы судья зналъ мѣстные языки и обходился безъ переводчика, писалось достаточно. Здѣсь намъ хотѣлось бы еще разъ подчеркнуть, какъ драгоцѣнны и важны задачи правосудія сами по себѣ. Ибо во весь свой ростъ подымается и задача правосудія наряду съ интересомъ государственнаго языка, когда ставится вопросъ о языкѣ судоговоренія. Одна изъ этихъ задачъ—это задача государственной политики: важный, мощный и могучій интересъ государственнаго языка; другая—не менѣе важная, не столь мощная и могучая, скорѣе нѣжная и невѣсомая, но имѣющая глубокое значеніе въ жизни отдѣльнаго человѣка, цѣлаго общества, народа, націи и государства. „Правосудіе, училъ одинъ изъ публицистовъ XIX столѣтія Ройе-Колларъ, есть верховное государственное благо; это законъ надъ законами; повиноваться ему обязаны какъ подданные, такъ и правительства, и нѣтъ такого требованія необходимости, которое могло бы оправдать нарушенія требованія правосудія".

Этими прекрасными словами мы закончимъ нашу небольшую замѣтку и скажемъ лишь, что справедливость и государственный смыслъ русскаго народа—вотъ тѣ источники, откуда для устроенія маленькаго, но важнаго уголка жизни, здѣсь описаннаго, широкой и творческой рукой надо черпать во имя будущаго блага Россіи и проливающихъ за нее кровь всѣхъ народовъ ея.

Э. Дубосарскій.

Рига—Петроградъ.
Февраль 1915 года.

Очеркъ развитія аграрнаго строя Латвіи и Эстоніи.

Мѣстныя аграрныя отношенія представляютъ собою много любопытнаго для экономиста и историка хозяйственнаго быта человѣчества. Развитіе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, его борьба съ крупнымъ, помѣстнымъ хозяйствомъ, создавшемся на мрачномъ фонѣ средневѣковаго германскаго феодализма, опирающагося и по днесь въ своей экономической борьбѣ на пережитки феодальныхъ традицій и привилегій—все это выражено здѣсь очень ярко и выпукло. Если къ этому прибавить еще фактъ совпаденія классовыхъ различій съ различіями національными—то предъ нами дѣйствительно яркая страница изъ исторіи національно-экономической борьбы человѣчества, способная заинтересовать не только изслѣдователя-спеціалиста, но и широкаго читателя.

Чтобы уяснить себѣ картину современныхъ аграрныхъ отношеній въ краѣ, мы должны вкратцѣ прослѣдить исторію ихъ развитія.

Говоря объ аграрныхъ отношеніяхъ въ Балтійскомъ краѣ, обычно подчеркиваютъ основные признаки мѣстнаго аграрнаго строя—наличіе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія наряду съ крупнымъ помѣстнымъ хозяйствомъ, усадебно-фермерскій характеръ крестьянскаго хозяйства, безземельный сельскій пролетаріатъ, отсутствіе всякихъ почти признаковъ общиннаго хозяйства и т. д. Эти особенности мѣстнаго аграрнаго строя особенно подчеркиваются въ тѣхъ случаяхъ, когда при-

ходится сравнивать его съ аграрными отношеніями въ областяхъ коренной Россіи.

Конечно, по существу тутъ и не можетъ быть никакого сравненія, ибо аграрныя отношенія въ латышскомъ и эстонскомъ краѣ сложились подъ вліяніемъ иныхъ историческихъ условій, чѣмъ въ Россіи.

Въ древности и здѣсь повсюду царили общинныя формы землевладѣнія. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли свѣдѣнія о формахъ экономической жизни латышей и эстовъ до завоеванія края нѣмцами. Свѣдѣнія нѣмецкихъ историковъ и лѣтописцевъ рисуютъ намъ бытъ и жизнь уже болѣе поздняго періода. Но судя по этимъ даннымъ и зная, что исторія—особенно въ извѣстные періоды своего „нормальнаго“ развитія—не допускаетъ внезапныхъ переходовъ, скачковъ отъ однѣхъ формъ къ другимъ—мы можемъ заключить, что процессъ разложенія латышской общины начался еще до завоеванія края. Уже къ приходу нѣмцевъ выдѣлились отдѣльныя усадебныя хозяйства, на основаніи которыхъ въ началѣ завоеванія края исчислялись повинности и натуральныя подати покоренныхъ племенъ.

Завоеваніе края, естественно, ускорило этотъ процессъ образованія крестьянскихъ самостоятельныхъ хозяйствъ съ переходомъ земельныхъ участковъ не только въ ихъ пользованіе, но и владѣніе. Особенно успѣшно сталъ онъ развиваться съ утвержденіемъ въ краѣ феодально-вассальныхъ отношеній.

Въ первый періодъ орденскаго господства и въ эпоху первыхъ епископовъ вся земля была оставлена за крестьянскими общинами, за исключеніемъ сравнительно незначительныхъ орденскихъ, церковныхъ и городскихъ земель. Крестьянскія подати и повинности тогда не были особенно обременительны и, въ общемъ, мѣстная хозяйственная жизнь развивалась правильно и нормально. Преобладающею формою землевладѣнія было общинное, преобладающею формой землепользованія — усадебное,

съ частыми передѣлами, съ общими покосами, лугами, выгонами etc.

Но съ появленіемъ вассаловъ положеніе круто измѣнилось. Орденъ и епископы отдали имъ въ ленное владѣніе лучшіе и весьма обширные участки земель съ числящимся на нихъ крестьянскимъ населеніемъ, съ переходомъ въ пользу вассаловъ всѣхъ тѣхъ повинностей, которыя раньше крестьяне несли въ пользу ордена и епископовъ. Повинности эти съ того времени стали непрерывно возрастать. Одновременно началась борьба за усиленіе владѣльческихъ правъ вассаловъ— борьба, закончившаяся, какъ извѣстно, превращеніемъ личныхъ леновъ въ вѣчные.

Параллельно съ этимъ совершался процессъ полнаго разрушенія крестьянскаго общиннаго землевладѣнія. Владѣльческія права на всѣ т. н. свободныя общинныя земли перешли къ вассаламъ. Уже безъ ихъ разрѣшенія крестьянскія общины не могли не только производить передѣлы, но и пользоваться по своему усмотрѣнію, безъ разрѣшенія вассала выгонами, лугами etc. Это заставило крестьянскія семьи, владѣвшія тоже на „ленныхъ правахъ“ отъ общины опредѣленными земельными участками, закрѣпить за собою свои владѣльческія права съ передачею ихъ по наслѣдству старшему въ родѣ. Этимъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ общинному землевладѣнію, но это не спасло крестьянъ отъ закрѣпощенія. Постепенно владѣльческія права общины перешли къ вассалу. Вновь возникавшія крестьянскія хозяйства получали отъ него какъ бы въ ленъ необходимые участки земель. Въ такія же отношенія къ вассалу мало-по-малу стали и свободныя крестьянскія хозяйства. И съ этого же времени между обѣими хозяйственными единицами — крупнымъ и мелкимъ сельскимъ хозяйствомъ — начинается упорная борьба, красною нитью проходящая чрезъ всю исторію аграрныхъ отношеній въ краѣ.

Вассалы, стремясь къ полной самостоятельности и экономической независимости отъ епископовъ и ордена, въ то же время направляли всѣ усилія къ порабощенію и закабаленію своихъ „вассаловъ“ — крестьянъ. Послѣдніе упорно отстаивали свои права, свою свободу, но, увы! силы въ этой борьбѣ были слишкомъ неравны. Всѣ преимущества были на сторонѣ вассаловъ; за нихъ были и орденъ, и церковь, и государство. И всѣ эти силы дружно обрушивались на крестьянъ всякій разъ, какъ они пытались путемъ возстаній и бунтовъ ослабить или разорвать все крѣпче и туже стягивающія ихъ путы экономическаго порабощенія.

Въ эпоху реформаціи аграрныя отношенія въ сказанномъ направленіи достаточно опредѣлились. Нѣмецкіе историки того времени упоминаютъ слѣдующіе четыре разряда крестьянъ: 1) гакенменнеровъ или полныхъ хозяевъ, владѣющихъ 1 гакеномъ земли [1]), 2) полухозяевъ, 3) лострейберовъ (безземельныхъ, предтечей нынѣшнихъ батраковъ) и 4) дрелловъ или рабовъ (военноплѣнныхъ, преступниковъ etc.). Къ этому же времени впервые въ мѣстномъ законодательствѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе о крѣпостныхъ, но фактическій процессъ закрѣпощенія тогда только начался, хотя крестьянскія повинности и подати достигли уже очень значительной высоты и принципъ „прикрѣпленія къ землѣ“ (glebae adscriptus) къ этому времени тоже получилъ свое осуществленіе.

Нѣкоторое представленіе о положеніи мѣстныхъ крестьянъ въ эпоху реформаціи, объ ихъ нуждахъ и стремленіяхъ даютъ намъ требованія Гаррійскихъ и Виррійскихъ крестьянъ, предъявленныя ихъ представителями орденскимъ властямъ.

---

[1]) Значеніе этого термина до сихъ поръ остается не вполнѣ выясненнымъ. Наиболѣе распространено толкованіе, что подъ гакеномъ подразумѣвалось такое пространство земли, которое могъ обработать 1 человѣкъ при помощи 1 лошади въ теченіе 1 дня.

Общинныя формы землепользованія въ Эстоніи сохранялись дольше, чѣмъ въ латышской части края. Эсты жили болѣе сплоченною, общею жизнью и потому могли оказать болѣе упорное сопротивленіе нѣмцамъ. Латыши были давно уже покорены, когда въ Эстоніи еще вспыхивали возстанія противъ нѣмцевъ. Эсты первые откликнулись и на реформаторское движеніе. Ученіе Томаса Мюнцера и Карлштадта дошло и до нихъ, и они подъ его вліяніемъ выставили свои требованія, аналогичныя съ 12 требованіями нѣмецкихъ крестьянъ въ эпоху великой крестьянской войны.

Среди этихъ требованій мы находимъ слѣд.: 1) отмѣна крѣпостного права, 2) уравненіе крестьянъ въ правахъ со всѣми остальными сословіями, 3) предоставленіе крестьянамъ права занимать всѣ общественныя и государственныя должности, 4) право самимъ выбирать и увольнять пасторовъ, 5) право устанавливать добровольные сборы на содержаніе пасторовъ, а также бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ и т. д.

Конечно, эти требованія удовлетворены не были. „Зачинщики“ жестоко поплатились за нихъ, а вѣянія реформаціи не принесли мѣстнымъ крестьянамъ никакого облегченія. Плоды реформаціи пожали лишь мѣстные, тогда чисто нѣмецкіе города, да вассалы-помѣщики, окончательно эмансипировавшіеся отъ опеки римско-католической церкви въ лицѣ мѣстныхъ епископовъ и ордена.

Ливонская война нанесла ордену послѣдній ударъ, прекративъ его политическое существованіе. Эта война убила также рыцарство какъ военное сословіе. Его смѣнили отряды наемныхъ солдатъ. Вмѣстѣ съ техникой войны измѣнились также ея принципы и цѣли. Утратила прежнее значеніе и военная добыча, до того служившая для вассаловъ постояннымъ источникомъ пополненія доходовъ. Послѣ этой войны, а также послѣдовавшихъ вскорѣ вслѣдъ за нею польскихъ войнъ

вассалы изъ представителей военнаго сословія (рыцарей) превращаются въ помѣщиковъ—землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ. Доходъ съ принадлежащихъ имъ земель является единственнымъ источникомъ ихъ существованія. И такъ какъ помѣщичьи земли обрабатывались крѣпостными крестьянами, то, разумѣется, подати и повинности ихъ съ того времени стали особенно быстро расти.

Большая часть рабочаго времени крестьянъ уходила на барщину. Помѣщики присвоили себѣ лучшіе земельные участки. Но кромѣ того, крестьяне должны были платить высокія (натуральныя) подати, такъ что самимъ едва-едва оставалось самое необходимое для жизни. Эта хищническая безсистемная эксплуатація крестьянъ, граничащая съ грабежомъ, происходила въ Балтійскомъ краѣ повсюду въ эпоху польскаго господства и, въ концѣ концовъ, приняла столь опасные размѣры, что вызвала—правда безрезультатное—вмѣшательство польскаго правительства въ мѣстныя аграрныя отношенія.

Новыя вѣянія въ мѣстной жизни начались съ присоединеніемъ значительнѣйшей части края (за исключеніемъ герцогства Курляндскаго) къ Швеціи. Стремясь къ болѣе тѣсному объединенію вновь пріобрѣтенныхъ провинцій съ государствомъ, шведское правительство задалось цѣлью ослабить вліяніе мѣстной дворянской олигархіи и создать ему противовѣсъ въ лицѣ свободнаго, самостоятельнаго класса мелкихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ. Для достиженія этого шведское правительство предприняло рядъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью обезпечить латышскому и эстонскому крестьянству свободу экономическаго развитія и открыть ему путь къ самостоятельной политической жизни. Предрасположеніе царствующей династіи къ такого рода демократическимъ реформамъ объясняется также тогдашнимъ внутреннимъ строемъ и предшествующими событіями въ Швеціи, гдѣ крестьяне сохранили свои политическія права и играли

непослѣднюю роль во внутренней политической жизни страны. Династія Вазы добилась власти именно благодаря поддержкѣ крестьянъ.

Шведское правительство провело въ своихъ Балтійскихъ провинціяхъ рядъ крупныхъ аграрныхъ реформъ, несмотря на открытое сопротивленіе мѣстныхъ дворянъ. И хотя реформы эти были упразднены, за весьма незначительными исключеніями, при переходѣ края подъ верховную власть Россіи, однако онѣ оставили глубокій слѣдъ на развитіи мѣстныхъ аграрныхъ отношеній, открывъ предъ крестьянами новые пути и возможности, показавъ имъ, какъ могла бы сложиться ихъ жизнь при условіи нормальнаго правильнаго ея развитія. А цѣлесообразность нѣкоторыхъ реформъ (напр. составленіе вакенбуховъ и т. н. кадастръ крестьянскихъ хозяйствъ etc.) съ общей народно-хозяйственной точки зрѣнія была столь очевидна, что даже балтійскіе помѣщики впослѣдствіи вынуждены были сохранить хотя и въ измѣненномъ видѣ, кое-что изъ ненавистной шведской системы. (Присоединеніе края къ Россіи ознаменовалось полною реставраціей крайнихъ формъ крѣпостничества.) Мѣстному дворянству великодушно возвращаются всѣ ихъ прежнія права и преимущества и, кромѣ того, оно надѣляется цѣлымъ рядомъ новыхъ привилегій. Надъ своими крѣпостными они получаютъ неограниченную власть, которую они тутъ же спѣшатъ использовать въ полномъ объемѣ для возстановленія своего разстроеннаго войной (Сѣверной) матеріальнаго благополучія. Снова мы наблюдаемъ повсюду въ краѣ хищническую, безжалостную, нерасчетливую эксплуатацію крестьянъ, напоминающую печальной памяти польскій періодъ. Русское правительство и при первыхъ преемникахъ Петра I ни въ чемъ не препятствуетъ балтійскому дворянству, но всячески идетъ ему навстрѣчу. Въ 1760 г. издается законъ, предоставляющій помѣщику право ссылать крестьянъ въ Сибирь. Въ 1762 г. съ помѣщиковъ

фактически взимается всякая отвѣтственность за убійство крѣпостного и т. д.

Но несмотря на все это балтійскіе помѣщики не могли чувствовать себя удовлетворенными. Хищническая эксплуатація труда крѣпостныхъ вызвала обнищаніе крестьянъ и крайній упадокъ сельскаго хозяйства. Голодъ сталъ обычнымъ явленіемъ въ краѣ. Доходность дворянскихъ имѣній не повышалась, а напротивъ—даже понизилась. Наконецъ, въ довершеніе всего, во второй половинѣ XVIII ст. въ краѣ начались крестьянскіе безпорядки, періодически повторяющіеся изъ года въ годъ. Это заставило наиболѣе дальновидныхъ помѣщиковъ серьезнѣе отнестись къ создавшемуся положенію и искать путей къ разрѣшенію его. Послѣднимъ толчкомъ въ этомъ направленіи явилось возникновеніе въ краѣ денежнаго хозяйства, заставившаго помѣщиковъ производить для продажи, для рынка. Это потребовало перехода къ новымъ формамъ сельскаго хозяйства, къ новой системѣ труда крѣпостныхъ.

Реформистскія тенденціи въ мѣстной помѣщичьей средѣ замѣчаются еще съ 30 г.г. XVIII ст. (проектъ мѣстныхъ законовъ барона Будберга-Шрадера). Затѣмъ голоса въ пользу реформъ все крѣпнутъ. Образуется тѣсная, сплоченная группа сторонниковъ реформъ во главѣ съ И. Т. Сиверсомъ. Э. Ф. Шварцбергомъ, Меллиномъ, Пудденброкомъ и др. Требованія реформистовъ сводятся всего-на-всего къ законодательному упорядоченію барщины, къ урегулированію крѣпостныхъ повинностей въ соотвѣтствіи съ состояніемъ и качествомъ крестьянскихъ хозяйствъ. Но и эти скромныя требованія встрѣчаютъ отрицательное отношеніе со стороны большинства мѣстнаго дворянства. Дворянскіе ландтаги отказываются обсуждать проекты реформъ. Тогда многіе помѣщики, не дожидаясь общаго рѣшенія вопроса, издаютъ законы для своихъ крестьянъ, составленные по вышеуказанному образцу. Починъ въ этомъ дѣлѣ

SETAS 7. BIBL

принадлежитъ барону Шульцу (1764 г.). Всего издано такихъ „мѣстныхъ законовъ“ для 22 вотчинъ. Они опредѣляютъ повинности и подати крестьянъ и воспрещаютъ произвольно повышать ихъ, предоставляя крестьянамъ право жаловаться на помѣщика въ случаѣ нарушенія закона.

Но остальные помѣщики встрепенулись лишь тогда, когда въ концѣ XVIII ст. (1784 г.) разразились серьезные крестьянскіе безпорядки, охватившіе всю Лифляндію. Не безъ вліянія на психологію помѣщиковъ остались и событія во Франціи. Бароны сдѣлались уступчивѣе, и „партія реформъ“ одержала побѣду, нашедшую свое выраженіе въ законодательствѣ 1804 г.

Законы эти заключаютъ въ себѣ крайнія уступки, какія по условіямъ того времени, при старой системѣ хозяйства, помѣщики могли сдѣлать въ пользу крестьянъ. Въ основныхъ чертахъ они повторяютъ законы шведскаго періода (возстановленіе въ полномъ объемѣ шведскаго кадастра, вакенбуховъ, etc.). Крестьянамъ были предоставлены извѣстныя гражданскія права, и для крестьянскаго мелкаго землевладѣнія открывался путь къ дальнѣйшему развитію. Но крупное помѣстное хозяйство отнюдь не было склонно уступать свои позиціи, и потому эти законы, почти насильственно вырванные у него угрозою революціи, не могли удовлетворить ихъ. Они только что перешли къ новой системѣ многопольнаго, плодоперемѣннаго хозяйства—болѣе раціональной и выгодной. Но для утвержденія этой системы они нуждались въ неограниченномъ правѣ пользоваться всею землею—и въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ. И предъ мѣстнымъ законодательствомъ встала задача обезпечить имъ эти возможности. Къ этому балтійскіе бароны направили всѣ свои усилія и добились своего.

Законъ 1804 г. ограничилъ право помѣщика по своему усмотрѣнію распоряжаться крестьянскою землей.

Онъ могъ присоединять крестьянскіе участки къ мызной землѣ лишь на основаніи рѣшенія суда, каковое выносилось лишь въ томъ случаѣ, если крестьянинъ оказывался неспособнымъ вести свое хозяйство, запускалъ его и т. д. Кромѣ того, за крестьянами было признано право пріобрѣтать землю въ собственность, продавать ее, а также передавать по наслѣдству.

Уже въ 1805 г. лифляндскій ландтагъ выразилъ протестъ противъ новаго закона и выработалъ 29 дополнительныхъ пунктовъ къ нему, существенно ограничивающихъ права крестьянъ. Въ 1809 г. былъ изданъ дополнительный законъ, въ который вошли эти дополнительные пункты. Права крестьянъ на землю были ограничены, право собственности почти совершенно отмѣнено. Но бароны не удовлетворились этимъ. Они настойчиво добивались полнаго удовлетворенія своихъ требованій и добились этого путемъ реформы 1817—19 г., т. е. т. н. „освобожденія балтійскихъ крестьянъ".

Реформа эта освобождала крестьянъ отъ личной крѣпостной зависимости помѣщику, но за то вся земля была объявлена неотъемлемою собственностью помѣщика. Теперь уже отпало раздѣленіе земли на помѣщичью и крестьянскую. Крестьяне могли пріобрѣсти земельные участки только въ арендное пользованіе на основаніи „свободнаго" соглашенія съ помѣщикомъ. Конечно, ни о какомъ свободномъ взаимномъ соглашеніи не могло быть и рѣчи при условіи полной экономической зависимости одной стороны отъ другой. На дѣлѣ это соглашеніе сводилось къ тому, что помѣщикъ диктовалъ свои условія крестьянину, а тотъ безусловно принималъ ихъ.

Помѣщики не преминули использовать создавшееся положеніе къ наибольшей для себя выгодѣ. Во первыхъ, они округлили свои владѣнія, присоединивъ къ нимъ лучшіе участки крестьянской земли. Они имѣли полную возможность теперь покончить съ мелкимъ

крестьянскимъ землевладѣніемъ, отпустивъ крестьянъ „на свободу“. Но для нихъ оказалось выгоднѣе эксплуатировать крестьянъ и въ качествѣ арендаторовъ. Правда, многія крестьянскія хозяйства были уничтожены, такъ что дешевою рабочею силой (батраками) помѣщики были достаточно обезпечены. Но для нихъ было выгоднѣе, чтобы этихъ батраковъ содержали крестьяне-арендаторы, отбывающіе барщину. Кромѣ того, арендаторамъ крестьянскихъ участковъ были отведены новые, необработанные участки. Какъ только крестьянинъ приводилъ свой участокъ въ культурное состояніе—помѣщикъ немедленно отбиралъ его, присоединяя къ мызной землѣ, а въ лучшемъ случаѣ непомѣрно увеличивалъ арендную плату. Эта система выселенія (Sprengsysteme) оказалась крайне пагубной для крестьянскаго хозяйства, культурный уровень котораго за 1820—40 г. окончательно упалъ. Крестьяне-дворохозяева, превращенные въ подневольныхъ помѣщичьихъ приказчиковъ, обнищали. Арендная плата была крайне высока, при чемъ часть ея вносилась деньгами, а часть—барщиной по произвольной оцѣнкѣ помѣщика.

Но и блага „личной свободы“ обезземеленныхъ крестьянъ были болѣе чѣмъ проблематичны. Свобода передвиженія даже въ предѣлахъ уѣзда была ограничена. Чтобы переселиться въ другую волость, крестьянинъ долженъ былъ, прежде всего, заручиться согласіемъ помѣщика и волостного правленія, затѣмъ представить свидѣтельство объ уплатѣ податей и повинностей (казенныхъ) за 3 года. Переселеніе же въ города крестьянамъ было разрѣшено лишь съ 1832 г. Полная свобода передвиженія предоставлялась лицамъ, достигшимъ 25 лѣтняго возраста, уплатившимъ всѣ казенныя и волостныя подати, внесшимъ залогъ въ обезпеченіе исправной уплаты податей въ будущемъ и уплатившимъ 2—4 рубля въ т. н. волостную кассу работниковъ. Такимъ образомъ, фактически личная зависимость

крестьянъ отъ помѣщиковъ сохранилась по-прежнему. Если прибавить къ этому, что въ рукахъ помѣщиковъ находилась полиція и вся административная власть въ краѣ, то станетъ понятно, какою горькою ироніей должно было звучать для крестьянъ слово „освобожденіе“ въ Положеніи 1817—19 г.г. Ихъ освободили отъ земли, помѣщиковъ освободили отъ обязанности заботиться о нихъ, все же остальное осталось по старому.

Въ связи съ развитіемъ новыхъ формъ сельскаго хозяйства въ краѣ мы наблюдаемъ и новыя сопутствующія явленія. Усиливается вывозъ хлѣбовъ на заграничные рынки, мѣстные помѣщики мало-по-малу втягиваются въ водоворотъ денежнаго хозяйства и міровой торговли. Въ сельскомъ хозяйствѣ возникаютъ побочные промыслы, принимающіе массовый, спекулятивный характеръ, какъ-то—овцеводство, скотоводство, винокуреніе. Все это затѣвается нерасчетливо, въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Единственнымъ регуляторомъ является жажда наживы. Общіе интересы мѣстнаго сельскаго хозяйства совершенно игнорируются. Это приводитъ въ результатѣ къ цѣлому ряду осложненій и кризисовъ. Впервые балтійскіе помѣщики знакомятся съ разновыраженными сельско-хозяйственными кризисами. Растетъ задолженность дворянскихъ имѣній; многіе, увлекшіеся спекуляціями совершенно разоряются. Упадокъ крестьянскаго сельскаго хозяйства тоже крайне невыгодно отражается на помѣщичьихъ хозяйствахъ. Доходность и тѣхъ и другихъ понижается, а между тѣмъ потребности неудержимо растутъ, и становится очевидной необходимость перехода къ болѣе культурнымъ, интенсивнымъ формамъ земледѣлія. А существующія аграрныя отношенія служатъ тому непреодолимымъ препятствіемъ. Къ этому еще присоединяются крестьянскія волненія, въ 40 г.г. опять принимающія грозныя формы.

Волей-неволей дворянство вынуждено было пойти на

уступки. Ему приходилось считаться съ тѣмъ, что мелкое крестьянское хозяйство является пока своего рода базисомъ, на которомъ зиждется благополучіе и преуспѣяніе дворянскихъ крупныхъ хозяйствъ. Существующая система землепользованія пустила въ краѣ все же слишкомъ глубокіе корни, чтобы можно было все ломать и перекраивать, чтобы можно было игнорировать или уничтожить отдѣльные факторы мѣстной хозяйственной жизни. Въ конечномъ итогѣ, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, мелкое крестьянское хозяйство завоевало право на историческое существованіе, и мѣстное дворянство вынуждено было примириться съ этимъ. Но за свою самостоятельность латышскому и эстонскому крестьянству пришлось заплатить слишкомъ дорого. Использовавъ до крайнихъ предѣловъ рабочую силу крестьянъ, присвоивъ лучшіе участки ихъ земель, балтійскіе помѣщики съ развитіемъ денежной системы рѣшили присвоить и крестьянскіе капиталы. И этого они тоже достигли путемъ продажи земельныхъ участковъ въ собственность крестьянамъ—опять-таки ко „взаимному свободному соглашенію“.

Въ началѣ т. н. „свободные договоры“ между крестьянами-арендаторами и помѣщиками заключались на короткіе сроки—до 3 лѣтъ. Но упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ, вытекающій отчасти изъ полной незаинтересованности крестьянина трудиться надъ участкомъ, который не сегодня-завтра должны были отобрать у него, заставилъ помѣщиковъ уже въ 30 г.г. прошлаго столѣтія удлинить срокъ аренды. Движеніе 40 г.г. заставило ихъ уже взяться за пересмотръ закона 1817—19 г.г. Въ 1842 г. была образована дерптская комиссія по пересмотру упомянутаго закона. Въ томъ же году дворянскіе ландтаги представили проекты новыхъ дополненій къ закону. Дополненія эти, разработанныя въ 22 пар. и 77 дополнительныхъ пунктахъ возстановили нѣкоторыя положенія закона 1804 г. въ пользу крестьянъ

янъ. Наконецъ, въ 1849 г. были изданы законы объ устройствѣ крестьянъ-дворохозяевъ, о предоставленіи имъ права пользоваться опредѣленными участками земли и объ учрежденіи крестьянскаго банка для выдачи крестьянамъ ссудъ на покупку земельныхъ участковъ и др. Такимъ образомъ, за мелкимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ признается право на существованіе. Но крестьянинъ могъ пріобрѣсти это право лишь путемъ добровольнаго „свободнаго“ соглашенія съ помѣщикомъ, за которымъ сохраняются всѣ его привилегіи. Правда, законъ 1849 г. фактически отмѣняетъ положеніе 1817—19 г.г. о томъ, что вся земля является собственностью помѣщиковъ. Земля снова раздѣляется на помѣщичью (мызную) и крестьянскую (повинностную). Что же касается права пользованія крестьянской землей, то новый законъ предписываетъ помѣщику сдавать ее въ аренду или продавать только членамъ волостныхъ обществъ. Но на какихъ условіяхъ сдавать или продавать—это устанавливается по-прежнему, „свободнымъ соглашеніемъ“, т. е. помѣщикомъ. Законъ во взаимныя отношенія помѣщика и арендатора не вмѣшивается. Законъ оговариваетъ также, что членами волостныхъ обществъ могутъ быть также лица другихъ сословій, съ сохраненіемъ своихъ правъ и сословныхъ преимуществъ. Законъ устанавливаетъ формы аренды (но, разумѣется, не размѣры ея). Она носитъ смѣшанный характеръ: часть арендной платы вносится деньгами, часть—барщиной, при чемъ размѣры послѣдней все же ограничены вакенбухами и, кромѣ того, барщина признается временной, переходной формой аренды (т. е.—она сохраняется до тѣхъ поръ, пока помѣщики нуждаются въ ней). Кромѣ того, въ законѣ 1849 г. содержится постановленіе о т. н. квотной землѣ. Квотная земля выдѣляется изъ крестьянской земли въ количествѣ приблизительно $^1/_3$ (въ Эстляндіи $^1/_6$) пахоты съ соотвѣт. количествомъ луговъ и выгона и предоста-

вляется въ распоряженіе помѣщика. Мотивируется это необходимостью обезпечить безземельныхъ батраковъ, отбывающихъ барщину, но фактически квотной землей помѣщики распоряжались по своему усмотрѣнію, что было для нихъ легко сдѣлать, такъ какъ законъ не содержитъ въ себѣ опредѣленныхъ указаній о способѣ пользованія этой землей.

Развитіе денежнаго хозяйства заставило помѣщиковъ рѣшиться на продажу крестьянскихъ земельныхъ участковъ. Реформы 60 г.г. положили прочное начало крестьянскому землевладѣнію; съ этого времени фактически и начинается выкупъ крестьянскихъ участковъ. При продажѣ крестьянскихъ участковъ балтійскіе помѣщики сохранили за собою право назначать цѣны по своему усмотрѣнію, а также диктовать крестьянамъ условія выкупа. Но всѣ эти, крайне обременительныя для крестьянъ условія, были ими преодолѣны.

До сихъ поръ мы разсматривали общій ходъ развитія аграрныхъ отношеній въ краѣ—и въ латышской и въ эстонской части его. Несмотря на одинаковость историческихъ судебъ обоихъ народовъ, все же въ развитіи ихъ экономической жизни, въ частности—аграрныхъ отношеній—наблюдаются порою нѣкоторыя различія и особенности, отразившіяся и въ мѣстномъ законодательствѣ. Это заставляетъ насъ при переходѣ къ характеристикѣ современнаго положенія въ краѣ остановиться отдѣльно на главныхъ провинціяхъ (губерніяхъ) его. Начнемъ съ Лифляндіи.

Аграрныя отношенія развивались здѣсь подъ вліяніемъ тѣхъ же общихъ условій, которыя опредѣлили историческую судьбу всего края. Но Лифляндія представляетъ собою самую большую область края, центральную часть его, центръ мѣстной общественной и культурной жизни. Всѣ мѣстныя особенности во всѣхъ областяхъ экономической жизни здѣсь обозначились какъ-то рѣзче и опредѣленнѣе. Обѣ остальныя области—

Эстляндія и Курляндія—являются во всѣхъ отношеніяхъ болѣе отсталыми. Историки и изслѣдователи мѣстнаго экономическаго быта всегда удѣляли особое вниманіе Лифляндіи, изучали ея аграрный строй и аграрное законодательство, находя здѣсь наиболѣе характерныя типичныя черты.

Продажа крестьянскихъ земельныхъ участковъ здѣсь началась фактически съ 60 г.г., послѣ изданія законовъ, обезпечивающихъ за крестьянами извѣстныя гражданскія права. Правда, еще въ 1849 г. былъ основанъ здѣсь крестьянскій непрерывно-доходный банкъ, назначеніе котораго было—предоставлять крестьянамъ на выгодныхъ условіяхъ кредитъ для покупки земельныхъ участковъ. Но онъ не могъ развить своей дѣятельности, п. ч. при продажѣ крестьянамъ земли помѣщики ставили непремѣннымъ условіемъ залогъ этихъ земель въ дворянскомъ земельномъ Кредитномъ Обществѣ.

Въ 1860 г. было издано Положеніе о Лифляндскихъ крестьянахъ, въ 1869—новый законъ о свободѣ передвиженія крестьянъ, отмѣнившій всѣ ограниченія. А въ 1864 г. вышелъ законъ относительно обезпеченія крестьянъ землей—о продажѣ имъ въ собственность земельныхъ участковъ на условіяхъ свободнаго соглашенія съ помѣщиками. Съ этого времени и начинается быстрый ростъ и развитіе крестьянскаго мелкаго землевладѣнія, несмотря на крайне стѣснительныя условія покупки земель. Крестьянамъ приходилось приплачивать отъ 28—65 разъ болѣе средней нормальной стоимости земель. Обычно при совершеніи купчей деньгами выносилось отъ 10—20%; 1/3 ч. покупной цѣны выдавалась въ ссуду упомянутымъ дворянскимъ земельнымъ кредитнымъ обществомъ подъ залогъ земельнаго участка. Уплата остальной суммы разсрочивалась обычно на 12—20 лѣтъ изъ 5%—6% годовыхъ безъ погашенія. Неуплата въ срокъ давала помѣщику право

немедленно же обратить участокъ въ продажу съ публичнаго торга. Кредитное о-во взимало пеню за просрочку платежей въ 12 % годовыхъ. Прилагаемая таблица даетъ нѣкоторое представленіе о развитіи продажи крестьянскихъ участковъ, а также о движеніи цѣнъ на нихъ.

Годы.	Количество проданныхъ земельныхъ участковъ.	Сколько десятинъ продано вообще.	Въ среднемъ за 1 дес. уплачено.	За 1 десят. пахоты уплачено.
1823—51	42 ус. уч.	2631 дес.	46 руб.	52 руб.
1852—56	137 —	9090 —	43 —	46 —
1857—61	209 —	11131 —	50 —	55 —
1862—66	**2010** —	**123849** —	61 —	68 —
1867—71	4318 —	226676 —	61 —	68 —
1872—76	**5995** —	289011 —	58 —	64 —
1877—81	3133 —	141782 —	72 —	80 —
1882—86	2765 —	128283 —	85 —	93 —
1887—91	780 —	35985 —	84 —	91 —
1892—96	1168 —	52651 —	83 —	91 —
1897—01	917 —	42816 —	81 —	88 —
1902—04	590 —	26781 —	91 —	101 —

Изъ этой таблицы мы видимъ, что до 60 г.г. продажа крестьянскихъ участковъ шла очень вяло и цѣны на землю стояли сравнительно—по мѣстнымъ условіямъ—невысокія.

За четырехлѣтіе 1862—66 г. количество проданныхъ участковъ вдругъ увеличивается до 2010 (вмѣсто 209 за предыдущее 4-лѣтіе) и въ то же время наблюдается быстрый подъемъ цѣнъ. Съ этого времени начинается покупная горячка. Болѣе всего продано за 4-лѣтіе 1872—76 (5995 уч.). Вообще 70 г.г. въ этомъ отношеніи являются самыми бѣшеными. Крестьяне бросились покупать участки, часто не имѣя никакихъ рессурсовъ, не вникая въ условія продажи, обременяя себя непо-

сильными долгами. Это послужило впослѣдствіи причиною многочисленныхъ краховъ. Наибольшую выгоду эти „бѣшеные годы“ принесли, конечно, помѣщикамъ. Деньги за землю рѣкою лились въ ихъ карманы. Цѣны на землю были явно вздуты. Они соотвѣтствовали самымъ высокимъ спекулятивнымъ цѣнамъ внутреннихъ губерній Россіи и на 25%—30% были выше тѣхъ цѣнъ, по какимъ Крестьянскій Банкъ пріобрѣталъ земли для дальнѣйшей продажи.

Къ 1900 г. за проданные участки помѣщики получили наличными деньгами 33.867.786 руб. или 83,78% задолженной суммы. Кромѣ того, въ Кредитномъ дворянскомъ О-вѣ образовался капиталъ въ 5.129.000 руб. на погашеніе ипотечнаго долга О-ву. За крестьянами осталось долга помѣщикамъ 12.543.969 руб. и 25.718.200 р. ипотечнаго долгу. Весь долгъ составляетъ 38.333.169 руб. или 49,5% всей покупной суммы. Къ 1897 г. изъ проданныхъ 24 тыс. усадебныхъ участковъ окончательно было выкуплено всего 4451 уч. Къ 1 августа 1905 г. всего было продано изъ 25.456 усадебныхъ участковъ въ 1.122.261 дес. удобной и 111.083 неудобной крестьянской земли 22.272 участка (87,49%) въ 996.220 дес. уд. и 96.932 дес. неудобной земли.

При продажѣ крестьянскихъ земельныхъ участковъ помѣщики не преминули использовать свои привилегіи и включили въ „свободные договоры“ рядъ пунктовъ, ограничивающихъ владѣльческія права крестьянъ. Такъ, помѣщики оставили за собою право охоты и рыбной ловли даже на крестьянскихъ земляхъ. Это было ихъ привилегіей. Остались за помѣщиками также почти всѣ лѣса и лучшіе луга. Крестьяне были лишены также права устраивать и открывать на своихъ участкахъ промышленныя и торговыя заведенія и производить по своему усмотрѣнію улучшенія съ цѣлью поднятія доходности земли. Кромѣ того, какъ мы уже указывали выше, помѣщики захватили часть крестьянской земли,

т. н. „квоты“ въ латышской части края и 1/6—въ Эстляндіи. Ревизія сенатора Манассеина въ 80 г.г. прошлаго столѣтія обнаружила рядъ крупныхъ злоупотребленій съ крестьянскими землями. Слѣдующія данныя показываютъ намъ, какъ распорядились помѣщики квотной землей. 71.000 дес. ея были проданы, 18.000 десятинъ присоединены къ мызной землѣ, 5 тыс. сданы въ аренду крестьянамъ, 15 тыс. дес. заселены батраками, а 160 тыс. дес. разбиты на средніе усадебные участки и тоже сданы въ аренду. Словомъ — вопреки первоначальному смыслу закона, значительная часть квотной земли оказалась въ пользованіи помѣщиковъ. Вопросъ о возвращеніи и назначеніи этой земли въ свое время породилъ цѣлую литературу и остается нерѣшеннымъ до сихъ поръ.

Вся земля въ Лифляндской губ. раздѣляется на мызную, казенную, городскую, крестьянскую etc. Мызная земля принадлежитъ владѣльцамъ 729 дворянскихъ вотчинъ и составляетъ 1.597.288 дес. (удобной—1.259.678 дес.). Словомъ—помѣщикамъ принадлежатъ 47,59% всей площади земли.

Въ среднемъ на 1 дворянскую вотчину приходится 2199 дес. земли или 1406, 1 дес. удобной земли.

Крестьянской земли—1.517.362 дес., которая распредѣлена между 51465 крестьянскими усадебными участками. Въ среднемъ приходится до 35 дес. удобной земли на каждую усадьбу. Такихъ обезпеченныхъ землей крестьянъ - дворохозяевъ—43864 (по числу усадебъ). Они дѣлятся на крестьянъ-собственниковъ, т. е. пріобрѣвшихъ свои участки въ собственность (такихъ около 26 тыс.) и арендаторовъ. Кромѣ того, имѣются еще 6970 т. н. бобыльихъ участковъ (отъ 1—6 дес.) и 1231 солдатскихъ участковъ (1—3 дес.). Къ крестьянскому землевладѣльческому сословію принадлежатъ около 250 тыс. человѣкъ (съ семьями); остальная масса сельскаго населенія—около 655 тыс. человѣкъ—составляютъ беззе-

мельный пролетаріатъ. Такимъ образомъ, безземельные составляютъ около 3/4 всего мѣстнаго сельскаго населенія.

Положеніе арендаторовъ-дворохозяевъ значительно хуже положенія собственниковъ-усадьбовладѣльцевъ. Условія аренды крайне стѣснительны, арендная плата чрезмѣрно высока; мѣстами встрѣчаются еще остатки барщинной аренды. Полная зависимость отъ помѣщика парализуетъ энергію и предпріимчивость арендатора. Нерѣдки случаи выселенія арендаторовъ—неисправныхъ плательщиковъ или въ случаѣ продажи арендуемаго участка постороннему лицу. Такія явленія неоднократно наблюдались въ Лифляндіи еще въ началѣ XX ст.

Большинство крестьянъ обрабатываютъ свою землю по 4—6 польной системѣ. Помѣщики же чаще всего пользуются 8—11 польной системой. Конечно, крестьянскія хозяйства въ отдѣльности не могутъ и помышлять о конкуренціи съ крупными помѣщичьими хозяйствами. Но лифляндскіе крестьяне скоро поняли, что сила ихъ—въ единеніи. Мелкіе сельскіе хозяева объединились въ экономическіе союзы, образовали сельско-хозяйственныя общества etc., и это дало имъ возможность начать успѣшную борьбу съ помѣщиками и занять прочное, устойчивое положеніе.

Въ концѣ XIX и началѣ XX ст. мелкое крестьянское хозяйство въ Лифляндіи окрѣпло и сложилось, какъ опредѣленная самостоятельная экономическая величина. Крестьяне-дворохозяева образовали классъ латышской сельской буржуазіи, прогрессирующій въ своемъ дальнѣйшемъ экономическомъ и культурномъ развитіи. Постепенно вырабатывается средній типъ самостоятельнаго мелкаго или, вѣрнѣе сказать—средняго крестьянскаго хозяйства. Наблюдается также тенденція къ сліянію небольшихъ крестьянскихъ усадебъ. Этотъ процессъ экономической эмансипаціи вызвалъ среди крестьянской буржуазіи соотвѣтствующее стремленіе къ расширенію своихъ политическихъ правъ, чѣмъ и объясняется

участіе этого класса въ борьбѣ 1905 г. Культурный уровень латышскаго крестьянства значительно повысился благодаря открывшемуся доступу къ среднему и высшему образованію. Среди латышей-дворохозяевъ въ наше время уже нерѣдко можно встрѣтить лицъ съ среднимъ сельско-хозяйственнымъ или общимъ образованіемъ.

Главными требованіями крестьянской буржуазіи въ борьбѣ за политическую самостоятельность являются: 1) отмѣна дворянскихъ привилегій, 2) введеніе въ краѣ земскаго самоуправленія, 3) болѣе справедливое и равномѣрное распредѣленіе общественныхъ повинностей и податей, 4) реформа прихода, 5) реформа школьнаго дѣла, 6) реформа волостного самоуправленія, 7) организація мелкаго и меліоративнаго кредита и т. д.

Какъ мы уже указывали, громадная часть мѣстнаго сельскаго населенія принадлежитъ къ т. н. сельскохозяйственному пролетаріату. Это въ большинствѣ случаевъ батраки. Они раздѣляются на помѣщичьихъ и крестьянскихъ батраковъ, причемъ положеніе и тѣхъ и другихъ одинаково незавидно. Помѣщичьи или мызные батраки, въ свою очередь, раздѣляются на нѣсколько категорій: 1.—батраковъ, получающихъ кромѣ денежнаго вознагражденія еще извѣстное количество зерновыхъ и кормовыхъ продуктовъ (deputate), 2—подрядныхъ или „аккордныхъ“ рабочихъ, получающихъ вознагражденіе сдѣльно по, условію за опредѣленное количество работы, независимо отъ условій труда и времени окончанія работы, 3—батраковъ-арендаторовъ, которымъ въ вознагражденіе отводятся небольшіе участки земли; это остатки прежней барщинной или „отработочной“ системы. Кромѣ того, всѣ рабочіе пользуются квартирой съ отопленіемъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, т. н. рабочихъ казармахъ. Въ среднемъ содержаніе батрака—включая квартиру, отопленіе etc.=250-300 рублей въ годъ. Но это содержаніе не покрываетъ всѣхъ расходовъ по

содержанію семьи батрака, такъ что многія потребности приходится урѣзывать до крайнихъ предѣловъ.

Отводимые рабочимъ участки=9-6 десятинамъ пахотной земли. На обработку ихъ батраку предоставляются 3 дня въ недѣлю, но зато лѣтомъ жена батрака должна отбыть 30 дней барщины.

Крестьянскіе батраки получаютъ приблизительно то же содержаніе (деньгами мужчины отъ 70—120 руб., женщины 25—50 руб. и соотвѣтствующее количество вознагражденія натурой+квартиру—чаще всего койку). У каждаго усадьбовладѣльца отъ 2—4 батраковъ; лѣтомъ въ страдную пору онъ, кромѣ того, нанимаетъ еще поденщиковъ. Положеніе крестьянскихъ и мызныхъ батраковъ почти одинаковое. Условія ихъ труда и жизни оставляютъ желать весьма многаго.

Кромѣ этихъ постоянныхъ рабочихъ, имѣется еще довольно значительная группа вольнонаемныхъ рабочихъ, поденщиковъ, нанимающихся срокомъ менѣе 1 года. Это часть резервной арміи сельско-хозяйственнаго пролетаріата, женатые, семейные батраки, которымъ труднѣе получить работу (крестьяне дворохозяева очень неохотно берутъ ихъ), бобыли, сельскіе ремесленники etc.

Аграрный строй Курляндіи въ основныхъ чертахъ мало чѣмъ отличается отъ лифляндскаго. Здѣсь мы встрѣчаемъ то же раздѣленіе земли на помѣщичью (мызную) и крестьянскую. Крестьяне дворохозяева также раздѣляются на арендаторовъ и собственниковъ. Продажа крестьянскихъ участковъ здѣсь началась одновременно съ Лифляндіей и развивалась приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ, что и тамъ, принимая тѣ же формы и характеръ. 70—80 г. г. являются и въ Курляндіи годами выкупной горячки, за которыми слѣдовала реакція, сопровождавшаяся банкротствомъ многихъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Помѣщичьей земли здѣсь 979.705 дес., что составляетъ 40% всей земельной площади губерніи. Земля эта

распредѣлена между 648 дворянскими вотчинами, такъ что на каждую вотчину въ среднемъ приходится 1.512 дес. Площадь всей крестьянской земли=898.249 или 37% всей земельной площади. Всѣхъ крестьянскихъ участковъ, включая маломѣрные, бобыльи и солдатскіе участки—около 35 тыс. Солдатскихъ участковъ около 1½ тыс. (при чемъ на каждый приходится въ среднемъ 1—3 дес.), бобыльихъ 6½ тыс. (по 3.66 дес. въ среднемъ на каждый). На каждое среднее крестьянское хозяйство приходится по 33, 5 дес. (въ среднемъ) удобной земли. Общее число такихъ хозяйствъ около 25 тыс. Обезпеченныхъ землей въ губерніи считается до 300 тыс. человѣкъ (съ семьями), причемъ на долю усадьбовладѣльцевъ и дворохозяевъ-арендаторовъ приходится до 120 тыс. Сельскій пролетаріатъ живетъ приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ, что и въ Лифляндіи, только заработная плата курляндскихъ батраковъ нѣсколько ниже. Современныя аграрныя отношенія въ краѣ регулируются тѣми же законами 60 г. (Законъ о курляндскихъ крестьянахъ изданъ въ 1863 г.). Но исторически аграрныя отношенія въ Курляндіи складывались нѣсколько иначе, чѣмъ въ Лифляндіи. Послѣ раздѣла владѣній Ливонскаго ордена Курляндія превратилась въ ленное герцогство Польши, въ качествѣ какового она просуществовала вплоть до присоединенія Курляндіи къ Россіи (1795 г.). Герцогство это представляло собою дворянскую аристократическую республику. Власть герцога была весьма ограничена, но все же у него былъ свой дворъ, войско etc. Все это требовало крупныхъ расходовъ, и потому курляндскимъ крестьянамъ кромѣ крѣпостныхъ, помѣщичьихъ повинностей приходилось нести весьма обременительныя государственныя повинности. Вообще Курляндія, по сравненію съ Лифляндіей, значительно отстала и въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ, и эта отсталость сказалась до нашего времени. Феодальные пережитки

сохранились здѣсь рельефнѣе, крестьяне живутъ бѣднѣе, чѣмъ въ Лифляндіи. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ очень роспространена субъ-аренда—т. е. сдача крестьянами-арендаторами въ аренду ремесленникамъ, батракамъ, поденщикамъ etc. небольшихъ въ 1/3—1 десятину участковъ земли съ платой 30—50 рублей за десятину въ годъ. На нѣкоторыхъ крестьянскихъ усадебныхъ участкахъ насчитывается до 10—20 такихъ арендаторовъ.

Если въ Курляндіи и встрѣчаются нѣкоторыя особенности въ условіяхъ развитія ея аграрныхъ отношеній, то все же эти различія не проводятъ рѣзкой грани между обѣими частями латышскаго края. Но за то въ Эстляндіи мы уже встрѣчаемъ ярко выраженныя особенности какъ въ мѣстныхъ аграрныхъ отношеніяхъ, такъ и въ мѣстномъ аграрномъ законодательствѣ. Мѣстное дворянство сумѣло удержать за собою всякихъ преимуществъ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ края. Въ рѣшительную минуту оно взяло дѣло аграрной реформы въ свои руки и провело его съ наибольшею выгодою для себя. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на мѣстномъ аграрномъ законодательствѣ конца XVIII и начала XIX ст., носившемъ тотъ же характеръ, что и въ сосѣднихъ латышскихъ провинціяхъ. Какъ отличительныя черты мѣстнаго аграрнаго строя до реформъ 60 г.г. отмѣтимъ—значительное количество мелкихъ (парцеллярныхъ) крестьянскихъ участковъ и черезполосицу—мѣстную особенность, крайне пагубно отражавшуюся на крестьянскомъ хозяйствѣ.

Вѣянія, вызвавшія реформы 60 г.г., заставили встрепенуться и эстляндскихъ дворянъ. Они рѣшили взять это дѣло въ свои руки, чтобы обезвредить его. Благодаря ихъ стараніямъ былъ изданъ законъ 1856 г. объ эстляндскихъ крестьянахъ. Законъ этотъ не отмѣнялъ барщины, но лишь ограничилъ ее слегка. Наряду съ этимъ новый законъ разрѣшалъ крестьянамъ „по соглашенію“ съ помѣщикомъ пріобрѣтать въ соб-

ственность земельные участки, норма которыхъ была установлена въ 3—24 десятины удобной земли (для Лифляндскихъ крестьянъ въ 25—200 дес. общей площади). Дробить участки ниже установленной нормы было воспрещено. Но равнымъ образомъ было воспрещено продавать крестьянамъ участки, превосходящіе установленную норму. Законъ сохранилъ за помѣщикомъ всѣ права по владѣнію всею землей, а крестьянину разрѣшилъ пользоваться землей съ соизволенія помѣщика и на условіяхъ, имъ установленныхъ. Но право пользованія крестьянина-арендатора было сильно ограничено. Согласно ст. 204—207 упомянутаго Положенія помѣщикъ пользовался правомъ отчужденія крестьянскихъ земель для общественныхъ цѣлей—проведенія дорогъ, прорытія канавъ etc. Не были ограждены также права крестьянъ, владѣльцевъ собственныхъ участковъ. При перепродажѣ ими земель, согласно тому же закону, помѣщикъ пользовался преимущественнымъ правомъ при покупкѣ. Кромѣ того, законъ объ отчужденіи крестьянскихъ земель распространялся также на частновладѣльческія крестьянскія земли, а не только на арендные участки. Единственное положительное значеніе упоминаемаго закона для крестьянъ заключалось лишь въ точномъ отграниченіи площади крестьянскихъ арендныхъ земель отъ мызныхъ. Но для практическаго осуществленія этого разграниченія необходимо было произвести генеральное обмежеваніе земель. Это дѣло помѣщики, разумѣется, тоже захватили въ свои руки, и изъ него—ничего не вышло. Крестьянамъ была предоставлена также ограниченная свобода передвиженія, которою могли пользоваться не болѣе 5% населенія каждой данной волости.

Таковы были тѣ „уступки“, которыя эстляндское дворянство нашло возможнымъ сдѣлать мѣстному крестьянству. Не говоря уже о томъ, что фактическое осу-

ществленіе ихъ зависѣло всецѣло отъ доброй воли помѣщика, помѣщики все же не постѣснились выговорить еще себѣ извѣстную награду за нихъ. Награда эта заключалась въ правѣ помѣщиковъ присоединять къ своимъ владѣніямъ 1/6 крестьянской земли въ случаѣ отмѣны барщины. Понятно, помѣщики тутъ же воспользовались своимъ правомъ, а барщина въ арендныхъ отношеніяхъ здѣсь продолжала существовать по-прежнему.

Въ 1859 г. былъ изданъ законъ, представляющій собою попытку урегулировать арендныя условія, постепенно замѣняя барщину денежной арендой. Барщина была ограничена. Въ 1865 г. барщина была отмѣнена для крестьянъ-арендаторовъ, поселенныхъ на крестьянской землѣ. Но взамѣнъ этого была установлена т. н. смѣшанная аренда (3/4—деньгами, 1/4—барщиной). Каждой сторонѣ разрѣшалось отказаться отъ барщины, при условіи оплаты стоимости барщины по контракту. Такимъ образомъ, отмѣна барщины опять оказалась фикціей и свелась лишь къ нѣкоторому ограниченію ея. Но и это ограниченіе было очень незначительно, т. к. распространялось исключительно на крестьянскія земли, составлявшія всего 2/5 площади всей земли. Мызная же земля, остальныя 3/5, дѣйствію этихъ законовъ не подлежала. Словомъ „благами“ новаго закона могла пользоваться небольшая группа арендаторовъ и то всегда лишь съ особаго соизволенія помѣщика, отъ доброй воли котораго всецѣло зависѣло то или другое рѣшеніе даннаго вопроса.

Поставленное въ худшія экономическія и историческія условія, мелкое крестьянское сельское хозяйство въ Эстляндіи развивалось медленнѣе и является болѣе отсталымъ не только по сравненію съ мелкимъ землевладѣніемъ въ Лифляндіи, но даже въ Курляндіи. Мѣстное аграрное законодательство тоже проникнуто болѣе консервативнымъ духомъ и отличается особенно

упорною неуступчивостью къ запросамъ жизни. Этотъ характеръ оно сохранило вплоть до нашихъ дней.

Какъ и въ остальныхъ провинціяхъ края, земля въ Эстляндіи раздѣляется на мызную и крестьянскую. Крестьянская земля составляетъ 39,8% всей земельной площади, помѣщичья—60,2%. Собственниковъ землевладѣльцевъ среди крестьянъ не болѣе 8%, арендаторовъ и субъ-арендаторовъ 4,8%, безземельныхъ не менѣе 45%. Дворянскихъ имѣній 502 съ площадью земли въ 857.425,22 дес. Въ среднемъ на каждое имѣніе приходится 1708 дес. Крестьянскихъ усадебныхъ участковъ около 25 тыс. (считая маломѣрные, парцеллярные etc.). Они раздѣляются на арендные и усадьбовладѣльческіе, собственническіе.

На крестьянской землѣ имѣются 10.821 арендн. уч. въ 307.670 дес., сданныхъ въ аренду въ среднемъ по 2 р. 71 к. за десятину, всего за 835.239 р., изъ которыхъ часть возмѣщается натуральными повинностями (по расцѣнкѣ на 40 тыс. рублей). На мызной землѣ сдано въ аренду 3297 уч. въ 71434 дес. по 2 р. 65 коп. за 1 дес. въ среднемъ, всего за 189.442 руб., изъ нихъ натуральными повинностями возм. 17 тыс. руб. Общее число арендныхъ участковъ 14.118, и большая часть арендной платы за нихъ въ настоящее время вносится деньгами. Но наряду съ этимъ необходимо отмѣтить, какъ мѣстную особенность, существованіе въ краѣ и въ наши дни (приводимыя свѣдѣнія относятся къ 1909 г.) *исключительно* отработочной или барщинной аренды. На такихъ условіяхъ сдаются небольшіе парцеллярные участки. На крестьянской землѣ такихъ участковъ 1490 въ 15.243 дес., занимающихъ въ среднемъ каждый отъ 1—50 десятинъ (до 1 дес.—226, 1—2 дес.=270 уч., 2—3=118, 3—4=192, 4—5=108, 5—10=381, 10—15=114 и т.д.). На мызной землѣ такихъ участковъ 4372 въ 63.086 дес.

Всѣхъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствен-

ныхъ участковъ насчитывается: на мызной землѣ 8584 въ 1.023.339 дес., на крестьянской 13.134 въ 342.474 дес. Распредѣляются эти участки слѣд. образомъ:

На мызной землѣ				На крестьянской землѣ			
Предѣльная величина уч.	Количество участковъ.	Общая пл. зан. земли.	Въ средн. на кажд. уч.	Предѣльная величина уч.	Количество участковъ.	Общая пл. зан. земли.	Средняя пл. кажд. участ.
до 1 дес.	1416	481	0,34 дес.	до 1 дес.	643	306 д.	0,48 д.
1—15	5099	33035	6,48	1—15	6261	42732	6,83
15—60	2756	80502,88	29,21	15—60	15147	528537	34
60—250	328	33308,56	101	60—250	1527	115121	75
бол. 250	532	878345	1651				

В м ѣ с т ѣ:

Предѣльная величина уч.	Количество участковъ.	Общая пл. зан. земли.	Средняя пл. кажд. уч.
до 1 дес.	2059 уч.	788 дес.	0,42 д.
1—15	11360	75767	7,29
15—60	17903	609039	37,16
60—250	1855	148430	87,42

Въ приведенныхъ нами свѣдѣніяхъ обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, данныя о 1257 крупныхъ владѣніяхъ (въ 60—250 дес.), находящихся на крестьянской землѣ. Владѣнія эти превышаютъ обычную среднюю норму крестьянскаго землевладѣнія. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ присвоеніемъ кресть-

янской земли помѣщиками въ той или иной обходно-законной формѣ. Весьма значительно также количество парцеллярныхъ участковъ, къ каковымъ могутъ быть причислены и участки до 15 дес., при мѣстныхъ условіяхъ явно недостаточные для веденія на нихъ самостоятельнаго хозяйства, способнаго прокормить владѣльца съ семьей. Владѣльцы и арендаторы парцеллярныхъ участковъ—какъ и въ Курляндіи—это пригородные крестьяне, ремесленники, огородники, поденные рабочіе. Большинство изъ нихъ, конечно, арендуютъ свои участки.

Изъ крестьянской земли продано 370012 дес. за 24314395 руб., въ среднемъ по 65 руб. за десятину. Изъ выкупной суммы выплачено уже 5620079 руб. Мызной земли продано 24484 дес. за 1979626 руб., по 80 руб. за 1 дес. въ среднемъ. Условія выкупа почти такія же, какъ въ остальныхъ губерніяхъ края.

Такъ складывались мѣстныя аграрныя отношенія въ процессѣ своего историческаго развитія, постепенно, но послѣдовательно освобождаясь отъ старыхъ феодальныхъ путъ, несмотря на противодѣйствіе носителей феодальныхъ традицій—мѣстныхъ помѣщиковъ. Въ борьбѣ съ нарождающеюся латышской и эстонской крестьянской буржуазіей вся сила и преимущества были на сторонѣ бароновъ, и они пользовались всѣми средствами, чтобы воспрепятствовать росту мелкаго землевладѣнія, въ которомъ они чуяли источникъ своей гибели. Они захватили въ свои руки мѣстное самоуправленіе, церковь, обезличили народную школу, закрыли крестьянамъ доступъ къ кредиту, создали фактическую неприкосновенность дворянскихъ земель и т. д. Но законы жизни оказались сильнѣе этой реакціонной и консервативной силы. Пер-

вый открытый вызовъ латышская и эстонская буржуазія бросила балтійскому дворянству въ 1905 г. Но связанныя съ этимъ народнымъ движеніемъ надежды не сбылись. Провозглашенныя было мѣстныя реформы застряли на полъ-пути, а потомъ о нихъ словно забыли.

Нагрянувшая война открываетъ новыя перспективы, новыя возможности. При извѣстныхъ обстоятельствахъ вопросъ о ликвидаціи нѣмецкаго крупнаго землевладѣнія въ Балтійскомъ краѣ можетъ быть опредѣленно и рѣзко поставленъ на очередь. Это можетъ открыть мѣстному крестьянству новые пути къ увеличенію и усиленію своихъ земельныхъ запасовъ.

Но помимо этого, грядущее несетъ съ собою безусловно уничтоженіе всѣхъ пережитковъ феодализма, стѣснявшихъ въ краѣ свободное и нормальное развитіе аграрныхъ отношеній. Въ этомъ результатѣ переживаемыхъ нами событій можно не сомнѣваться. Этотъ путь диктуется помимо чисто политическихъ соображеній еще и простою экономическою необходимостью—содѣйствовать всѣми средствами свободному развитію производительныхъ и творческихъ силъ страны, чтобы залѣчить кровавыя раны.

Во всякомъ случаѣ передъ латышскимъ и эстонскимъ крестьянствомъ открываются самыя широкія перспективы, сулящія расцвѣтъ его экономическихъ силъ. А это несетъ съ собою и оживленіе общественной жизни во всѣхъ слояхъ населенія.

Дворянское землевладѣніе въ Балтійскомъ краѣ переживаетъ глубокій кризисъ. И этотъ моментъ можетъ быть использованъ его историческимъ врагомъ—крестьянскимъ землевладѣніемъ. И принимая еще во вниманіе царящій въ краѣ національный антагонизмъ, побѣда послѣдняго не такъ уже невозможна, особенно если мы учтемъ современное положеніе нѣмецкаго землевланія въ Россіи. Это будетъ побѣда конкурента, побѣда

прогрессивнаго, культурнаго крестьянскаго средняго хозяйства. Она, конечно, не можетъ нанести смертельнаго удара крупному землевладѣнію. Послѣднее будетъ продолжать свое существованіе, какъ усовершенствованный типъ чисто капиталистическаго современнаго крупнаго хозяйства. Только весь вопросъ въ томъ, въ чьихъ рукахъ оно будетъ находиться? Конкурентовъ здѣсь не мало, и борьба между ними будетъ—если ей суждено быть—ожесточенная.

К. Ландеръ.

Эсты.

(Культурно-историческій очеркъ).

Эсты—народъ угро-финской группы. Въ настоящее время они занимаютъ въ качествѣ коренного и преобладающаго населенія всю Эстляндію, четыре сѣверныхъ уѣзда Лифляндіи и нѣкоторыя пограничныя мѣстности Петроградской и Псковской губерніи. По даннымъ послѣдней ревизіи, общая численность ихъ нѣсколько превышаетъ одинъ милліонъ [1]). Въ этой мѣстности эсты живутъ уже свыше 1000 лѣтъ, такъ какъ выселеніе ихъ съ общей угро-финской родины и переселеніе къ берегамъ Балтійскаго моря совершились въ періодъ времени отъ 5—8 столѣтія послѣ Р. Хр.

Переселеніе эстовъ происходило не вдругъ, большими массами, а постепенно: группа за группой, родъ за родомъ, подвигались они, въ буквальномъ смыслѣ отвоевывая у суровой природы среди дѣвственныхъ лѣсовъ и безчисленныхъ болотъ каждый клочекъ годной для посѣва земли. Такъ двигались они, пока не дошли до моря, причемъ часть ихъ поселилась на близлежащихъ островахъ Балтійскаго моря—Эзелѣ, Даго, Монѣ и другихъ.

Утвердившись въ сѣверной половинѣ Прибалтійскаго

---

[1]) Сюда не причислены петроградскіе эсты и эсты, живущіе въ земледѣльческихъ колоніяхъ во внутреннихъ губерніяхъ, въ Крыму, на Кавказѣ, въ Сибири, численность которыхъ далеко превышаетъ 200.000.

края, эсты вскорѣ обнаружили уже извѣстную культурность: они занимались земледѣліемъ, тогда какъ жившее здѣсь до нихъ населеніе каменнаго и бронзоваго вѣка совсѣмъ не знало земледѣлія. Орудія обработки и самая обработка земли были весьма примитивны: лѣсъ выжигался, почва между пнями и кореньями разрыхлялась мотыкообразною сохою и деревянной бороною и засѣвалась ячменемъ и рѣпой, къ которымъ потомъ прибавились рожь, пшеница, овесъ, ленъ. Жатва срѣзывалась косами и серпами, высушивалась въ избѣ, вымолачивалась на гумнѣ цѣпами и размалывалась въ муку на ручныхъ мельницахъ.

Наряду съ земледѣліемъ эсты занимались еще скотоводствомъ, рыбной ловлей и пчеловодствомъ. Мужчина самъ выстраивалъ себѣ избу, изготовлялъ необходимую мебель, земледѣльческія орудія и др., а женщины ткали изъ льна и пеньки грубую ткань и изъ шерсти валяли особую матерію „вайна“. Особенно эсты славились, какъ искусные кузнецы. Раскопки, давшія большое количество металлическихъ издѣлій—ожерелій, колецъ, пряжекъ и т. д., дѣйствительно говорятъ о большомъ искусствѣ эстовъ въ этой области.

Значительнаго развитія достигла у эстовъ торговля. Еще теперь открываютъ клады съ иностранными монетами, даже арабскими и византійскими. Вывозились кожи, мѣха, сало, медъ, воскъ, ленъ, а привозились металлы, соль и ватмалъ. Торговля сначала совершалась преимущественно путемъ непосредственнаго обмѣна, а потомъ средствомъ для обмѣна стали служить или мѣховыя деньги „нагатены“, или иностранная монета, такъ какъ своей монеты эсты не чеканили.

Въ семьѣ старѣйшій—отецъ былъ полновластнымъ господиномъ, которому другіе члены семьи обоего пола должны были безпрекословно повиноваться. Надъ взрослыми сыновьями отцовская власть прекращалась съ

ихъ женитьбой и выдѣленіемъ изъ общей семьи. Браки, первоначально заключавшіеся черезъ умыканіе и покупку невѣстъ, потомъ замѣнились браками по взаимному согласію сторонъ. Вмѣсто покупки женихъ обычно дѣлалъ подарки самой невѣстѣ, а съ другой стороны и родители старались давать невѣстѣ кое-какое приданое. Изъ этихъ даровъ возникали собственное имущество и имущественное право женщины. Брачныя отношенія, въ общемъ, отличались чрезвычайной чистотой. Нарушеніе супружеской вѣрности наказывалось сожженіемъ провинившихся. По свидѣтельству хрониста Кельха, еще въ его время (17 ст.) прелюбодѣяніе носило названіе „огненнаго дѣянія“, т. е. проступка, наказываемаго сожженіемъ.

Религія древнихъ эстовъ пока мало выяснена. Повидимому, она носила обычный характеръ первобытныхъ религій: это было обожествленіе силъ природы въ связи съ антропоморфизмомъ. Высшимъ божествомъ былъ богъ грома и молніи „Уку“ или „Таара“, иначе еще „Ванаи́за“ или „Ванатáатъ“ (дѣдушка). Уку подчинены были: „Акти“ или „матерь водъ“, „Табованe“ — господинъ лѣсовъ, и мрачный „Тоони“, царствовавшій надъ душами умершихъ въ *манала* или *тонела*. Любовь къ пѣнію и музыкѣ олицетворялась въ богѣ „Ванемуйне“, мудромъ старцѣ съ вѣчно юной душой, а покровителемъ любимаго ремесла эстовъ—кузнечнаго являлся „Ильмарине“. Въ общемъ, въ каждомъ деревѣ, ручьѣ, скалѣ жилъ свой духъ; весь міръ былъ переполненъ лѣшими, водяными, русалками и пр. (haldiad).

Боги всѣ вели строго нравственную семейную жизнь, каждый со своимъ семействомъ. Люди приносили имъ въ жертву лучшіе продукты хозяйства, и въ каждомъ дворѣ для этого былъ свой домашній алтарь „камень Уку“. Кромѣ того совершались общія жертвоприношенія въ особыхъ рощахъ, посвященныхъ богамъ. Класса жрецовъ у эстовъ не существовало, но были въ боль-

шомъ почетѣ мудрецы—кудесники, о которыхъ думали, что они могутъ входить въ болѣе близкое общеніе съ божествомъ. Между прочимъ, эстская миѳологія знаетъ и героевъ — это „Калевы", люди, надѣленные чрезвычайными тѣлесными силами [1]).

Что же касается общественнаго строя и военной организаціи эстовъ періода независимости, то имъ не удалось объединиться въ одно политическое цѣлое. Всѣ эсты были одинаково свободны и равны между собою, такъ какъ семьи старѣйшинъ были малочисленны и не успѣли еще выдѣлиться въ особый слой или классъ. Основой политической группировки эстовъ являлись сельскія общины (külad), слагавшіяся изъ отдѣльныхъ хозяйствъ и семействъ. Нѣсколько такихъ общинъ составляли болѣе крупную единицу—кихелькондъ, килегунда, во главѣ которой стоялъ обычно старѣйшина (vanem). Эти старѣйшины были предводителями на войнѣ и распорядителями и судьями въ мирное время. Между собою килегунды объединялись лишь въ случаѣ войны или нападенія непріятеля, причемъ отважнѣйшій изъ старѣйшинъ отдѣльныхъ килегундъ становился предводителемъ войскъ всего округа или даже нѣсколькихъ округовъ. Дальше этого объединенія въ килегунды и округи политическое единство эстовъ не пошло. Даже такіе союзы были нетверды: часто воевали отдѣльные килегунды и заключали миръ на свой рискъ, а нерѣдко случались и междоусобія между самими эстами. Для рѣшенія вопросовъ о войнѣ и пр., въ особыхъ мѣстахъ (maja) происходили народныя собранія, на которыхъ участвовали всѣ взрослые и способные носить оружіе свободные эсты, шумно выражавшіе потрясаніемъ копій свое одобреніе понравивше-

---

[1]) Изъ остатковъ сказаній объ этихъ герояхъ—Др-омъ Крейцвальдомъ въ половинѣ 19 вѣка создана была эстонская національная эпопея „Калевипоэгъ" (Kalevipoeg).

муся предложенію. Для защиты отъ всегда возможнаго вторженія врага устраивались засѣки, по дорогамъ разставлялась стража и устраивались особыя укрѣпленія—„города“ (maalinn, у нѣмцевъ „Bauernburg“). Это были небольшія крѣпости, выстроенныя на естественныхъ и искусственныхъ возвышеніяхъ и окруженныя двойнымъ или тройнымъ земляннымъ валомъ, мѣстами даже каменными стѣнами. Развалины этихъ „городовъ“ сохранились во множествѣ до нашихъ дней. Позднѣе на нихъ нѣмцы выстроили свои замки.

Такъ жили эсты у Балтійскаго моря вѣковъ 6 или 7, т. е. до начала XIII столѣтія. Къ концу этого періода эсты имѣли сравнительно для своего времени развитое земледѣліе и скотоводство, жили въ обширныхъ, красивыхъ деревняхъ, какъ видно изъ хроники Генриха Латышскаго.

Несчастіе эстовъ заключалось въ отсутствіи политическаго объединенія, въ неразвитости формы управленія и въ сравнительномъ несовершенствѣ оружія и военныхъ средствъ. Между тѣмъ, географическое положеніе ихъ между сильными сосѣдями, на главныхъ торговыхъ путяхъ съ запада на востокъ было такимъ, что даже при всестороннемъ государственномъ и военномъ развитіи, имъ едва ли удалось бы отстоять свою политическую независимость. За все время своего пребыванія у Балтійскаго моря эстамъ приходилось вести упорную борьбу съ сосѣдями—съ литовцами, русскими, датчанами и шведами. Въ общемъ, эсты успѣшно ихъ отражали, а иногда и сами предпринимали походы въ ихъ страны. Ярославу Мудрому удалось въ 1030 г. обложить данью угаунскихъ эстовъ и даже выстроить въ ихъ странѣ городъ Юрьевъ. Но послѣ смерти Ярослава угаунцы тотчасъ разрушили Юрьевъ и перестали платить дань русскимъ, а въ 1061 году сами они совершили опустошительный набѣгъ въ Псковскую область. Изъ позднѣйшей исторіи извѣстно, что въ 1187 г.

соединенныя силы эстовъ взяли и разрушили столицу шведовъ *Сигтуну*.

Въ началѣ 13 столѣтія эта свободная жизнь эстовъ кончилась. Съ запада появился врагъ, превосходившій эстовъ не только численностью, но и военнымъ искусствомъ и организаціей. Воинствующій германизмъ, уничтоживший и германизовавшій племена балтійскихъ славянъ, дошелъ и до Прибалтійскаго края. Начинается ожесточенная борьба. Въ 1201 г. третій епископъ Ливоніи Альбертъ основываетъ на Двинѣ городъ *Ригу*, главный базисъ для распространенія нѣмецкаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ слѣдующемъ году онъ же учреждаетъ *орденъ меченосцевъ* (fratres militiae Christi), чтобы имѣть постоянный оплотъ для борьбы съ прибалтійскими язычниками—латышами, ливами, близкими родственниками эстовъ и съ самими эстами. Къ 1208 г. Альбертъ закончилъ покореніе ливовъ и латышей — первые подчинились нѣмцамъ и приняли крещеніе только послѣ упорной борьбы, а вторые подчинились имъ добровольно, такъ какъ раньше много потерпѣли отъ воинственныхъ ливовъ и эстовъ. Въ томъ же 1208 году начинается крайне кровопролитная война съ эстами, продолжавшаяся до 1227 года. Эсты защищались съ упорствомъ отчаянія, понимая, что они борются за свое существованіе. Это поистинѣ героическій періодъ эстскаго народа: эстамъ приходилось бороться не только съ нѣмцами и ихъ новыми союзниками ливами и латышами, но еще и съ датчанами и шведами, которыхъ въ 1219 году нѣмцы пригласили на помощь, не находя возможнымъ своими силами одолѣть эстовъ. Даже русскіе, и тѣ въ первую половину войны были противъ эстовъ, пока не уразумѣли, какая опасность грозитъ имъ самимъ со стороны нѣмцевъ. Съ 1216 г. они сдѣлались союзниками эстовъ, но поддерживали ихъ не въ достаточной мѣрѣ, будучи заняты своими дѣлами. Война сопровождалась страшными опустоше-

ніями и жестокостями. Лѣтописецъ этой эпохи, хронистъ Генрихъ Латышскій, видящій въ дѣятельности нѣмцевъ лишь дѣйствіе промысла Божія, описываетъ цѣлый рядъ страшныхъ жестокостей со стороны нѣмцевъ и ихъ союзниковъ. Такъ, въ Гарріенѣ было задушено дымомъ въ пещерахъ до 1000 эстовъ обоего пола, скрывшихся въ нихъ. Ревность миссіонеровъ доходила до того, что одни священники не признавали крещенія, совершеннаго другими; датчане вѣшали окрещенныхъ нѣмецкими священниками, а нѣмцы — окрещенныхъ датчанами. Такъ, однажды датчане повѣсили Вирландскаго старѣйшину эстовъ Табелина только за то, что онъ принялъ крещеніе отъ нѣмцевъ. Отчасти эти жестокости, которыхъ много въ хроникѣ, объясняются самимъ составомъ членовъ ордена меченосцевъ и ополченій крестоносцевъ, свѣжія силы для которыхъ за все время войны не переставали прибывать изъ Германіи. Промотавшіеся рыцари, просто искатели приключеній, а то даже вовсе преступники, отвергнутые на родинѣ изъ общества и какъ-то избѣжавшіе висѣлицы—все это пестрое общество составляло войска епископа Альберта и получало отъ папы отпущеніе грѣховъ и благословеніе за войну съ язычниками. Изъ этихъ-то элементовъ и выросло наше такъ теперь гордое феодальное дворянство—прибалтійскіе бароны, господа эстовъ и латышей. Понятно, что эсты всей душой ненавидѣли этихъ пришельцевъ и навязываемое ими кровавое крещеніе. Отдѣльные округа по нѣскольку разъ подчинялись и крестились, а при первой возможности опять возставали и смывали съ себя ненавистное крещеніе. Однако, передъ рыцарскимъ вооруженіемъ и желѣзной одеждой нѣмцевъ, передъ ихъ осадными и стѣнобитными машинами эсты со своимъ первобытнымъ оружіемъ и земляными укрѣпленіями все-таки были, по словамъ хронистовъ, почти безоружными. Правда, скоро по образцу отнятыхъ у нѣмцевъ военныхъ машинъ

эсты тоже смастерили себѣ что-то подобное, но все же для борьбы съ нѣмцами этихъ машинъ было мало, и всѣ онѣ являлись недостаточно совершенными. Въ результатѣ перевѣсъ силъ рѣшилъ борьбу, несмотря на героическую храбрость эстовъ. Одно за другимъ пали ихъ сильнѣйшія укрѣпленія: въ 1223 г. *Феллинъ*, а въ 1224 г. *Юрьевъ*. Небольшіе вспомогательные отряды изъ русскихъ, бывшіе въ этихъ городахъ поголовно были перебиты нѣмцами. Материковые эсты были побѣждены, и должны были подчиниться, а черезъ три года, въ 1227 г. покорены были и эзельцы, послѣ отчаянной борьбы съ 20.000-нымъ отрядомъ нѣмцевъ. Послѣ долгихъ споровъ и даже междоусобій, побѣдители подѣлили между собою землю эстовъ: нѣмцы (епископъ и орденъ) получили южную часть, а датчане сѣверную (нын. Эстл. губ.). Впрочемъ, и въ датской части громадное большинство ленниковъ короля были нѣмцами.

Наступило тяжелое, безотрадное время для эстскаго народа. Эсты навсегда теряютъ свою политическую независимость и даже перестаютъ существовать, какъ народъ, такъ какъ всѣ были превращены въ низшее сословіе—въ рабовъ пришельцевъ-завоевателей. Земля, бывшая полной собственностью свободнаго народа, теперь переходитъ къ новому собственнику—завоевателю, который беретъ ее частью въ непосредственное пользованіе, а частью оставляетъ въ пользованіи у эстовъ, но обкладываетъ ихъ всевозможными повинностями и работами въ свою пользу. Тутъ было все: барщина, плата натурою—земледѣльческими и скотоводственными продуктами, подводная и воинская повинности. Церковь брала въ свою пользу десятину. Особенно же тяжелою являлась для эстовъ повинность выстраивать своимъ господамъ колоссальные каменные замки-укрѣпленія, жилища, а также постройка церквей. Повинности не регулировались ничѣмъ, кромѣ личнаго усмотрѣнія господъ. Уже въ 1238 г. папскій легатъ Вильгельмъ

Моденскій, устраивавшій церковныя дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ, докладываетъ папѣ, что свѣтскіе и духовные господа въ Прибалтійскомъ краѣ превращаютъ новокрещенныхъ въ рабовъ и отнимаютъ у нихъ ихъ имущество. Императоръ Фридрихъ II, какъ извѣстно, даже строго запрещалъ обращать новокрещенныхъ здѣсь въ рабовъ, такъ какъ это отчуждаетъ ихъ отъ христіанства. Но императоръ и папа были слишкомъ далеко для того, чтобы ихъ протесты могли бы имѣть какое-нибудь реальное значеніе. Отъ отчаянія эсты нерѣдко возставали, но возстанія подавлялись потоками крови, а положеніе ихъ послѣ этого дѣлалось еще хуже. Особенно тяжелой была участь сѣверныхъ эстовъ. Здѣсь обработанныя земли просто отнимались у эстовъ и обращались въ господскія мызы (имѣнія), а сами крестьяне выселялись на необработанныя пустыри. По словамъ Виганда фонъ-*Марбурга*, своеволіе нѣмецкихъ рыцарей и феодаловъ простиралось до того, „что они насиловали женъ и дочерей эстовъ, отнимали у нихъ имущество и обращались съ ними, какъ съ рабами“.

Къ половинѣ 14-го столѣтія положеніе эстовъ стало настолько невыносимымъ, что они рѣшили еще разъ искать спасенія въ большомъ общемъ возстаніи. Еще разъ вспыхнула яркимъ пламенемъ любовь эстовъ къ свободѣ и независимости, какъ-то сохранившаяся въ тайникахъ народной души; еще разъ стали встрѣчаться они по-старому въ „majad“, въ дремучихъ лѣсахъ, среди непроходимыхъ болотъ, куда не проникалъ глазъ завоевателя. Возстаніе подготавливалось съ такой тайной, что до самаго дня возстанія ни одинъ нѣмецъ ничего не зналъ о немъ. Для обезпеченія себѣ успѣха эсты заручились обѣщаніями помощи со стороны шведовъ и русскихъ. Въ ночь на Юрьевъ день 1343 года большой костеръ, зажженный на одной изъ возвышенностей Гарріена (въ Эстляндіи) былъ знакомъ къ возстанію, и

въ ту же ночь по всей этой области перебиты были всѣ нѣмцы и датчане, а замки ихъ разрушены и сожжены. Движеніе перекинулось въ сосѣднія области Вирландію и Викъ, гдѣ съ нѣмцами произошло то же, что и въ Гарріенѣ. Осенью того же года возстаніе вспыхнуло и на Эзелѣ, и эзельцы еще разъ совершенно очистили свой островъ отъ нѣмцевъ. Однако, скоро въ рѣшительномъ сраженіи повстанцы были разбиты орденскими силами и приглашенными на помощь датскими вассалами, разбиты были раньше, чѣмъ поспѣли сюда уже выступившія имъ на помощь шведскія и русскія союзныя силы. Надъ возставшими нѣмцы устроили страшную рѣзню, а датское правительство, сознавая себя безсильнымъ управлять страною, уступило свои эстонскія владѣнія тевтонскому ордену [1]) за 19.000 кельнскихъ марокъ. Всѣ эсты, такимъ образомъ, теперь были объединены подъ властью нѣмцевъ.

Возстаніе 1343 г. было послѣднимъ хорошо подготовленнымъ и организованнымъ возстаніемъ эстовъ, имѣвшимъ широкій національный характеръ, хотя оно все-же не захватило всего эстскаго народа. Бывали и въ послѣдующее время еще частые бунты, но они уже являлись не организованными возстаніями, а частными, чисто стихійными актами мести со стороны доведенныхъ до отчаянія рабовъ. Положеніе эстовъ послѣ этого великаго возстанія ухудшилось чрезвычайно рѣзко. Участники бунта, сохранившіеся отъ страшной рѣзни (въ Эстляндіи и на Эзелѣ перебито было до 40.000 эстовъ), обращены были въ *дрелловъ*, т. е. въ людей, не имѣющихъ никакихъ правъ, представляющихъ изъ себя вещь своего господина. Всѣ вообще эсты оконча-

---

[1]) Орденъ меченосцевъ, учрежденный Альбертомъ, въ это время уже не существовалъ; остатки его, послѣ жестокаго пораженія въ 1236 г. при Сауле, въ слѣдующемъ 1237 г. соединились съ другимъ нѣмецкимъ орденомъ—*тевтонскимъ*.

тельно порабощаются и закрѣпощаются. Никто изъ нихъ съ этого времени уже не участвуетъ въ рѣшеніи судебъ своего края. Сами господа—нѣмцы ведутъ борьбу съ сосѣдями или тратятъ силы въ безплодныхъ междоусобіяхъ, происходящихъ изъ-за соперничества во власти и вліяніи трехъ главныхъ силъ края—ордена, епископа и города Риги. Для эстовъ все это служило только источникомъ новыхъ бѣдствій и повинностей: они должны были доставлять господамъ средства для войнъ и иныхъ затратъ; изъ нихъ же вербовались въ случаѣ нужды вспомогательные отряды. Въ 1561 году все это зданіе рухнуло, и нѣмецкому господству въ Прибалтійскомъ краѣ наступилъ съ внѣшней стороны конецъ; однако, для края желанный миръ не наступилъ. За обладаніе страною эстовъ и латышей стали бороться между собою поляки, датчане, шведы и русскіе. Въ странѣ нѣсколько разъ мѣняется верховная власть, но положенія эстовъ это не мѣняетъ: при всякомъ правительствѣ они остаются рабами феодаловъ—нѣмцевъ. Лишь съ 1629 года до конца вѣка, въ періодъ господства шведовъ, несчастная страна вздохнула нѣсколько свободнѣе.

Понятно, что вмѣстѣ съ тѣлеснымъ порабощеніемъ эстовъ и духовная жизнь ихъ должна была понизиться. Окропляя водою крещенія язычниковъ-эстовъ, священники не находили нужнымъ наставлять ихъ въ истинахъ христіанской вѣры, да и не могли этого сдѣлать, такъ какъ не знали языка туземцевъ. Только въ качествѣ исключенія отмѣчается дѣятельность легата Вильгельма Моденскаго, наставлявшаго туземцевъ черезъ переводчиковъ въ истинахъ христіанской вѣры. Богослуженіе совершалось на латинскомъ языкѣ и было для туземцевъ совершенно непонятно. Какъ у другихъ народовъ, и у эстовъ развилось двоевѣріе—богатая суевѣріями смѣсь язычества и христіанства. Особенно печально повліяло нѣмецкое господство и принесенное ими хри-

стіанство на нравственную жизнь: высокое ученіе Христа осталось эстамъ неизвѣстнымъ, а личной своей жизнью и новые господа и служители новой вѣры давали паствѣ самый худой примѣръ. Лучшій нѣмецкій хронистъ 16 вѣка, Бальтасаръ Рюссовъ, нарисовавъ яркія картины чудовищнаго разврата и нравственнаго паденія ливонскихъ нѣмцевъ, дальше замѣчаетъ, что „если правители, епископы, каноники и другіе нѣмцы, которые должны были бы лучше знать, что они дѣлаютъ, погрязли въ порокѣ, то и неразумнымъ туземцамъ не стыдно было погрязать въ порокѣ, и вести образъ жизни, хуже котораго не встрѣчалось ни у какого народа въ христіанствѣ". Чистый нравственно, трудолюбивый, прямой, честный эстъ дѣлается теперь развратнымъ и лживымъ. Когда позднѣе, въ XVI вѣкѣ, господа Ливоніи изъ матеріальныхъ разсчетовъ обмѣняли католическую религію на лютеранскую, вмѣстѣ съ господами вѣру перемѣнили и ихъ рабы—туземцы. Однако, духовная жизнь ихъ отъ этого нисколько не улучшилась: лютеранскіе пасторы, по свидѣтельству того же Рюссова (который самъ былъ пасторомъ), въ нравственномъ отношеніи не стояли выше католическихъ священниковъ. Проповѣдывать туземцамъ Евангеліе они и не думали. Первыми, кто стали проповѣдывать народу слово Божіе, да еще на родномъ ихъ языкѣ, были члены ордена іезуитовъ, появившіеся въ Ливоніи во время польскаго владычества и католической реакціи. Они же положили начало эстской письменности переводомъ на эстскій языкъ нѣсколькихъ католическихъ церковныхъ книгъ. Кардиналъ Радзивиллъ, ревизовавшій церковныя дѣла въ Ливоніи при польскомъ королѣ Стефанѣ Баторіи, замѣчалъ съ радостью, какъ іезуиты проповѣдуютъ народу слово Божіе на родномъ языкѣ. Въ цѣляхъ борьбы съ іезуитами просвѣщать народъ принялись и пасторы. Впрочемъ, серьезныя мѣры къ улучшенію и матеріальнаго и духовнаго состоянія эстовъ были приняты лишь шведскимъ

правительствомъ. (Эстляндія попала подъ власть шведовъ съ 1561 г., а вся территорія эстовъ съ 1629 г.).

Особенно много полезнаго сдѣлалъ для эстовъ шведскій король Карлъ XI (1660—1697). Проводя редукцію, отбирая въ казну дворянскія имѣнія, неправильно перешедшія въ частное владѣніе, онъ всячески старался улучшить положеніе рабовъ-крестьянъ. Точно были опредѣлены размѣры крестьянскихъ повинностей и работъ на помѣщика. Все это заносится въ особыя книги—*вакенбухи*. Крестьяне получаютъ полное право на свои заработки и движимое имущество; судебныя права надъ ними помѣщиковъ ограничиваются: крестьяне даже получаютъ право подачи жалобъ на своихъ господъ въ коронные суды. Рядомъ съ этимъ шведское правительство много позаботилось и объ улучшеніи духовнаго состоянія крестьянъ: для нихъ открываются школы, начинается переводъ на эстонскій языкъ и изданіе необходимѣйшихъ церковно-богослужебныхъ и священныхъ книгъ и пр. Къ сожалѣнію, все это было ненадолго. Шведское правительство даже не успѣло достроить стройнаго зданія крестьянской реформы; наступила (съ 1700 г.) Великая сѣверная война, и господа бароны съ удовольствіемъ обмѣняли ненавистное имъ шведское подданство на русское. Русскія власти безъ разговоровъ подтверждаютъ всѣ писанныя и неписанныя права и преимущества нѣмецкаго дворянства, а редуцированныя шведскимъ правительствомъ имѣнія возвращаются имъ обратно. Оцѣночныя правила и вакенбухи шведскаго правительства теряютъ свою силу, и бароны становятся полновластными господами надъ личностью, трудомъ и имуществомъ эстовъ-рабовъ. На нихъ накладывались повинности, какія угодно было наложить господину помѣщику. Если ему приходила въ голову мысль закруглить свою запашку, онъ бралъ у крестьянина его обработанную землю, а самого его выселялъ на негодныя пустоши около болотъ. Если ему нужны были ра-

бочія руки, подводы, пищевые продукты или даже деньги, онъ все это требовалъ и получалъ отъ крестьянъ. Кромѣ помѣщиковъ отъ крестьянъ же брали плату деньгами и натурою лютеранскіе пасторы. Наконецъ, на тѣхъ же крестьянахъ лежали еще и различныя правительственныя и общественныя повинности, казенныя подводы; въ одно время даже солдаты размѣщались по крестьянскимъ усадьбамъ. Судъ уголовный и гражданскій всецѣло былъ въ рукахъ помѣщиковъ. Каждый помѣщикъ имѣлъ право домашней расправы надъ своими крестьянами. За малѣйшій проступокъ, часто даже за кажущуюся неаккуратность въ мызной работѣ, за неосторожное слово, услышанное помѣщикомъ или его управляющими и надсмотрщиками, крестьянинъ приводился въ мызную конюшню и подвергался здѣсь экзекуціи, характеръ которой опредѣлялся только степенью воображенія и жестокости благороднаго господина барона. Въ общемъ, крестьяне были вещью, товаромъ, который мѣняли и продавали, причемъ члены семьи часто продавались раздѣльно. Между прочимъ, жениться крестьянинъ могъ только съ разрѣшенія помѣщика, и пасторъ вѣнчалъ лишь послѣ представленія этого разрѣшенія, а плата помѣщику за его разрѣшеніе выражалась въ формѣ „jus primae noctis“.

Это отчаянное положеніе эстовъ-рабовъ долгое время не обращало на себя вниманія правительства. Нѣкоторое движеніе началось было при Екатеринѣ II-ой, предпринявшей путешествіе по Прибалтійскому краю. Всего отъ нея не удалось скрыть, и въ 1764 г. она черезъ генералъ-губернатора Броуна потребовала отъ дворянъ облегченія положенія ихъ крестьянъ. Однако, дворянство на этотъ разъ отдѣлалось пустыми обѣщаніями. Въ 1783 г. правительство само обложило прибалтійскихъ крестьянъ по примѣру внутреннихъ губерній подушною податью по 70 коп. съ души, причемъ помѣщикамъ вмѣнено было въ обязанность одолживать эту сумму

несостоятельнымъ крестьянамъ. Такъ какъ таковыми были почти всѣ, то умные помѣщики обратили эту обязанность въ очень выгодное для себя право взвалить на крестьянъ-должниковъ еще новыя тяготы. Въ самомъ концѣ 18 вѣка свѣдѣнія объ отчаянномъ положеніи прибалтійскаго крестьянства проникаютъ въ печать и дѣлаются извѣстнымъ даже тогдашнему образованному европейскому міру. Прибалтійскій же нѣмецъ, Галибъ Меркель, восторженный поклонникъ освободительныхъ идей философскаго вѣка, вдругъ приподнялъ завѣсу и показалъ Европѣ, какъ живутъ и блаженствуютъ туземцы Прибалтійскаго края. Въ 1797 г. въ Лейпцигѣ появляется его знаменитое сочиненіе „Латыши преимущественно въ Лифляндіи, въ концѣ философскаго вѣка". Сочиненіе произвело сильное впечатлѣніе. Скоро въ самой Лифляндіи стали раздаваться робкіе голоса въ пользу крестьянъ нѣкоторыхъ пасторовъ (Яннау Гупель). Отдѣльные помѣщики, напуганные крестьянскими волненіями, тоже стали поговаривать о реформахъ. Однако, въ цѣломъ дворянство ничего и знать не хотѣло о какихъ-либо реформахъ, а на всѣ шаги правительства въ этомъ направленіи смотрѣло, какъ на нарушеніе своихъ правъ. Особенно настойчивымъ стало правительство при Александрѣ I (1801—1825). Подъ сильнымъ давленіемъ его въ 1804 г. поступаетъ на утвержденіе Государя новое положеніе о Лифляндскихъ крестьянахъ. По этому положенію крестьяне, вполнѣ оставаясь крѣпостными своихъ помѣщиковъ, пріобрѣтаютъ нѣкоторыя права; между прочимъ за хозяевами признается право на наслѣдственное пользованіе ихъ участками земли и возстанавливаются шведскія оцѣночныя правила и вакенбухи. Положеніе 1804 года съ дополненіями 1809 г., равно какъ и положеніе объ эстляндскихъ крестьянахъ 1804 г., въ сущности, вполнѣ оставляли крестьянъ во власти помѣщика, однако, послѣдніе уже въ томъ одномъ увидѣли умаленіе своихъ правъ, что они не

могли въ любой моментъ выгнать крестьянина и отнять у него обработанной имъ земли. Будучи сильно стѣснены высшей властью, помѣщики, наконецъ, пришли къ счастливой мысли—дать *личную свободу* крестьянамъ и тѣмъ уже законно лишить ихъ вообще права на пользованіе ихъ землею. 23 мая 1816 г. и 25 марта 1819 г. были утверждены императоромъ Александромъ I представленныя ему отъ дворянъ положенія о *личномъ* освобожденіи эстляндскихъ и лифляндскихъ крестьянъ. Помѣщики совершили крайне выгодную сдѣлку: они дали крестьянамъ личную свободу, но получили за это въ полную и неограниченную собственность ихъ землю. Крестьяне попали изъ огня въ полымя: раньше, хотя и за тяжелую барщину и повинности, они все же имѣли право на пользованіе клочкомъ земли, теперь же они оказались вдругъ свободными, но безземельными бродягами. Въ сущности, сама эта „личная“ свобода осталась для большинства простымъ словомъ: управленіе страною, судъ, вотчинная или „мызная полиція“—все это было въ рукахъ помѣщика, а въ силу этого онъ могъ сдѣлать съ „лично“ свободнымъ крестьяниномъ, что ему было угодно. Единственное право—право передвиженія, возникавшее изъ этихъ положеній, сильно ограничивалось и жизнью и разными правами помѣщика. Чтобы не умереть съ голода, крестьянинъ поневолѣ бралъ землю у того же помѣщика, а послѣдній назначалъ за нее какую хотѣлъ аренду и барщину. Въ результатѣ все осталось по старому: мызныя поля по-прежнему обрабатывались безплатно, кладовыя его заполнялись крестьянскимъ добромъ, и надъ „лично свободными“ эстами свободно вился кнутъ баронскаго надсмотрщика.

Въ 40-ыхъ годахъ XIX вѣка установившійся порядокъ былъ расшатанъ. Вдругъ пошли неурожайные годы. Въ 1841 въ странѣ наступилъ настоящій голодъ. Несчастные крестьяне стали посылать ходоковъ въ Ригу искать помощи у властей. Ходоки подвергались жестокому

наказанію и возвращались домой. Случайно нѣкоторые ходоки встрѣтились съ Иринархомъ, епископомъ Рижскимъ, и были имъ весьма тепло приняты. Для бѣдныхъ крестьянъ это человѣческое отношеніе къ нимъ со стороны иновѣрнаго духовнаго лица было очень непривычно, такъ какъ свои пасторы, „церковные господа“, какъ ихъ называли, ничѣмъ не отличались отъ помѣщиковъ. Эсты и латыши въ большомъ числѣ стали переходить въ православіе, надѣясь, что принятіе государевой вѣры облегчитъ ихъ положеніе. Не могли удержать ихъ отъ перемѣны вѣры ни угрозы помѣщиковъ, ни проклятія пасторовъ. Движеніе въ православіе поддерживала надежда на улучшеніе своего матеріальнаго положенія. Надежда эта мало осуществилась, однако кое-гдѣ счастливцы все-таки получили маленькіе участки земли: имъ были розданы казенныя имѣнія въ наслѣдственное пользованіе за небольшую аренду. Все это волновало народъ. Среди народа распространялись различные, Богъ вѣсть откуда появившіеся, слухи. Говорили, что гдѣ-то далеко въ Россіи, въ „тепломъ краю“, каждый можетъ получить землю, и что мучителей-нѣмцевъ тамъ нѣтъ. Мѣстами крестьяне обращались къ помѣщикамъ и требовали облегченія аренды и барщины. Въ отвѣтъ на требованія крестьянъ помѣщики приглашаютъ солдатъ и казаковъ, и недовольные своимъ положеніемъ крестьяне, желающіе переселиться въ „теплый край“ или принять „русскую вѣру“, подвергаются жестокой экзекуціи.

Всѣ эти событія яснѣе всего доказывали несостоятельность „личнаго освобожденія“. И ландтаги принуждены были, опять-таки подъ сильнымъ давленіемъ правительства, приняться за пересмотръ крестьянскихъ положеній 1816 и 1819 года. Послѣ долгихъ совѣщаній затяжекъ и споровъ рѣшили, наконецъ, что, хотя вся земля представляетъ полную собственность помѣщиковъ, изъ нея, однако, выдѣляется извѣстная часть въ неотъем-

лемое пользованіе крестьянъ. За эту землю крестьяне или платятъ аренду помѣщику или же могутъ съ согласія помѣщика выкупить ее даже въ полную собственность. Однако, изъ этой крестьянской земли помѣщиками была выдѣлена для своего пользованія извѣстная часть—квота, въ эстляндіи 1/6 часть крестьянской земли—это такъ называемая „квотная“ и „шестидольная“ земля. Въ силу этого многія крестьянскія усадьбы были уничтожены и присоединены къ мызному полю въ качествѣ квотной или шестидольной земли. Это новое положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ было окончательно утверждено Императоромъ Александромъ II въ 1860 году, а положеніе объ эстляндскихъ крестьянахъ въ 1856 году. Въ 1860-омъ же году положено было начало и крестьянскому общественному самоуправленію.

Всѣ эти крестьянскія положенія, вмѣстѣ съ дальнѣйшими дополненіями, хотя и крайне несовершенныя, все же значительно улучшили положеніе крестьянъ сравнительно съ прежнимъ, дали имъ минимумъ правъ, необходимыхъ для жизни и развитія. Правда помѣщики сохранили всѣ свои чисто феодально-вотчинныя права и преимущества: имъ принадлежала вся земля, въ ихъ рукахъ остались управленіе страною, судъ и полиція, а также церковь и школа. Но несмотря на это, крестьянская земля по положенію 50-ыхъ и 60-ыхъ годовъ, все же представляла изъ себя нѣчто такое, что нельзя въ любой моментъ изъять изъ пользованія крестьянина, хотя помѣщикъ и могъ назначить за нее произвольную аренду или выкупную цѣну.

Эта крестьянская земля и составила ту единственную базу, опираясь на которую эстскіе крестьяне, безъ всякой сторонней помощи, исключительно благодаря своему труду, упорству и энергіи, вышли изъ состоянія рабства и за полстолѣтіе оказали поразительные успѣхи въ культурной работѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сопоставимъ первую половину XIX столѣтія и современность въ жизни

эстовъ—глазамъ не вѣрится, какая произошла здѣсь перемѣна. Тогда передъ нами несчастный, приниженный рабъ, лишенный благъ матеріальныхъ и духовныхъ, нынѣ—молодая, крѣпкая нація, смѣло и твердо подвигающаяся по пути самоопредѣленія, несмотря на всѣ препятствія.

Въ Лифляндіи въ настоящее время эстами уже выкуплена большая часть площади крестьянской земли, въ Эстляндіи же, гдѣ земля и природныя условія хуже, пріобрѣтеніе крестьянами земли въ собственность подвигается медленнѣе; недавно еще эстляндскіе помѣщики получали съ крестьянской земли свыше 1 милліона аренды въ годъ. Арендныя условія, произвольно увеличиваемыя помѣщиками изъ года въ годъ, чрезвычайно тяжелы; на шестидольныхъ земляхъ и теперь еще крестьяне вмѣстѣ съ денежной арендой справляютъ барщину. Поэтому эстляндскіе эсты, въ общемъ, бѣднѣе эстовъ лифляндскихъ. Тяжело приходится также крестьянамъ-собственникамъ обѣихъ губерній, купившимъ свои усадьбы въ сравнительно позднее время: ихъ угнетаетъ долговое бремя.—Такъ какъ площадь крестьянской земли гораздо меньше земли мызной, то земли далеко не хватаетъ на всѣхъ, а поэтому очень много среди эстовъ безземельныхъ: они или служатъ земледѣльческими рабочими на мызахъ, составляя самый бѣдный и отсталый классъ среди эстовъ, или нанимаются въ батраки (несемейные) къ хозяевамъ, или основываютъ свои бобыльскія хозяйства, арендуя у хозяевъ небольшіе участки земли и существуя поденною работою. Часть ихъ живетъ въ мѣстечкахъ и городахъ, занимаясь ремеслами или нанимаясь въ рабочіе на фабрики въ Ревель, Перновъ, Нарву, Ригу и др. города. Островные и прибрежные эсты занимаются рыболовствомъ и мореплаваніемъ.

Эсты сейчасъ живутъ хуторнымъ хозяйствомъ, отдѣльными дворами. Домъ съ надворными постройками обык-

новенно стараются выстроить въ центрѣ своего земельнаго участка. Чаще всего—это обширная бревенчатая изба на каменномъ фундаментѣ, крытая гонтомъ, рѣже соломой; одна половина—чистая состоитъ изъ двухъ-трехъ комнатъ, а другая черная—это большое помѣщеніе съ печью, очагомъ и плитою, служащее и кухней, и ригой—мѣстомъ для сушки зерна, и мѣстомъ для различныхъ хозяйственныхъ работъ. Прежде къ нему примыкало просторное гумно, а теперь все чаще и чаще выстраиваютъ овинъ съ гумномъ въ видѣ особаго отдѣльнаго отъ жилого дома зданія. Изба или жилой домъ окружаютъ, съ одной стороны, просторныя надворныя постройки, съ другой—садъ съ плодовыми деревьями, нерѣдко довольно обширный. Убранство комнатъ простое, а въ зажиточныхъ домахъ, особенно гдѣ дѣти учатся въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ, встрѣчается и городская мебель съ роялью. Національная одежда эстовъ всюду безвозвратно замѣнена городскими пиджачными и женскими модными костюмами. Лишь изрѣдка встрѣтишь еще старика или старуху въ національной одеждѣ, особенно на островахъ (Монѣ, Даго, частью и на Эзелѣ).

Обработка полей ведется по плодоперемѣнному сѣвообороту и многопольной системѣ; скудная сравнительно почва, обильно удобряемая и навозомъ и искусственными средствами, даетъ довольно хорошіе урожаи. Сѣется преимущественно рожь, ячмень, овесъ, ленъ, нѣсколько рѣже пшеница. Очень принято сѣять кормовыя травы: клеверъ, тимоѳеевку и др. Въ послѣднее время особое вниманіе стали обращать на разведеніе рогатаго скота и молочное хозяйство. Нѣтъ почти такого отсталаго хозяйства, гдѣ бы не было для молока сепаратора исключая развѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ по близости имѣется городъ или сыроварня, куда можно сбывать молоко въ не переработанномъ видѣ. При обработкѣ полей большое примѣненіе находятъ земледѣльческія мащины, косилки,

сѣялки, пружинныя бороны, различные плуги. Молотилки, приводимыя въ движеніе локомобилями и моторами, пріобрѣтаемыя крестьянами на пайныхъ началахъ, или же сдаваемыя имъ напрокатъ отдѣльными предпринимателями, почти совершенно вытѣснили сушку зерна и молотьбу на ригахъ и гумнахъ. Таковъ бытъ эстовъ зажиточныхъ, преимущественно собственниковъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Эстл. губ., гдѣ большинство эстовъ арендаторы и гдѣ природныя условія хуже, а также на островахъ, встрѣчаются болѣе отсталыя хозяйства, нѣсколько напоминающія бытъ эстовъ прошлаго столѣтія.

Вмѣстѣ съ успѣхомъ матеріальнымъ подвинулось впередъ и духовное развитіе эстовъ. Безграмотныхъ среди нихъ сейчасъ совсѣмъ почти нѣтъ; среди стариковъ встрѣчаются изрѣдка лишь полуграмотные, т. е. умѣющіе только читать, но не писать. Народныхъ школъ много. Волостныя школы, которыхъ нѣсколько въ каждой волости, содержатся волостными обществами, лютеранскія приходскія—приходами. Кромѣ того существуютъ еще православныя приходскія училища и вспомогательныя школы, содержимыя на синодскія средства при содѣйствіи волостныхъ обществъ, а также школы министерскія. Въ послѣднее время много школъ открыто возникшими за послѣднее время десятилѣтія обществами народнаго образованія и школьными. Этимъ обществамъ удалось открыть въ городахъ (въ Юрьевѣ, Перновѣ, Феллинѣ) нѣсколько частныхъ женскихъ учебныхъ заведеній съ эстскимъ языкомъ преподаванія. Разумному прохожденію курса народныхъ школъ много мѣшаетъ то, что съ самаго начала обученіе въ нихъ ведется на непонятномъ для дѣтей русскомъ языкѣ. Это сильно тормозитъ и самое изученіе государственнаго языка, знаніе и польза котораго высоко цѣнится эстами.—Недостатки школьнаго образованія восполняются самообразованіемъ, которое дается обществами и популярной

литературой, а особенно газетами и журналами, число которыхъ достигаетъ у эстовъ до 40. Изъ газетъ 7 ежедневныхъ, другія выходятъ по 2 или по 3 раза въ недѣлю. Журналы имѣютъ характеръ литературно-популярно-научный или же профессіональный. Выходятъ и различные сборники характера чисто литературнаго и художественнаго. Любовь къ образованію вообще очень сильна среди эстскаго народа. Газеты читаются всѣми, начиная съ чернорабочихъ. Проходя по эстонскому городу часто видишь извозчика, сидящаго на облучкѣ и въ ожиданіи ѣздока читающаго газету. Много эстонскихъ дѣтей обучается и въ городахъ—учащіеся въ высшихъ начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ эстской части Прибалтійскаго края въ преобладающемъ большинствѣ эсты. Много обучается эстовъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно въ Юрьевѣ и Петроградѣ, а также въ Ригѣ, Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ, частью заграницей. Общее число эстонскихъ студентовъ около 800. Поэтому, въ послѣднее время изъ среды эстовъ выходитъ множество лицъ съ высшимъ или среднимъ образованіемъ: врачей, адвокатовъ, агрономовъ, инженеровъ, литераторовъ, учителей, пасторовъ, православныхъ священниковъ и т. д. Представители свободныхъ профессій—врачи, адвокаты и т. д. часто остаются на родинѣ, продолжая работать для своего народа: однако, мѣста высшихъ чиновниковъ—судейскихъ, полицейскихъ, комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, учителей среднихъ учебныхъ заведеній и. т. д.—имъ недоступны, потому что они замѣщаются или русскими или нѣмцами. Эстовъ можно встрѣтить лишь среди мелкихъ чиновниковъ, почт.-телеграфныхъ и др. Народные учителя также въ большинствѣ эсты. Эстовъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній, судейскихъ чиновниковъ и пр. можно встрѣтить только во внутреннихъ губерніяхъ.

Въ городахъ эстской части Прибалтійскаго края также

всюду преобладаютъ эсты, не говоря уже о рабочихъ. Однако, до послѣдняго времени самоуправленіе большинства городовъ все еще находится въ рукахъ нѣмцевъ,—это потому, что нѣмцы всякими средствами стараются удержать господство за собою, и это имъ удается, ибо власти до сихъ поръ были всегда заодно съ ними. То они не даютъ права присоединяться къ городамъ пригородамъ, гдѣ всѣ домовладѣльцы исключительно эсты, какъ въ Юрьевѣ, то дѣлятъ владѣніе между разными лицами и т. д. Отчасти нѣмцамъ помогаютъ еще онѣмеченные эсты и перебѣжчики, голосующіе на выборахъ за нѣмцевъ [1]).

Изъ крупныхъ городовъ только Ревель уже болѣе 10 лѣтъ управляется эстами.

Города же, въ особенности Ревель и Юрьевъ, являются центрами эстской культуры. Здѣсь сосредоточивается интеллигенція, здѣсь выходятъ большія эстскія политическія газеты, слагаются политическія партіи, здѣсь же средоточіе литераторовъ и художниковъ. Постоянные театры съ артистами-профессіоналами функціонируютъ въ Юрьевѣ и Ревелѣ, за послѣднее время и въ Перновѣ. Первое большое театральное и концертное зданіе, въ красивомъ финскомъ стилѣ, было выстроено лѣтъ десять тому назадъ въ Юрьевѣ обществомъ „Ванемуйне“ при содѣйствіи всего эстскаго общества. Съ тѣхъ поръ стали строиться стильныя театральныя и концертныя зданія и въ другихъ городахъ (напр. театръ общ. „Эндла“ въ Перновѣ и др.). Только недавно закончена была постройка грандіознаго эстскаго театра, начатая по иниціативѣ общества „Эстонія“, въ г. Ревелѣ. Зданіе состоитъ изъ двухъ половинъ: одна поло-

---

[1]) Вообще же нѣмцы прибалт. городовъ не могутъ хвастаться чистотою крови: городское населеніе почти цѣликомъ состоитъ изъ онѣмеченныхъ эстовъ и латышей, потомки выходцевъ изъ Германіи составляютъ ничтожный процентъ.

вина—это обширный театръ съ сидѣньями, расположенными амфитеатромъ, съ партеромъ и ярусами, а другая—большой концертный залъ, такъ что здѣсь одновременно могутъ происходить и театральныя представленія и концерты.

Письменность эстонская началась съ перевода необходимѣйшихъ книгъ богослужебныхъ и священныхъ. Это дѣлалось уже въ шведское и даже въ польское время. Однако, литература въ собственномъ смыслѣ этого слова зарождается у эстовъ лишь въ XIX столѣтіи. Въ первой половинѣ этого вѣка появляются первыя эстскія газеты („Nädalaleht—Еженедѣльникъ" Мазинга въ 1821 г., „Perno-Postimees — Перновскій почтальонъ" Яннсена съ 1857 г.). Одновременно идетъ обработка эстскаго языка (Аренсъ, академикъ Видеманъ, позднѣе Д-ръ Веске, Д-ръ Германъ, Егеверъ и др.), а затѣмъ начинается собираніе народныхъ пѣсенъ и сказаній. Изъ остатковъ народныхъ пѣсенъ и сказаній Крейцвальдъ создаетъ эстонскую національную эпопею „Калевиноэгъ" (сынъ Калева), переведенную на русскій, нѣмецкій, финскій и мадьярскій языки. Въ то же время подъ вліяніемъ нѣмецкаго сентиментализма появляются уже и первые оригинальные разсказы изъ эстской жизни. (Яннсена и др.). Состоявшійся въ 1869 году въ Юрьевѣ въ память 50-тилѣтняго освобожденія эстовъ первый общенаціональный пѣвческій праздникъ свидѣтельствовалъ о начавшемся національномъ возрожденіи эстскаго народа. На грандіозномъ празднествѣ, въ которомъ участвовало до 800 пѣвчихъ и музыкантовъ соединенныхъ хоровъ и около 15000 народу, эсты впервые послѣ семисотлѣтняго рабства почувствовали себя народомъ. Въ 70-хъ годахъ возрожденіе достигаетъ уже полнаго развитія. Цѣлая группа образованныхъ эстовъ, стремящаяся къ пробужденію національнаго самосознанія въ народѣ, работаетъ самоотверженно на поприщахъ политическомъ, литературномъ и экономическомъ. Во главѣ

ихъ стоитъ высокоодаренный К. Р. Якобсонъ, публицистъ, писатель и педагогъ. Появленіе въ 1877 году его газеты „Сакала“ составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи самосознанія эстскаго народа. До этого времени публицистика въ лицѣ газеты „Эсти-Постимеесъ“, издававшейся Яннсеномъ, стояла на узкой помѣщичье-пастырской точкѣ зрѣнія: помѣщики, съ этой точки зрѣнія, являются поставленными отъ Бога господами и благодѣтелями народа, которымъ эсты должны повиноваться не за страхъ только, но и за совѣсть. Якобсонъ смѣло выступилъ въ „Сакала“ противъ вѣковыхъ угнетателей эстовъ и потребовалъ народу правъ и освобожденія отъ матеріальнаго гнета и духовной опеки дворянъ и пасторовъ, причемъ за поддержкой въ борьбѣ со всесильными нѣмцами онъ обратился къ правительству и русскому обществу. Его поддержало большинство образованныхъ и свободомыслящихъ эстовъ, напр. М. Веске, извѣстный филологъ, позднѣе проф. Казанскаго университета по каѳедрѣ Угро-Финскихъ языковъ, Кундеръ, Рейнвальдъ и мн. др. Вмѣстѣ съ публицистикой измѣняется и характеръ литературы: она пріобрѣтаетъ больше свободы и непринужденности и обращается къ естественному изображенію народнаго быта. Чувства, характеризующія эпоху національнаго возрожденія—скорбь по поводу печальнаго прошедшаго народа и твердая надежда на свѣтлое будущее. Горячая любовь къ родной странѣ и родной природѣ, гимны свободѣ и освобожденію народному—вотъ господствующіе мотивы эстской лирики поэтовъ старшаго поколѣнія (поэтесса Яннсенъ-Койдула, М. Веске, Рейнвальдъ, Анна Гаава и мн. другіе). Въ то же время романъ и повѣсть обращаются къ изображенію быта народнаго въ настоящемъ и прошломъ. Таковы произведенія І. Лійва, Е. Борнгеге, А. Сааля, Е. Петерсона, А. Кицберга, Е. Вильде и мн. другихъ. Е. Вильде, даровитѣйшій и плодовитѣйшій эстскій прозаикъ, живущій въ настоящее время эмигрантомъ въ

Даніи, кромѣ множества произведеній изъ эстской современности, увѣковѣчилъ въ трехъ большихъ романахъ („Война въ Махтра“, „Какъ Аніяскіе мужики были въ Ревелѣ“ и „Пророкъ Малтсветъ“) съ поразительной художественной правдой жизнь эстляндскихъ крестьянъ въ срединѣ прошлаго столѣтія—въ тяжелую эпоху барщиннаго рабства при „личной свободѣ“. На смѣну писателямъ старшаго поколѣнія теперь идетъ рядъ молодыхъ, составляющихъ литературно-художественное и издательское товарищество „Noor-Eesti“—молодая Эстонія. Это, въ сущности, молодые писатели различныхъ направленій, стремящіеся внести въ эстскую литературу идеи европеизма и модернизма, между прочимъ черезъ образцовые переводы произведеній финскихъ, западноевропейскихъ и русскихъ писателей, а также популярно-научныхъ сочиненій. Среди писателей этой группы есть несомнѣнные таланты, напр. Г. Суйтсъ, духовный глава группы, Фр. Михкельсонъ, А. Ганзенъ-Тамсааре. Послѣдній, давшій въ началѣ своей писательской дѣятельности рядъ удачныхъ реалистическихъ повѣстей изъ народнаго быта, примыкаетъ частью и къ старшему поколѣнію писателей. Литературная группа эта стремится также къ обработкѣ литературнаго эстонскаго языка (Аавикъ) и къ обогащенію языка новыми словами; оно же много заботится о приличной художественной внѣшности своихъ изданій.

Наконецъ, нужно отмѣтить еще одну важную особенность, какъ эстскаго народа, такъ и Прибалтійскаго края вообще—это существованіе здѣсь множества обществъ, союзовъ и товариществъ, стремящихся къ достиженію кооперативнымъ путемъ различныхъ цѣлей. Таковы, напр., общества народнаго образованія, литературныя, музыкальныя, пѣвческія, трезвости; затѣмъ общества, имѣющія въ виду матеріальные и хозяйственные интересы членовъ: ссудо-сберегательныя, кредитныя, потребительскія, взаимнаго страхованія отъ огня, вза-

имнаго страхованія скота отъ болѣзней и т. д. Наконецъ, есть общества, имѣющія въ виду интересы сельскаго хозяйства—земледѣльческія. Эти общества охватываютъ различныя стороны жизни эстовъ и имѣютъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи духовнаго и матеріальнаго развитія эстовъ. Такъ, литературныя общества занимаются изданіемъ хорошей литературы, поддержкою писателей, назначеніемъ премій за лучшія оригинальныя произведенія, служатъ центрами для усовершенствованія и разработки эстскаго литературнаго и научнаго языка, устраиваютъ общеобразовательные курсы, чтенія и т. д. Общества народнаго образованія, возникшія въ большомъ числѣ послѣ 1906 года, преслѣдуютъ тѣ же задачи, что и общества литературныя, и, кромѣ того, открываютъ свои школы, насколько это возможно въ зависимости отъ внѣшнихъ условій. Эти же общества, а также общества пѣвческія, музыкальныя, трезвости, общества вольныхъ пожарныхъ дружинъ и другія устраиваютъ часто любительскіе спектакли, концерты и т. д. Вообще нужно замѣтить, что любительскіе хоры и оркестры весьма распространены даже среди эстскихъ крестьянъ, причемъ организаторами и руководителями ихъ большею частью являются народные учителя—главные общественные дѣятели эстской деревни. Общества ссудо-сберегательныя, кредитныя и потребительскія тоже очень распространены и дѣйствуютъ съ успѣхомъ: изъ чистаго дохода ежегодно жертвуются значительныя суммы на полезныя и общенаціональныя начинанія. Особенно важное значеніе имѣютъ общества сельскохозяйственныя — земледѣльческія. Здѣсь обсуждаются вопросы объ усовершенствованіяхъ въ земледѣліи, скотоводствѣ, выписываются сообща лучшія сѣмена, земледѣльческія орудія, машины и т. д. Эти же общества часто организуютъ сельско-хозяйственные курсы и чтенія, содержатъ инструкторовъ, субсидируютъ ветеринаровъ и пр., а болѣе значительныя изъ нихъ ежегодно

устраиваютъ большія сельско-хозяйственныя выставки.

Таково въ общихъ чертахъ культурное состояніе современныхъ намъ эстовъ. Если имѣть въ виду кратковременность эпохи развитія—всего полстолѣтія, а съ другой стороны, и неблагопріятныя условія, при которыхъ развивались эсты, то нельзя не удивляться тѣмъ успѣхамъ, которыхъ они достигли. Свою землю и имущество, все, что они имѣютъ, эсты пріобрѣли исключительно упорнымъ своимъ трудомъ, безъ всякой откуда бы то ни было матеріальной поддержки. Помѣщики—нѣмцы, сохраняя въ своихъ рукахъ все управленіе страною, всѣ чисто вотчинно-феодальныя права, имѣли въ рукахъ и, конечно, упорно примѣняли всѣ средства для стѣсненія матеріальнаго и духовнаго развитія эстовъ. Когда потомъ, въ концѣ 80-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія, согласно общему направленію политики въ царствованіе Александра III, судъ и полиція отняты были у помѣщиковъ-нѣмцевъ и замѣнены учрежденіями общегосударственными, волостное самоуправленіе подчинено было въ лицѣ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ правительственному контролю, а въ школахъ и правительственныхъ учрежденіяхъ введенъ былъ русскій языкъ,—даже и тогда дворяне-помѣщики сумѣли сохранить за собою и сохраняютъ до сего времени массу дворянско-вотчинныхъ правъ и привилегій: въ ихъ рукахъ находится все земское самоуправленіе краемъ, право патроната при замѣщеніи пасторскихъ мѣстъ, права винокуренія, пивоваренія, корчемъ, охоты и рыбной ловли и т. д. Къ тому же и всѣ повинности земскія и правительственныя лежатъ преимущественно на крестьянахъ (самая крестьянская земля въ отличіе отъ помѣщичьей „свободной, неподатной“ носитъ названіе „повинностной“). Затѣмъ, благодаря сильнымъ далеко простирающимся связямъ и экономической мощи, дворянамъ-нѣмцамъ удалось замѣстить своими людьми много новыхъ пра-

вительственныхъ должностей — судѣйскихъ, полицейскихъ (разумѣется, высшихъ) и т. д., а представителей русской администраціи и суда заставить дѣйствовать въ своихъ интересахъ. Чиновники, относящіеся къ эстамъ съ безпристрастной государственной точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія мѣстныхъ феодаловъ, являются не нормой, а пріятнымъ исключеніемъ. Постоянны были и попытки со стороны нѣмецкаго дворянства тѣми или иными путями очернить въ глазахъ правительства лояльнѣйшихъ эстовъ и латышей: неизмѣнно напѣвалось ими правительству о мнимыхъ сепаратистическихъ, революціонныхъ и т. д. стремленіяхъ ихъ. Дворяне же всегда всѣми силами своими и могуществомъ связей упорно боролись противъ реформъ, предпринимаемыхъ правительствомъ въ интересахъ крестьянскаго сословія, и почти всегда успѣвали въ этомъ. Эсты надѣются, что настоящія событія, по крайней мѣрѣ, раскроютъ передъ русскимъ обществомъ съ полной очевидностью истинный обликъ нѣмцевъ.

Въ общемъ, тяжелыя условія настоящаго развитія и ужаснаго историческаго прошлаго наложили на характеръ эстовъ свой отпечатокъ. Эсты угрюмы, скрытны, недовѣрчивы, но въ то же время и энергичны, упорны въ трудѣ до крайности и способны пробиваться при невѣроятныхъ условіяхъ. Когда присутствуешь на какомъ-либо народномъ сборищѣ и смотришь на этихъ людей хорошаго средняго, а нерѣдко и высокаго роста и чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія съ преобладаніемъ блондинистаго цвѣта кожи, угловатостью въ движеніяхъ и оттѣнкомъ упорства и энергіи въ лицѣ, то силой вѣетъ отъ нихъ, и становится понятнымъ, какъ этотъ народъ не погибъ окончательно за 700 лѣтъ самаго ужаснаго рабства.

И эсты хотятъ жить и чувствуютъ въ себѣ достаточно силъ для дальнѣйшаго развитія и національнаго са-

моопредѣленія. На наличность этихъ силъ указываютъ и достигнутые уже ими культурные успѣхи.

Въ разразившейся міровой войнѣ эсты проявили неподдѣльный патріотизмъ и воодушевленіе въ борьбѣ съ историческимъ врагомъ своимъ и угнетателемъ и надѣются, что побѣдоносная война создастъ и имъ болѣе благопріятныя условія для жизни. А какъ много, даже самыхъ элементарныхъ правъ не хватаетъ эстамъ, какъ народу, для развитія! Эсты ждутъ, что падутъ, наконецъ, несправедливыя преимущества и привилегіи нѣмецкихъ дворянъ, тормозящія жизнь края, и что имъ удастся добиться справедливаго разрѣшенія земельнаго вопроса, демократизаціи земскаго самоуправленія съ участіемъ въ немъ эстовъ, соотвѣтственно ихъ числу и значенію въ краѣ, получить права гражданства для своего языка въ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, свою народную школу, гдѣ обученіе велось бы на понятномъ для дѣтей языкѣ. Вотъ элементарныя требованія эстовъ, необходимыя для ихъ дальнѣйшаго нормальнаго національнаго развитія, и эсты твердо надѣются на осуществленіе ихъ завѣтныхъ желаній при содѣйствіи великаго и сочувствующаго ихъ справедливымъ требованіямъ русскаго народа *).

П. Семеновъ.

---

*) *Прим. издат. ком.*—Статья эта нѣсколько сокращена комиссіей, а мѣстами измѣнены отдѣльныя выраженія.

О соціально-политическихъ стремленіяхъ эстской интеллигенціи.

Съ самаго начала настоящей войны съ Германіей „Прибалтійскій вопросъ“ возбудилъ къ себѣ живѣйшій интересъ какъ въ русскомъ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ кругахъ. Это и понятно. Вѣдь Прибалтійскій край является не только исконнымъ центромъ нѣмецкой культуры въ Россіи, но и тѣмъ политическимъ Forposten'омъ германизма, подъ самымъ бокомъ столицы Россіи, о который до нынѣ суждено было разбиваться интересамъ русской государственности. Собственно говоря, до 80 гг. прошлаго столѣтія со стороны русскаго правительства и не было предпринято сколько-нибудь болѣе или менѣе серьезныхъ попытокъ къ ограниченію феодальныхъ привилегій всемогущихъ властелиновъ Остзейскаго Landesstaat'а, которые тогда съ полнымъ правомъ могли сказать: „Baltischtum ist Deutschtum; Hier kennen wir keinen Russen, Esten, Letten oder anderen, hier sind nur Deutschen“.—„Балтійцы это нѣмцы; здѣсь мы не знаемъ никакихъ русскихъ, эстовъ или латышей; здѣсь только нѣмцы“.

Имѣвшая мѣсто въ началѣ минувшаго столѣтія крестьянская реформа была проведена исключительно въ интересахъ господъ края. Законы 1816—1819 г.г. фактически вернули мѣстному рыцарскому сословію ту безграничную власть надъ крестьянами, которая правительствомъ была нѣсколько ограничена законами 1804

и 1809 гг. Весьма знаменательны по этому поводу слова извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, члена Эстляндской дворянской корпораціи, К. Э. фонъ-Бэра: „Рыцари побѣдили Эстляндію окончательно только въ 1816 году“ [1]). Реставрація прежняго положенія оказалась возможной потому, что послѣ изданія законодательныхъ актовъ 1804 и 1809 гг. составленіе аграрныхъ проектовъ правительство предоставило дворянству. Они составлялись дворянскими комиссіями, разсматривались на ландтагѣ только дворянствомъ, безъ участія другихъ сословій, и восходили на утвержденіе правительства, облеченные въ форму сословныхъ постановленій. Плачевныя послѣдствія аграрной „реформы“ 1816—1819 гг. вполнѣ явно обнаружились въ 40 гг., т. е. спустя 20 лѣтъ со времени проведенія ихъ. Сороковые годы, какъ правильно отмѣчаетъ В. Земцевъ [2]), это весьма оживленный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма грустный періодъ въ исторіи Прибалтійскаго края. Къ этому времени крестьянское населеніе пришло въ глубокій упадокъ въ смыслѣ матеріальной необезпеченности. Только за немногими дворохозяевами сохранился нѣкоторый инвентарь, состоявшій въ скотѣ, орудіяхъ и сѣменахъ. Дальнѣйшее продолженіе такого положенія могло привести къ полной пролетаризаціи всего крестьянскаго населенія и этимъ создалась бы непроходимая пропасть между помѣщиками и крестьянами, чреватая опасными для первыхъ послѣдствіями. Для предотвращенія такой опасности мѣстное дворянство признаетъ необходимымъ создать и укрѣпить средній слой между собой и сельскимъ пролетаріатомъ — слой, долженствовавшій служить оплотомъ противъ напора обездоленныхъ народныхъ массъ. Къ этому мотиву присоединился другой:

---

[1]) A. Grenzstein: „Lõpueksam“, стр. 99.

[2]) Обзоръ аграрн. законод. заимств. изъ его книги: „О квотной землѣ въ Лифляндіи“, Рига, 1913.

опасеніе, какъ бы правительственная власть не взялась самостоятельно, безъ содѣйствія нѣмецкаго дворянства, за разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ и не разрѣшила бы его въ невыгодномъ для дворянства смыслѣ. Эти мотивы, вытекающіе изъ чувства самосохраненія и сознанія собственныхъ интересовъ, побудили нѣмецкое дворянство взяться за разработку новаго аграрнаго закона. Рядомъ съ законодательной работой шли крестьянскія волненія, имѣвшія соціально-религіозный характеръ. Невыносимыя аграрныя условія вызвали среди крестьянской массы населенія стремленіе къ переселенію во внутреннія губерніи, а неудовлетворенная застывшей лютеранской церковью религіозная потребность давала поводъ: 1) къ распространенію ученія гернгутеровъ, являвшагося попыткой церковной реформы снизу, и 2) къ переходу въ православіе. Какъ нѣмецкое дворянство, такъ и вѣрное ему лютеранское духовенство объединились въ борьбѣ противъ этого соціально-религіознаго движенія. Дворянство, пользуясь довѣріемъ правительства, изобразило эти волненія передъ высшимъ губернскимъ начальствомъ въ видѣ бунта противъ государственной власти, и для подавленія послѣдняго въ его распоряженіе были предоставлены карательные отряды. Начались кровавыя экзекуціи и разстрѣлы по всему краю. По словамъ Ю. Самарина, во время одной изъ такихъ экзекуцій собраннымъ въ качествѣ свидѣтелей крестьянамъ было объявлено, что „такъ будетъ наказанъ всякій, кто пожелаетъ идти въ теплую землю, кто вздумаетъ принять Русскую вѣру, кто осмѣлится не слушаться помѣщиковъ и пасторовъ, а будетъ вѣрить обманщикамъ—возмутителямъ“ [1]).

Законы 50-хъ и 60-хъ гг. признали за крестьяниномъ право поземельной собственности и установили обязатель-

[1]) Ю. Самаринъ, „Окраины Россіи“, II, 1868 г., стр. 76.

ность заключенія письменныхъ арендныхъ контрактовъ, чѣмъ и положили хоть нѣкоторый предѣлъ дворянскому произволу. Но весь феодальный аграрный строй въ принципѣ остался незатронутымъ. Точно также не касалась Прибалтійскаго края общеимперская земская реформа. Первыя болѣе серьезныя попытки къ ограниченію власти мѣстнаго дворянства начинаются лишь съ 80 гг. минувшаго столѣтія. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра III наступаетъ поворотъ во внутренней политикѣ имперіи. Извѣстный лозунгъ словянофиловъ „Россія для русскихъ“ становится и лозунгомъ правительства, которое отнынѣ ставитъ себѣ цѣлью одностороннюю политику руссификаціи и принудительнаго національнзма. Судьба Прибалтійскаго края была тогда рѣшена въ бюрократически-славянофильскомъ духѣ. Начался періодъ насильственнаго обрусѣнія и отчаянной борьбы между русской бюрократіей и прибалтійскимъ нѣмецкимъ дворянствомъ. Нельзя сказать, чтобы эта политика „чувства“, а не „разума“ принесла сколько-нибудь желанные плоды интересамъ русской государственности, такъ какъ побѣдителями изъ этой борьбы, въ концѣ концовъ, вышли все же всемогущіе балтійскіе бароны. Эти хитроумные политиканы ловко сумѣли направить остріе политическаго оружія вмѣсто себя на коренныхъ жителей края, эстовъ и латышей, среди которыхъ къ тому времени появилось ненавистное нѣмцамъ національное движеніе. Опираясь на свои связи въ высшихъ бюрократическихъ кругахъ, балтійскимъ баронамъ, не слишкомъ разборчивымъ въ выборѣ средствъ политической борьбы, не трудно было придать передъ правительствомъ эстскому и латышскому національнымъ движеніямъ смыслъ сепаратическихъ стремленій этихъ національностей и предложить свои услуги для подавленія этихъ „сепаратистовъ“. Подобнымъ, хотя и недостойнымъ, дипломатическимъ маневромъ, они выказали свою „лояльность“ и заслужили благосклон-

ность и довѣріе русской бюрократіи, которая, какъ бы въ видѣ извѣстной компенсаціи за эту „лояльность", ограничилась въ краѣ лишь частичными, половинчатыми реформами. Руссификаторскіе аппетиты были удовлетворены обрусѣніемъ народной школы, судебныхъ учрежденій, полиціи и т. д. Весь сословный строй мѣстнаго земскаго самоуправленія и феодальныя аграрныя отношенія остались реформами все же въ принципѣ незатронутыми, что и требовалось для торжества интересовъ нѣмецкаго дворянства. Все населеніе края, кромѣ кучки членовъ дворянской корпораціи, осталось по прежнему совершенно лишеннымъ возможности принять какое-либо участіе въ дѣлахъ самоуправленія, въ каковомъ безправномъ положеніи оно находится до настоящаго времени. Въ 1905 году „Прибалтійскій вопросъ", который казался уже рѣшеннымъ, былъ опять выдвинутъ самою жизнью. Тогда пришелъ моментъ испытанія феодально-бюрократическаго строя, и край пережилъ жестокую революцію [1]). Но и на этотъ разъ, вмѣсто раціональныхъ реформъ, опять-таки повторилась вѣчная трагедія кровавыхъ экзекуцій, истязаній и разстрѣловъ.

Послѣ этихъ историческихъ предпосылокъ не трудно представить себѣ, какова вообще могла быть роль эстской интеллигенціи въ этой тяжелой, можно сказать, титанической борьбѣ народа, въ желѣзныхъ тискахъ феодализма, за элементарнѣйшія права существованія. Въ настоящей сжатой статьѣ придется ограничиться только краткимъ, конспективнымъ обзоромъ соціально-политическихъ стремленій эстской интеллигенціи въ разные фазисы развитія народа.

До 60 гг. минувшаго столѣтія эстская интеллигенція представляла изъ себя, въ смыслѣ соціальномъ, величину незначительную, изолированную къ тому же отъ народа непроницаемой стѣной мрака и фактиче-

[1]) См. „Земск. хоз. Приб. края", введеніе.

скаго рабства. Представители тогдашней интеллигенціи были людьми высокообразованными и гуманитарными. Ихъ дѣятельность проявлялась, главнымъ образомъ, на культурно-просвѣтительныхъ поприщахъ, насколько работа на этихъ поприщахъ тогда вообще была возможна. Особенно цѣнны изъ этого ранняго періода труды по изученію и разработкѣ эстскаго языка, по собиранію народныхъ пѣсенъ, миѳовъ и сказокъ, и труды этнографическо-историческаго характера. Въ качествѣ выдающихся представителей тогдашнихъ интеллигентовъ можно упомянуть: К. Я. Петерсона (1801—1882), Ф. Р. Фельмана (1799—1850) и Ф. Р. Крейцвальда (1803—1882). Первый изъ нихъ талантливый поэтъ, умеръ молодымъ, оставивъ послѣ себя цѣлую коллекцію стихотвореній, весьма цѣнныхъ въ смыслѣ исторіи литературы. По иниціативѣ и при горячемъ содѣйствіи Фельмана было основано въ 1838 г. при Юрьевскомъ Университетѣ „Эстонское Ученое Общество“, задача котораго заключалась въ собираніи и научной разработкѣ историческихъ памятниковъ эстскаго народа, изученіе его исторіи, быта, языка и. т. п. Общество имѣетъ свой музей и свою библіотеку.

Изъ филологическихъ трудовъ въ этотъ періодъ заслуживаютъ быть отмѣченными: „Эстонская грамматика“ Э. Аренса, изданная въ 1843 году, и полный „Эстонскій Словарь“ академика Війдемана, представляющій изъ себя капитальный трудъ въ области филологіи. Наиболѣе же видное значеніе, въ смыслѣ національнаго возрожденія, имѣло появленіе въ печати въ началѣ 60 гг. эстскаго національнаго эпоса „Kalewipoeg“ (Калевичъ), составителемъ котораго былъ величайшій изъ предствителей эстской интеллигенціи первой половины прошлаго столѣтія—Крейцвальдъ, коему присвоено названіе „Отца поэзіи“ (Lauluisa).

Время отъ 60-хъ вплоть до 80 гг. можетъ быть названо періодомъ культурнаго и національнаго возро-

жденія эстскаго народа. Оно совпадаетъ съ общеимперскимъ освободительнымъ движеніемъ и эпохой реформъ императора Александра II. Законами 50 и 60 гг., какъ выше уже упомянуто, были введены нѣкоторыя ограниченія помѣщичьяго произвола, давшія крестьянамъ кое-какія гарантіи при осуществленіи ими своихъ имущественныхъ правъ, между прочимъ, правъ поземельной собственности. Въ то же время поднятію экономическаго положенія мѣстнаго населенія содѣйствуетъ общее благопріятное состояніе европейскаго рынка, сильно увеличившее спросъ на сельско-хозяйственные продукты, главнымъ образомъ, на ленъ, широко распространенный въ мѣстномъ краѣ. Сравнительное улучшеніе матеріальнаго состоянія народа вызвало въ немъ и новыя духовныя потребности. Съ 60 гг. возникаетъ среди эстовъ бойкое культурно-просвѣтительное движеніе, съ національнымъ оттѣнкомъ, первой и главной цѣлью котораго было поднятіе народнаго образованія. Эта свѣжая культурная струя столкнулась вскорѣ на своемъ пути съ интересами феодальнаго рыцарства-дворянства. Но было бы ошибочнымъ думать, что конфликтъ соціально-правовыхъ и культурно-національныхъ интересовъ народа со средневѣковыми привилегіями и такими же культурно-національными предразсудками господъ края имѣлъ характеръ національнаго шовинизма и ненавистничества. Ничего подобнаго. Это была мирная культурная борьба, какъ правильно утверждаетъ и проф. К. И. Арабажинъ [1]), „за возможность существованія, за правильное развитіе экономической жизни, за право и гражданственность, хотя и въ ея элементарной формѣ, за сохраненіе своего національнаго лица“. Съ измѣненіемъ соціально-правовыхъ условій народа измѣнились и задачи его интеллигенціи. Послѣдняя уже не могла болѣе оставаться въ изолиро-

[1]) А. И. Тупинъ, „Прибалтійскій край и война“, 1914.

ванномъ, замкнутомъ состояніи, а должна была вступить въ ряды народа и принять дѣятельное участіе въ его культурно-освободительной борьбѣ. На смѣну интеллигентамъ прежней эпохи появилось новое поколѣніе народниковъ (rahwamehed). Болѣе типичными и характерными представителями интеллигентовъ-народниковъ были: І. В. Янзенъ (1819—1890) и К. Р. Якобсонъ (1841—1882). Это люди различныхъ психологическихъ укладовъ и діаметрально противоположныхъ соціально-политическихъ взглядовъ. Первый изъ нихъ, Янзенъ смотритъ на жизнь сквозь призму нравственно-религіозныхъ предубѣжденій и въ соціальной борьбѣ является сторонникомъ компромиссовъ и мирнаго обновленія, при чемъ путь къ этому у него лежитъ чрезъ религіозно-нравственное воспитаніе, ибо „миръ выше борьбы“. Его соціально политическія убѣжденія имѣютъ патріархально-консервативный характеръ, и программу его дѣятельности въ этой области можно вкратцѣ выразить словами Христа: „Дайте Божіе Богови и Кесарево Кесареви“. Янзенъ—идеологъ консервативной части крестьянства, мелкаго бюргерства и духовенства; органомъ этихъ слоевъ общества является основанный Янзеномъ въ 1857 году газета „Postimees“ (Почтальонъ).

Якобсонъ, въ противовѣсъ Янзену, свободенъ отъ консервативной идеологіи. Онъ беретъ дѣйствительность такъ, какъ она есть; тонко и всесторонне анализируя ее, онъ согласовываетъ свою дѣятельность съ острыми нуждами народа и смѣло вступаетъ на путь требованія радикальныхъ реформъ. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ является либераломъ.

Въ бытность свою въ Петроградѣ домашнимъ учителемъ великой княгини Ольги Константиновны (впослѣдствіи—греческая королева), Якобсонъ имѣлъ возможность соприкасаться съ лучшими представителями русскаго общества. Вдохновляясь ихъ идеалами, онъ возымѣлъ горячее желаніе осуществить ихъ и въ средѣ

своего народа. Въ Петроградѣ онъ вошелъ и въ кругъ „Петроградскихъ эстскихъ патріотовъ“, представителями котораго были: профессоръ Академіи Художествъ И. Кёлеръ, Д-ръ Карель, Ф. Руссовъ, Д-ръ Іонсонъ, учитель Данкманъ, Берендгофъ и др. Имѣя за собой этихъ передовыхъ и лучшихъ людей эпохи, Якобсонъ въ 1871 году съ самыми благими намѣреніями и либеральными идеалами возвращается на родину, чтобы здѣсь начать проводить ихъ въ жизнь. Въ 1878 году, послѣ 8-ми лѣтняго ожиданія, ему наконецъ удалось получить разрѣшеніе на изданіе газеты „Sakala“, которая вскорѣ и становится центральнымъ органомъ всѣхъ свободомыслящихъ и прогрессивныхъ элементовъ тогдашняго эстонскаго общества. Газета быстро пріобрѣтаетъ себѣ необычайную популярность и широко распространяется въ народѣ. Имя Якобсона проникло во всѣ слои народа; онъ сдѣлался популярнѣйшимъ человѣкомъ—героемъ народа, котораго его противники окрестили „Балтійскимъ Робеспьеромъ“. Что способствовало, однако, такому неимовѣрному успѣху и такой популярности Якобсона? Онъ былъ первымъ, кто открыто и смѣло высказалъ тѣ сокровеннѣйшія народныя вожделѣнія, отъ осуществленія которыхъ, по мнѣнію тогдашняго большинства, зависѣла дальнѣйшая судьба народа, возможность его самостоятельнаго существованія. Якобсонъ является не только идеологомъ прогрессивной части общества, но и горячимъ борцомъ за пропагандируемые имъ идеалы. Въ противовѣсъ Янзену, онъ съ самаго начала утверждаетъ, что безъ коренныхъ реформъ мѣстнаго сословнаго самоуправленія и феодальнаго аграрнаго строя края невозможна здѣсь никакая болѣе или менѣе серьезная культурная работа. Въ интересахъ послѣдней онъ считаетъ необходимымъ проведеніе въ первую очередь реформъ правового и экономическаго характера, а именно: уничтоженія средневѣковыхъ дворянскихъ привилегій, затормозившихъ хозяй-

ственное развитіе края; реформы балтійской лютеранской, вѣрнѣе „баронской“ церкви, покорно служившей исключительно сословнымъ интересамъ дворянъ и далеко отстоявшей отъ духовныхъ потребностей народа; предоставленія равноправія въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія всѣмъ народностямъ края; улучшенія аграрныхъ и экономическихъ условій для жизни крестьянъ, преобразованія народной школы, въ смыслѣ превращенія ея изъ духовно-церковной въ свѣтскую, съ введеніемъ въ программу преподаванія, кромѣ религіозныхъ вѣроученій, и свѣтскихъ наукъ, какъ ариѳметики, естествовѣдѣнія, исторіи, родного языка и т. п. Словомъ, уже тогда были Якобсономъ въ принципѣ выставлены всѣ тѣ соціально-политическія требованія, которыя и понынѣ составляютъ суть программы всякой мѣстной прогрессивной партіи. Достиженіе этихъ цѣлей представлялось Якобсону возможнымъ не путемъ насильственнаго переворота, революціи, а исключительно путемъ упорной и организованной культурной борьбы. Съ одной стороны, ограниченность силъ и еще сравнительная некультурность широкихъ слоевъ народа, а съ другой—могущество привилегированнаго противника опредѣлили какъ способъ, такъ и задачи борьбы, предостерегая борющихся отъ всякихъ гибельныхъ эксцессовъ и призывая ихъ къ строжайшей осторожности, законности и дисциплинированности. Въ интересахъ поднятія культурнаго и экономическаго уровня населенія были основаны различныя общества, преслѣдующія цѣли, или: 1) чисто просвѣтительныя, какъ напр.: „Эстонское литературное общество“ (осн. въ 1871), цѣлью котораго было „изданіе полезныхъ книгъ на народномъ языкѣ и развитіе просвѣщенія во всѣхъ классахъ народа“ (ст. 1 Уст.); музыкально-вокальное общество „Ванемуйне“ (основ. въ 1865 г.) и др., или же 2) экономическія, какъ напр., разнаго наименованія селько-хозяйственныя общества и акціонерное судоходное общество „Линда“.

Для содѣйствія поднятію народной нравственности были учреждены позже общества трезвости.

Общимъ и популярнѣйшимъ національнымъ предпріятіемъ эпохи возрожденія слѣдуетъ считать учрежденіе „Эстонскаго Александровскаго Училища"—для увѣковѣченія среди эстскаго народа памяти императора Александра I Благословеннаго. Съ этою цѣлью было собрано народныхъ денегъ около 100.000 рублей, что служитъ прекраснымъ доказательствомъ того, какое живое и дѣятельное участіе при первой же возможности принялъ народъ въ культурно-просвѣтительномъ дѣлѣ, не жалѣя для этого даже значительныхъ для того времени матеріальныхъ жертвъ. Въ этой культурной дѣятельности противъ нѣмецкаго засилья народъ, какъ и интеллигенція эпохи возрожденія, искренно возлагалъ всѣ свои надежды на поддержку русскаго правительства, каковая надежда его, дѣйствительно, въ незначительной степени и оправдалась.

Съ 80-хъ гг. наступаетъ рѣзкій поворотъ въ общеимперской политикѣ, и только-что зародившаяся культурная дѣятельность народа была прервана, вплоть до 1905 года, періодомъ бюрократическаго произвола и насильственнаго обрусѣнія мѣстнаго туземнаго населенія. Въ національномъ отношеніи этотъ промежутокъ времени можетъ быть названъ періодомъ національнаго разочарованія и скептицизма. Не только національное движеніе, но и вообще органическое развитіе народа и всякая общественная дѣятельность была низведена реакціей до нуля. Прежняя идеальная вѣра въ милость правительства замѣнилась горькимъ разочарованіемъ, усугубленнымъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что русская бюрократія въ своей руссификаторской дѣятельности черезчуръ односторонне и пристрастно дѣйствовала рука объ руку съ мѣстнымъ нѣмецкимъ дворянствомъ.

Въ началѣ 80 гг., въ 1882 году, скоропостижно скон-

чался любимый герой народа Якобсонъ. Начавшееся при немъ радикально-либеральное движеніе постепенно замираетъ въ удушливой атмосферѣ реакціи. Подъ давленіемъ постоянно усиливающихся репрессій въ средѣ интеллигенціи появляется расколъ: одна часть, стоя на идейной почвѣ, все тѣснѣе и тѣснѣе примыкаетъ къ старобалтійскимъ культурнымъ традиціямъ и тѣмъ самымъ все дальше и дальше удаляется отъ народа и общественной дѣятельности, пока, наконецъ, не останавливается на мертвой точкѣ окоченения и отщепенства. Тщетно старается, въ серединѣ 90 гг., Янъ Тенисонъ своимъ энтузіазмомъ вывести ее изъ этого положенія, горячо проповѣдуя въ ея органѣ „Postimees“ѣ, редакторомъ котораго онъ является еще понынѣ, нравственное усовершенствованіе и оживленіе чувства національнаго самосознанія. Другая же, хотя и меньшая часть интеллигенціи, потерявъ всякую идейную почву подъ ногами, открыто отдалась на службу реакціи, оказывая своимъ оппортунизмомъ деморализующее вліяніе на общество. Типичнымъ представителемъ этого направленія былъ впослѣдствіи редакторъ газеты „Olewik“— А. Гренцштейнъ.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ категорій интеллигентовъ и помимо цѣлаго кадра „ренегатовъ“ (Kadakasaksad), эта эпоха безвременья создала еще особый типъ такъ называемыхъ „лишнихъ людей“ („Fôuetud hinged“), разочарованныхъ во всемъ и безслѣдно погибавшихъ въ зыбкомъ болотѣ безнадежнаго пессимизма. Можно сказать, что періодъ 80-хъ и 90-хъ г. г. есть одинъ изъ самыхъ тусклыхъ и печальныхъ страницъ въ исторіи развитія эстской общественной мысли.

Новымъ поворотнымъ пунктомъ былъ памятный всѣмъ 1905 годъ. Хотя послѣдовавшей реакціей вѣнокъ національныхъ надеждъ и ожиданій опять вскорѣ былъ смятъ и растоптанъ, но все же неотъемлемымъ завоеваніемъ освободительнаго движенія слѣдуетъ считать

проведеніе въ жизнь конституціоннаго принципа управленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открытіе и для Прибалтійскаго края возможности, наряду съ общеимперскими прогрессивными элементами, парламентарной политической и культурно-національной борьбы противъ бюрократическаго произвола, и нѣмецкаго засилья въ краѣ въ отдѣльности. Послѣ событій 1905 года происходитъ общая соціально-политическая перетасовка, создаются новыя группировки и нарождаются новыя теченія, эстская интеллигенція съ этихъ поръ опять имѣетъ нѣкоторую возможность выйти изъ своего замкнутаго положенія и принять участіе въ общественной дѣятельности, группируясь по различнымъ соціально-политическимъ организаціямъ.

Характерной особенностью эстскихъ политическихъ организацій является отсутствіе по настоящее время консервативной партіи.

Изъ болѣе или менѣе сформировавшихся другихъ организацій слѣдуетъ упомянуть въ первую голову „Эстскую прогрессивно-демократическую партію“, зарегистрированную въ 1907 году. Членами этой партіи состоятъ, главнымъ образомъ, зажиточное крестьянство, крупные землевладѣльцы изъ эстовъ, духовенство, и мелкое бюргерство въ городахъ. Ядро этой партіи составляетъ земледѣльческій классъ. По своей программѣ она довольно близко подходитъ къ русской „Конституціонно-демократической партіи“, нѣсколько отличаясь отъ послѣдней лишь въ аграрномъ вопросѣ и болѣе консервативнымъ націоналистическимъ оттѣнкомъ. Органомъ этой партіи является выходящая въ г. Юрьевѣ газета „Postimees“, редакторомъ которой состоитъ, какъ уже было упомянуто, Я. Тенисонъ. Въ Ревелѣ газета „Päewaleht“ приблизительно такого же направленія.

Вторая группа, считающая себя болѣе радикальной, сгруппирована около издающейся въ Ревелѣ газеты „Tallinna Teataja“ (Ревельскій Вѣстникъ), редакторомъ

которой является К. Пятсъ. Она собственно тоже придерживается кадетской программы и отличается отъ „Эстской прогрессивно-демократической партіи“ развѣ только меньшимъ націоналистическимъ пыломъ, но за то и большимъ оппортунизмомъ. По своему составу она представляетъ конгломератъ различныхъ элементовъ, и у нея не имѣется за спиной опредѣленнаго общественнаго класса, дающаго ей физіономію, въ виду чего трудно сказать что-либо о ея дальнѣйшей судьбѣ.

Въ сторонѣ отъ первыхъ двухъ организацій стоитъ „младо-эстонская группа“, представляющая изъ себя чисто интеллигентскій кружокъ. Органомъ ея является основанный недавно журналъ „Vaba Sõna“ (Свободное Слово). Насколько можно судить по этому журналу, сторонники его—лица радикально-демократическаго направленія и расчитываютъ, помимо интеллигентскихъ круговъ, еще и на быстро наростающее городское населеніе, а именно на радикальное бюргерство.

Наконецъ, слѣдуетъ назвать также и соціалъ-демократическую партію, которая, въ виду довольно большого количества городского и сельскаго пролетаріата въ Прибалтійскомъ краѣ, могла бы при нормальныхъ политическихъ условіяхъ играть значительную роль. Партія эта имѣла цѣлый рядъ своихъ органовъ, закрытыхъ правительствомъ и вновь издававшихся подъ другими названіями. Въ настоящее время всѣ органы ея закрыты.

Изъ главнѣйшихъ, ближайшихъ, соціально-политическихъ требованій, касающихся исключительно мѣстной жизни и выдвинутыхъ уже съ 1905 года [1]), могутъ быть въ общемъ итогѣ отмѣчены:

1. Коренная реформа мѣстнаго земскаго самоуправленія въ смыслѣ изъятія его изъ компетенціи сословно-корпоративныхъ дворянскихъ учрежденій и передача въ

---

[1]) См. „Земское хозяйство Прибалтійскаго края“, Петроградъ 1908 г., стр. 84—85.

руки органовъ самоуправленія, въ которомъ должны быть представлены всѣ слои населенія безъ искусственнаго перевѣса какихъ бы то ни было сословныхъ, экономическихъ или національныхъ интересовъ, и которому должна быть предоставлена обширная компетенція въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, носящихъ исключительно мѣстный характеръ.

2. Волость должна быть лишена сословно-крестьянскаго характера и преобразована во всесловную, территоріальную, мелкую земскую единицу, со включеніемъ въ нее какъ крестьянской, такъ и мызной земли.

3. Города, за исключеніемъ лишь торговыхъ и промышленныхъ центровъ, живущихъ особенною отъ страны жизнью, должны быть привлечены къ участію въ земскомъ самоуправленіи.

4. Въ цѣляхъ урегулированія аграрныхъ отношеній, немедленно должна быть проведена реформа системы оцѣнки земли, раскладки земскихъ сборовъ и повинностей въ смыслѣ болѣе равномѣрнаго распредѣленія обложенія.

5. Дѣлопроизводство въ мѣстныхъ земскихъ и другихъ учрежденіяхъ слѣдуетъ вести на мѣстныхъ языкахъ.

П. Я. Рубель.

Латышская интеллигенція и ея соціальныя стремленія.

Для болѣе полной характеристики даннаго вопроса необходимо остановиться на исторіи его. Это не отниметъ у насъ много времени и мѣста, т. к. исторія эта весьма коротка. Начало ея относится всего къ 60 г.г. прошлаго столѣтія и совпадаетъ съ началомъ т. н. латышскаго національнаго возрожденія. Тогда было положено начало эмансипаціи латышской крестьянской буржуазіи. Съ того времени латышское крестьянство вступаетъ на путь энергичной борьбы за свое матеріальное и правовое существованіе.

Одновремено латышскій элементъ проникаетъ и въ балтійскіе, до того чисто нѣмецкіе города и предъявляетъ свои права и запросы на жизнь. Латыши образуютъ въ городахъ не только рабочій классъ, но проникаютъ и въ среднія сословія—городскую буржуазію (мелкіе торговцы, домовладѣльцы, ремесленники). Число латышскихъ переселенцевъ въ балтійскіе города съ ростомъ мѣстной торговли и развитіемъ промышленности, съ переходомъ къ новымъ, болѣе интенсивнымъ формамъ сельскаго хозяйства съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Новыя формы жизни ломаютъ всѣ старые устои; нѣмецкое ремесленное цеховое хозяйство и гильдійской сословный строй городской жизни, опиравшійся на торговый капиталъ, гибнетъ подъ властнымъ натискомъ промышленнаго капитала. Съ новыми требованіями и запросами выступаютъ но-

выя сословія—крестьянская и городская буржуазія, а за ними тянутся уже и сельскіе и городскіе рабочіе. И такъ какъ эти новыя сословія принадлежатъ цѣликомъ къ другому народу, порабощенному германскими помѣщиками и купцами, то вполнѣ естественно, что это пробужденіе сословно-классовой борьбы въ латышскомъ краѣ принимаетъ форму національно-культурной борьбы—борьбы за національное возрожденіе и освобожденіе отъ нѣмецкаго ига.

Крайне трудныя условія борьбы, а также необходимость искать поддержки въ русскихъ общественныхъ кругахъ, придали первому латышскому національному движенію характеръ руссофильства. Это обезпечивало латышамъ сочувствіе и извѣстную поддержку въ славянофильскихъ кругахъ. Первые вожди латышскаго возрожденія (Христіанъ Вальдемаръ, *Аллунанъ*, Спагиса и др.) въ силу обстоятельствъ, по тактически-политическимъ соображеніямъ, выступили подъ флагомъ обрусительной политики, писали на эту тему статьи и въ русскихъ газетахъ („Московскихъ Вѣдомостяхъ"), отстаивая принципъ тѣснаго единенія латышей съ господствующей народностью. Это вынужденное руссофильство первыхъ латышскихъ націоналистовъ позволило имъ кое-что сдѣлать для родной культуры. Они положили начало независимой отъ нѣмецкаго вліянія латышской прессѣ, латышской свѣтской литературѣ и общественной жизни.

Въ средѣ латышской интеллигенціи перваго призыва крупныхъ разногласій не было. Въ своей культурной дѣятельности интеллигенція эта опиралась на латышскую крестьянскую и городскую молодую буржуазію. И поскольку это движеніе способствовало культурному пробужденію и прогрессивному развитію всего латышскаго народа, до того представлявшаго собою сплошную крѣпостную массу рабовъ — постольку это движеніе можно считать и называть общенароднымъ культурнымъ возрожденіемъ. И въ равной мѣрѣ вожди и идеологи

его являлись идеологами національнаго возрожденія всего латышскаго народа [1]).

[1]) Одною изъ типичныхъ фигуръ перваго періода латышскаго національнаго движенія является Христіанъ Вальдемаръ—извѣстный общественный дѣятель, знатокъ мореплаванія, положившій начало балтійскому каботажному мореплаванію, работавшій также въ общихъ и спеціальныхъ русскихъ изданіяхъ. Онъ пользовался большою популярностью въ московскихъ славянофильскихъ кругахъ и, опираясь на ихъ поддержку, многое сдѣлалъ для латышскаго національнаго движенія, служа истолкователемъ и защитникомъ его передъ тогдашнимъ русскимъ обществомъ и правительствомъ.

Его сподвижникомъ былъ Андрейсъ Спагисъ, отстаивавшій права латышскаго народа на самостоятельное существованіе, на родную культуру и языкъ предъ общественнымъ мнѣніемъ Западной Европы, въ частности — Германіи. Его статья о мѣстныхъ аграрныхъ отношеніяхъ, написанная на нѣмецкомъ языкѣ, является своего рода обвинительнымъ актомъ противъ балтійскихъ бароновъ и произвела большое впечатлѣніе въ нѣмецкихъ кругахъ, заставивъ многихъ взглянуть съ совершенно новой точки зрѣнія на Балтійскій вопросъ. Горячимъ патріотомъ, фанатично преданнымъ дѣлу національнаго возрожденія является Аписъ Кронвальдъ—талантливый ораторъ и даровитый публицистъ, много поработавшій для просвѣщенія латышей. Среди націоналистовъ перваго призыва еще выдѣляются Юрисъ Аллунанъ—латышскій поэтъ и сатирикъ, Ф. Привземнегъ — педагогъ-организаторъ и литераторъ, переводчикъ на латышскій языкъ многихъ произведеній русскихъ классиковъ, Кришьянисъ Калнинь—человѣкъ высокообразованный, богато одаренный, интеллигентъ съ необыкновенно чуткою и мягкою душой, Юрисъ Матеръ—даровитый публицистъ-самородокъ, страстный защитникъ правъ латышской крестьянской буржуазіи, пользовавшійся большою популярностью въ этой средѣ, Касперсъ Безбардисъ и др. Къ этой же группѣ относится и здравствующій нынѣ престарѣлый латышскій бардъ—Кришьянисъ Баронъ, собиратель латышскихъ народныхъ пѣсенъ (собралъ свыше 20 тыс. оригинальныхъ пѣсенъ, не считая варіантовъ; эти пѣсни изданы Императорской Академіей Наукъ), а также талантливый латышскій поэтъ М. Крогземисъ (псевдонимъ Аусеклисъ), являющійся вдохновеннымъ пѣвцомъ возрожденія, сокрытой силы и мощи народа національнымъ поэтомъ этого періода. Его легкій, звучный стихъ проникнутъ горячею любовью къ родинѣ, къ ея прошлому и дышитъ несокрушимою надеждою на ея лучшее будущее.

Подъ флагомъ національнаго возрожденія и единства развивалось это движеніе вплоть до конца 80 г.г. прошлаго столѣтія. За это время Латышская буржуазія окончательно сложилась и окрѣпла какъ самостоятельное соціальное тѣло. Экономически она вполнѣ эмансипировалась отъ баронской зависимости. Въ городахъ латышская буржуазія тоже заняла опредѣленное и матеріально устойчивое положеніе. Въ рукахъ латышей находятся уже дома и торговыя и промышленныя предпріятія; для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ они уже создали свои общества, во главѣ которыхъ стоитъ своего рода центръ тогдашней культурной жизни латышскаго народа—Рижское латышское о-во; кромѣ того, они уже имѣютъ свои журналы, газеты, литературу, хотя и не богатую, но созданную своими же литераторами—по происхожденію и идеѣ. За это же время край пережилъ эпоху германизаціи (70 г. г.)—тщетной

Это дѣятели перваго „боевого" періода воскресенія народа, и потому дѣятельность ихъ отличается особою энергіей и страстностью. Имъ приходилось прокладывать первыя борозды, принимать на себя первые удары противниковъ. Слѣдующему поколѣнію народниковъ уже легче было идти протореннымъ путемъ, да и программа ихъ дѣятельности значительно умѣреннѣе и мягче. Къ этой группѣ принадлежатъ В. Дирикъ—основатель газеты „Балтійскій Вѣстникъ" (впослѣдствіи „Dsimtenes Westnesis"), Веберъ (редакторъ газеты „Голосъ"), Лаутенбахъ-Юсминшъ—авторъ латышскихъ народныхъ легендъ, написанныхъ въ не совсѣмъ удачномъ ложноклассическомъ духѣ, Вейсманъ—редакторъ клерикальной „Латышской Газеты", беллетристъ Пурапуке и др. Это уже представители національнализма, нѣсколько укрѣпившаго свое положеніе и приступившаго къ использованію одержанныхъ побѣдъ. По сравненію съ предыдущимъ поколѣніемъ они кажутся стоящими значительно правѣе, хотя на самомъ дѣлѣ являются лишь продолжателями того же дѣла въ другой лишь стадіи его развитія. Впослѣдствіи изъ одного этого корня вышло нѣсколько направленій — крайнее правое, реакціонное, представителемъ котораго является упомянутый Фр. Вейнбергъ и другія рептиліи, умѣренно-либеральное съ органомъ „Latwija" и к.-д. съ „Ds. Westn." и др.

попытки бароновъ и пасторовъ путемъ полунасильственной германизаціи латышей вернуть себѣ утраченное надъ ними вліяніе, а также расколоть латышей, превративъ наиболѣе зажиточную часть латышской буржуазіи въ „нѣмцевъ“. Попытка эта имѣла лишь частичный, весьма незначительный успѣхъ—главнымъ образомъ, среди городскихъ ремесленниковъ. Остальная часть латышей уже настолько опредѣлилась, что не стыдилась признавать свою принадлежность къ латышскому народу и бороться за признаніе своей культуры, своего національнаго лица.

Въ 90 г. г. край пережилъ эпоху мрачной руссификаціи, обрушившейся, прежде всего, на латышскую народную школу. Къ этому же времени относится возникновеніе перваго суевѣрнаго раскола въ средѣ латышской интеллигенціи. Расколъ этотъ обусловливается выступленіемъ на арену мѣстной соціально-политической жизни новой силы—латышской демократіи.

Классовыя противорѣчія между отреченными латышскими безземельными пролетаріями—батраками и крестьянами усадебовладѣльцами, а также между латышами-рабочими и латышскими представителями въ городахъ обозначались уже раньше. Но наиболѣе яркое выраженіе эти противорѣчія пріобрѣли съ переходомъ латышской буржуазіи отъ нападенія къ оборонѣ захваченныхъ уже позицій, къ обезпеченію за собой не только права и свободы владѣнія землей, но также права и свободы эксплоатаціи труда батраковъ. Если еще не можетъ быть рѣчи о полномъ противопоставленіи этихъ различныхъ слоевъ латышскаго народа другъ другу, какъ двухъ враждующихъ и вполнѣ опредѣлившихъ свои позиціи и взаимоотношенія классовъ, то все же взаимный антагонизмъ и къ этому времени выражался достаточно ярко и опредѣленно. Этотъ переломъ въ соціально-экономической жизни края ознаменовался въ латышской прессѣ и литературѣ высту-

пленіемъ т. н. „новонаправленцевъ“, группировавшихся вокругъ газеты „Deenas Lapa“.

Въ самомъ началѣ ихъ оппозиція старому латышскому народничеству эпохи возрожденія носила смѣшанно-демократическій характеръ. Они объявили войну старымъ богамъ, старымъ истинамъ и лозунгамъ, старымъ формамъ движенія, не удовлетворявшимъ новые, назрѣвшіе запросы. Затѣмъ, это теченіе кристической мысли оформилось и окрѣпло, и идеологія латышской демократіи приняла опредѣленное направленіе, сложившись подъ вліяніемъ марксизма, какъ идеологія латышскаго рабочаго движенія.

Новое теченіе латышской общественной мысли скоро пріобрѣло многихъ сторонниковъ и сдѣлалось весьма популярнымъ въ народныхъ массахъ. Правда, обрушившіяся на латышскихъ марксистовъ преслѣдованія скоро закрыли для нихъ почти всѣ пути къ легальной дѣятельности. Первые піонеры этого движенія были арестованы и высланы. Но это, конечно, не помѣшало росту его, и оно быстро развивалось, принявъ лишь другія формы. Быстрый и въ то же время серьезный и глубокій успѣхъ новаго движенія среди латышей объясняется всецѣло соціально-экономическимъ строемъ народной жизни, вполнѣ опредѣлившимся къ этому времени. Выяснилось, что значительнѣйшая часть латышскаго народа волею историческихъ судебъ обречена остаться пролетаріями—батраками и рабочими. И съ ростомъ грамотности и образованія въ странѣ это большинство населенія начало сознавать свое положеніе и искать выхода изъ него. И это, естественно, привело, къ образованію новаго идейнаго теченія [1]).

---

[1]) Начало выступленія латышскихъ марксистовъ относится—какъ мы уже указывали—къ 90 г. г. прошлаго столѣтія. Первыми піонерами этого движенія являются г. г. П. Стучка, А. Розинъ, Янисъ Асаръ, А. Плекшанъ (псевд. Райнисъ), Т. Вальтеръ, И. Янсонъ и др. Упо-

Это новое теченіе первое опредѣлилось и оформилось какъ политическая партія съ опредѣленною программою. Остальныя соціальныя группы латышей въ этомъ отношеніи значительно отстали отъ передовой демократіи. Во всякомъ случаѣ до 1905 г. въ латышскомъ обществѣ, кромѣ упомянутой рабочей партіи, строго опредѣленныхъ политическихъ партій не было, хотя взаимоотношенія отдѣльныхъ группъ уже начинали обозначаться и опредѣляться къ 1905 г.

А. Розинъ вынужденъ былъ эмигрировать заграницу, гдѣ въ свое время редактировалъ латышскій марксистскій журналъ „Sozialdemokrats“. Розинъ—знатокъ мѣстныхъ аграрныхъ отношеній, авторъ исторической монографіи развитія мѣстныхъ аграрныхъ отношеній „Латышскій крестьянинъ“ (вышла I часть).

Плекшанъ (Райнисъ) болѣе извѣстенъ, какъ поэтъ. Убѣжденный и искренній демократъ, онъ воплотилъ въ своихъ стихотвореніяхъ свои идеалы и убѣжденія въ живые яркіе образы. И эта форма соотвѣтствуетъ какъ нельзя лучше содержанію его поэзіи, воспѣвающей борьбу трудящихся, ихъ идеалы, стремленія, надежды, провозглашающей зарю новой, лучшей жизни. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ на русскій языкъ не переведены стихотворенія Райниса; впрочемъ, русскому читателю вообще неизвѣстны лучшія произведенія латышской литературы. Райнисъ значительную часть своей жизни провелъ заграницей.

Весьма видной фигурой среди первыхъ латышскихъ марксистовъ является также И. Асаръ, скончавшійся въ 1908 г. Талантливый публицистъ и ораторъ, онъ сыг-

---

мянутыя лица группировались вокругъ газеты „Deenas Lapa“, редактируемой Стучкою и Плекшаномъ.

Стучка и А. Розинъ считаются родоначальниками латышскаго ортодоксальнаго марксистскаго движенія. Стучка—авторъ ряда статей по экономическимъ вопросамъ, а также по вопросу о національномъ бытіи латышей.

ралъ значительную роль въ движеніи 1905 г., являясь виднымъ дѣятелемъ рабочей партіи. Событія 1906—7 г. г. пагубно отразились на его здоровьи. Онъ весь ушелъ въ литературную работу, но надорванный тяжелыми переживаніями организмъ его не выдержалъ крайне напряженной работы: онъ тяжко заболѣлъ и въ 1908 г. скончался въ Ригѣ.

Говоря о первыхъ піонерахъ марксизма въ латышскомъ краѣ, нельзя не упомянуть также о журналистѣ И. Янсонѣ, ближайшемъ сотрудникѣ П. Стучки, Розина и Асара. Наибольшею популярностью пользуются его критическія статьи о латышскихъ декадентахъ, проникнутыя ѣдкимъ сарказмомъ и уничтожающею критикой. Но уже до 1905 г. латышская литература насчитывала цѣлый рядъ крупныхъ именъ, дѣйствительныхъ талантовъ, давшихъ рядъ цѣнныхъ произведеній. Положено начало серьезному латышскому національному театру, искусству. Край покрылся цѣлою сѣтью всевозможныхъ обществъ. Значительно увеличилось также число періодическихъ изданій на латышскомъ языкѣ. Въ городахъ латыши приняли дѣятельное участіе въ общественной жизни и открыли борьбу за участіе въ мѣстномъ самоуправленіи, за оттѣсненіе нѣмцевъ отъ монопольнаго господства въ городскихъ думахъ. Съ другой стороны, и латышская демократія выступила на путь активной борьбы за свои права. Но мѣстные консервативные нѣмецкіе круги не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ духу времени и крѣпко держались за свои феодальныя привилегіи, не допуская латышскихъ крестьянъ къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи; нѣмецкіе бароны захватили въ краѣ въ свои руки всѣ высшія административныя должности и, пользуясь этимъ, а также опираясь на нѣкоторыя свои дворянскія прерогативы (право патроната, напр.) всячески притѣсняли крестьянъ. Благодаря этому, въ чувствѣ ненависти къ нѣмецкимъ баронамъ, въ недовольствѣ ихъ режимомъ

сошлись всѣ слои и классы латышскаго населенія. Эти чувства были присущи одинаково и буржуазной и демократической интеллигенціи, и онѣ объединили ихъ въ значительной степени въ движеніи 1905 г., поскольку оно было направлено противъ бароновъ и касалось чисто мѣстныхъ условій и требованій.

Движеніе 1905 г. внесло много измѣненій во взаимныя отношенія политическихъ группъ въ латышскомъ краѣ. Прежде всего, отношенія стали опредѣленнѣе, яснѣе, грани обозначились рѣзче. И только послѣ движенія латышская интеллигенція заняла опредѣленныя позиціи въ лагерѣ той или иной политической партіи или группы, и для дальнѣйшей характеристики ея является возможность классифицировать ее уже согласно установившемуся въ краѣ подраздѣленію и группировкѣ общественныхъ элементовъ и политическихъ партій, къ чему мы теперь и переходимъ.

1905—8 г.—эпоха расцвѣта латышской общественной жизни, эпоха новаго возрожденія. Въ это время возникаютъ политическія партіи, новые органы печати, повсюду наблюдается усиленный спросъ на интеллигентный общественный трудъ. Событія 1905 г. толкнули латышскую интеллигенцію на путь общественной дѣятельности. Среди безчисленныхъ петицій 1905 г. имѣется также петиція отъ имени латышской интеллигенціи. Въ петиціи выставлены общеизвѣстныя тогда радикальныя требованія относительно реформы избирательнаго права, гражданскихъ свободъ и т. д. По отношенію къ національному вопросу въ краѣ впервые открыто провозглашается лозунгъ широкой мѣстной автономіи, правъ національнаго самоопредѣленія и т. д. Подъ этой петиціей имѣются подписи врачей, адвокатовъ, инженеровъ, журналистовъ и др. лицъ свободныхъ профессій. Кажется, это единственный случай совмѣстнаго выступленія латышской интеллигенціи различныхъ оттѣнковъ (конечно, далеко не всей), объединившейся на

почвѣ извѣстныхъ совмѣстныхъ требованій. Конечно, консервативное крыло латышской интеллигенціи и центръ остались при особомъ мнѣніи; значительно влѣво подвинулась лишь подъ вліяніемъ событій либеральная и демократическая интеллигенція. Въ годы наступившей вслѣдъ за этимъ реакціи мы наблюдаемъ обратное явленіе: интеллигенція становится или значительно умѣреннѣе, примыкая къ буржуазнымъ партіямъ, или же, занимая совершенно нейтральныя позиціи, начинаетъ относиться безразлично къ вопросамъ политико-общественной жизни. Реакція породила особую группу перебѣжчиковъ, интеллигентовъ, раскаявшихся въ своихъ былыхъ крайнихъ увлеченіяхъ и съ пѣною у рта обрушивающихся въ буржуазныхъ органахъ печати на своихъ бывшихъ товарищей и на исповѣдуемые ими взгляды. Эти перебѣжчики въ иныхъ случаяхъ не останавливались даже передъ доносами. Весьма типичнымъ представителемъ этой категоріи перебѣжчиковъ является въ латышской журналистикѣ публицистъ Янковъ—бывшій с.-д., затѣмъ синдикалистъ, анархистъ — завершившій свою карьеру въ качествѣ сотрудника буржуазныхъ и реакціонныхъ газетъ.

Консервативные элементы латышскаго общества группируются около газеты „Rigas Awise“, руководимой правымъ латышскимъ націоналистомъ Ф. Вейнбергомъ. Газета эта поддерживаетъ правительство во всѣхъ его начинаніяхъ, даже въ области мѣстной политики, придерживаясь буквально взгляда, что „что бы правительство ни дѣлало—все это хорошо“. Въ то же время названная газета ведетъ энергичную борьбу съ латышскою демократіей и даже съ частью прогрессивной интеллигенціи, прибѣгая въ этой борьбѣ къ пріемамъ русской черной сотни. Полицейско-угодническое направленіе „Rig. Aw.“, однако, не имѣетъ много сторонниковъ даже среди латышской крупной буржуазіи; причина этого—болѣе чѣмъ терпимое отношеніе названной газеты и ея

руководителей къ балтійскимъ баронамъ; напр., въ періодъ дѣятельности карательныхъ отрядовъ въ латышскомъ краѣ газета всецѣло поддерживала политику бароновъ, что и вызвало недовѣрчивое къ ней отношеніе даже въ своихъ родственныхъ кругахъ. Около „Rig. Aw." группируется лишь незначительная кучка литературныхъ приживальщиковъ, да нѣсколько интеллигентовъ. Латышская буржуазія словно стыдится этой крайней политической развязности, угодничества и классовой обнаженности, которую проявилъ Ф. Вейнбергъ и группируется около к.-д. партіи и газетъ „Latwija" и „Ds. Westnesis", а также перваго или стараго Рижскаго латышскаго общества. — Консервативно-націоналистическая партія отличается крайнею нетерпимостью по отношенію къ болѣе либеральнымъ теченіямъ латышской общественной мысли. Политическая программа этой группы нѣсколько сродна русской право-октябристской. Ея тактика напоминаетъ тактику польскихъ угодовцевъ. Лозунгомъ ея являются реформы сверху, всегда полное довѣріе къ правительству и поддержка во всѣхъ его начинаніяхъ. По отношенію къ мѣстному національному вопросу консерваторы высказываются за желательность извѣстныхъ реформъ и облегченій латышамъ по усмотрѣнію начальства и въ предѣлахъ возможнаго, чтобы не обидѣть г.г. бароновъ.

Говоря о взаимоотношеніяхъ политическихъ партій въ латышскомъ краѣ, необходимо отмѣтить рѣзкую опредѣленность въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Особенно рѣзко и опредѣленно отмежевались буржуазныя партіи отъ соціалистическихъ. Такъ ни въ коемъ случаѣ невозможно такое явленіе, какъ сотрудничество журналиста-марксиста въ к.-д. изданіи, что весьма часто встрѣчается въ Россіи, особенно въ провинціи. Словомъ, латышскіе к.-д. рѣшительно отмежевались слѣва, оставивъ за собою, однако, право и свободу передвиженія вправо—по мѣрѣ надобности. Это налагаетъ

особый отпечатокъ на латышскую либеральную прессу. Всегда рѣзкая полемика съ лѣвыми; постоянныя ожесточенныя, не всегда даже внѣшне корректныя и выдержанныя нападки на лѣвыхъ, особенно с.-д. и постоянное заигрываніе или, въ худшемъ случаѣ—мирное сожительство съ правыми. Еще недавно латышская газета „Dsimtenes Westnesis“, редактируемая латышскимъ публицистомъ Я. Розе-Лиготнисъ призывала рабочихъ ловить, избивать или доставлять въ участки извѣстныхъ имъ с.-д.; не помню, чтобы когда-нибудь какая либо русская к.-д. и даже октябристская газета доходила въ своемъ полицейскомъ рвеніи до такихъ поистинѣ геркулесовыхъ предѣловъ!

Центральнымъ органомъ латышскихъ либераловъ до послѣдняго времени была упомянутая газета „Ds. W.“ („Вѣстникъ Родины“), наиболѣе распространенная латышская газета, пользующаяся особою популярностью среди крестьянъ-усадебовладѣльцевъ и мелкихъ собственниковъ. Въ газетѣ сотрудничаютъ виднѣйшіе латышскіе либеральные публицисты во главѣ съ Янковымъ. Программа и направленіе ея—сродны русскому к.-д., съ тѣми мѣстными особенностями, которыя мы отмѣчали выше. Ея тактика и политическія стремленія—это застава буржуазіи, приближающейся къ цѣли своихъ достиженій и старательно отмежевывающейся „слѣва“, отъ лѣвыхъ лозунговъ, ненужныхъ ей уже въ новой стадіи ея политической жизни. Этотъ сдвигъ направо весьма характеренъ для латышской буржуазіи послѣднихъ лѣтъ. Принимая по вопросамъ общеполитическимъ почти полностью программу к.-д. въ ея современномъ указанномъ видѣ, латышская буржуазія занимаетъ особую позицію по національному вопросу. Требуя мѣстной автономіи и реформы самоуправленія, они противъ предоставленія его всѣмъ слоямъ мѣстнаго населенія и, въ частности, высказываются противъ предоставленія его батракамъ, сельскимъ рабочимъ. Кромѣ того, латыш-

скіе либералы совершенно расходятся съ демократическими группами въ вопросахъ тактики. Нѣкоторыя требованія—свобода преподаванія на родномъ языкѣ, печати, собраній—сходны съ требованіями болѣе демократическихъ группъ. Рѣзко отрицательное отношеніе „Ds. W." къ демократическимъ партіямъ и особенно ея озлобленно-науськивающій тонъ за послѣднее время породили недовольство въ средѣ латышской либеральной буржуазіи. Кромѣ того, оживленіе политической жизни за послѣдніе годы заставило либераловъ снова задуматься надъ вопросомъ о необходимости искать общихъ путей съ демократіей, тактическое значеніе и сила которой все возрастаетъ. Въ связи съ этимъ возникъ проектъ объ основаніи новаго центральнаго либеральнаго органа. Во главѣ этой оппозиціи стали нѣкоторые представители лѣвыхъ либераловъ: А. Бергъ, Стумбергъ, К. Дуцманъ и др.

Къ этому же направленію примыкаетъ значительная часть латышской интеллигенціи, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова—обосновавшіеся и твердо осѣвшіе врачи, адвокаты, учителя среднихъ учебныхъ заведеній и т. д. и довольно значительная часть латышской учащейся молодежи—сыновья богатыхъ дворохозяевъ, домовладѣльцевъ и т. д., группирующіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ латышскія корпораціи. Своего рода идейнымъ центромъ для этихъ слоевъ все еще является старое Рижское латышское общество, въ свое время сыгравшее столь видную роль въ культурной жизни края. Матеріальнымъ базисомъ этихъ культурныхъ учрежденій латышской буржуазіи является рядъ банковъ и латышскихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ, находящихся въ ея рукахъ.

Значительнѣйшая часть латышской интеллигенціи и учащейся молодежи по своему составу и происхожденію принадлежитъ къ малосостоятельной средѣ низшей и средней буржуазіи. По своимъ взглядамъ

они примыкаютъ къ т. н. демократическому направленію, представляющему собою смѣсь радикально-либеральныхъ и соціалистическихъ взглядовъ. Тутъ можно встрѣтить и бывшихъ и будущихъ марксистовъ и лицъ считающихъ себя марксистами съ извѣстными оговорками и уклоненіями въ сторону утопическаго критицизма, и ярыхъ индивидуалистовъ, анархистовъ, этическихъ соціалистовъ и просто гуманныхъ радикаловъ. Органомъ этого направленія была въ свое время газета „Jaunâ Deenas Lapa“, а затѣмъ „Jaunais Wahrds“, а также журналъ „Domas“ („Мысль“). Это „безпартійно-лѣвое направленіе имѣетъ многочисленныхъ адептовъ, особенно въ средѣ латышской учащейся молодежи, для которыхъ эта стадія духовнаго развитія является неизбѣжнымъ этапомъ къ дальнѣйшему самоопредѣленію.

Представителями этого направленія въ латышской журналистикѣ являются Германъ Асарсъ (братъ популярнаго латышскаго с.-д. Яниса Асара), Деглавъ и рядъ менѣе извѣстныхъ журналистовъ. Въ упомянутыхъ демократическихъ изданіяхъ принимаютъ участіе и многіе журналисты марксисты—единственный случай, когда такое сотрудничество считается допустимымъ, несмотря на расплывчатость руководящихъ идей и политической мысли латышскихъ демократовъ. Политическая программа этой группы—нѣсколько смягченная и передѣланная программа марксистовъ. По національному вопросу „демократы“ являются сторонниками мѣстныхъ реформъ во всѣхъ областяхъ жизни на широкихъ демократическихъ началахъ; по отношенію къ русскимъ проповѣдуется сближеніе на почвѣ общихъ культурно-общественныхъ задачъ. Большое вниманіе удѣляется вопросу о развитіи и о береженіи родной культуры, о разработкѣ самобытныхъ культурныхъ цѣнностей etc.

Совершенно особо стоитъ, занимая опредѣленныя позиціи, латышская марксистская интеллигенція. Въ 1905—6 г.г. это была численно несомнѣнно самая силь-

ная группа латышской интеллигенціи. Въ послѣдующіе годы реакціи ряды ея сильно порѣдѣли, но затѣмъ они опять пополнились свѣжими силами — отчасти изъ рабочей среды, отчасти изъ среды учащейся молодежи. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ Латвіи рабочее движеніе не прекращалось даже въ годы самой мрачной реакціи. И не прекращалось также духовное и культурное движеніе, идейно тѣсно связанное съ рабочимъ вопросомъ. Принявъ почти западно-европейскія формы, рабочее движеніе въ Литвіи достигло весьма значительныхъ успѣховъ и захватило различныя области культурной жизни. Такъ, въ свое время весьма популярными лозунгами въ рабочей средѣ были—борьба за культурные центры, за участіе въ мѣстномъ самоуправленіи и т. д. Борьба за культурные національные центры оказалась весьма успѣшной; рабочимъ организаціямъ и марксистской интеллигенціи удалось создать въ Ригѣ свой народный театръ (новый), основать нѣсколько культурно-просвѣтительныхъ обществъ во главѣ съ центральнымъ просвѣтительнымъ обществомъ, объединяющемъ ихъ дѣятельность „Культура“—вскорѣ, однако, закрытомъ; были основаны также свои издательства, вывыпустившія рядъ весьма цѣнныхъ серьезныхъ изданій; всегда, когда позволяли обстоятельства, издавались свои газеты и журналы, словомъ—поле дѣятельности для этой части демократической интеллигенціи было весьма обширное. Обще-политическая программа и требованія марксистскихъ группъ общеизвѣстны, и потому о нихъ распространяться здѣсь не стану. Отмѣчу лишь позиціи, занятыя латышскими марксистами по національному вопросу. Здѣсь существуетъ нѣсколько теченій. Одни стоятъ на почвѣ обще-програмныхъ ортодоксальныхъ требованій и не выходятъ за ихъ предѣлы, другіе отстаиваютъ принципъ болѣе широкой мѣстной территоріальной и даже экстерриторіальной (Стучка) автономіи. Требованія свободы слова, преподаванія на

родномъ языкѣ, національнаго культурнаго самоопредѣленія въ предѣлахъ мѣстныхъ нуждъ и задачъ одинаковы у всѣхъ.

Таковы основныя группы, по которымъ распредѣляется латышская интеллигенція. Всѣ эти народныя учителя, студенты, курсистки и лица свободныхъ профессій по своимъ взглядамъ и стремленіямъ неизбѣжно примыкаютъ къ какой-либо изъ указанныхъ нами группъ и направленій. Конечно, часть этой интеллигенціи остается совершенно въ сторонѣ отъ общественной и политической жизни, но и въ данномъ случаѣ она стоитъ не внѣ жизни и нельзя говорить о ней, какъ о надклассовой или внѣклассовой интеллигенціи.

Современныя теченія общественной жизни въ латышскомъ краѣ (наканунѣ войны) тоже выдвинули не мало молодыхъ культурныхъ силъ—интеллигентныхъ общественныхъ работниковъ. Латышская демократическая молодежь обучалась, главнымъ образомъ, въ московскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—Коммерческомъ институтѣ, университетѣ Шанявскаго и др. Изъ этой среды вышли уже весьма способные общественные работники и журналисты демократическаго, чаще всего соціалистическаго направленія. Успѣхъ марксистскаго теченія въ латышской общественной жизни и литературѣ обусловливается составомъ и классовыми отношеніями латышей. Большинство народа принадлежитъ къ трудящимся классамъ, а это большинство давно уже живетъ весьма интенсивною духовною жизнью, имѣетъ свои запросы и опредѣленное сознательное отношеніе ко всѣмъ сторонамъ жизни. И въ различныхъ областяхъ общественной и литературно-просвѣтительной работы (театры, клубы, общества, союзы, газеты, журналы etc.) эти слои нуждаются въ своей интеллигенціи, которую они не въ состояніи пока выдѣлить изъ собственной среды. И эту интеллигенцію въ значительныхъ размѣрахъ поставляютъ наши свободныя высшія учебныя

заведенія. Привилегированное же латышское студенчество въ массѣ своей консервативно или въ лучшемъ случаѣ придерживается либеральныхъ взглядовъ. Среди нихъ не мало также бывшихъ демократовъ-„перебѣжчиковъ“, дѣятелей 1905—6 г.г. Но это—явленіе, общее для всѣхъ странъ и народовъ. Эпохи реакціи всегда характеризуются отходомъ интеллигенціи на другія позиціи.

Одно изъ характерныхъ явленій латышской общественной жизни, это—образованіе латышскихъ интеллигентныхъ колоній въ Россіи. Такія колоніи издавна существуютъ въ Москвѣ и Петроградѣ. Здѣсь скопилось немало латышскихъ эмигрантовъ, масса учащейся молодежи, и это повело къ созданію здѣсь культурныхъ центровъ—латышскихъ обществъ, къ возникновенію здѣсь латышскихъ періодическихъ изданій. Выходъ латышскихъ газетъ въ Петроградѣ обусловливался также чисто цензурными условіями: здѣсь цензура была мягче, чѣмъ въ Ригѣ, гдѣ бароны всегда имѣли возможность преслѣдовать и закрывать демократическія латышскія газеты. Въ періодъ 1905—8 г.г. въ Петроградѣ выходило нѣсколько латышскихъ газетъ, изъ которыхъ большою популярностью пользовались (въ 1909 г.) „Peterburgas Awises“, сыгравшія въ латышскомъ освободительномъ движеніи ту же роль, что „Наша Жизнь“ въ русскомъ.

Заканчивая характеристику латышской интеллигенціи, нельзя не упомянуть объ одной весьма типичной, особо стоящей фигурѣ—латышскомъ писателѣ Андреѣ Нѣдра. Богословъ по образованію, пасторъ по профессіи онъ въ то же время является авторомъ нѣсколькихъ выдающихся беллетристическихъ произведеній. Наибольшею извѣстностью пользуются его романы „Сынъ крестьянина“, „Когда луна идетъ на убыль“, „Новь“ и драма „Земля“. Нѣдра извѣстенъ также, какъ публицистъ и общественный дѣятель. Въ 1906 г. онъ въ качествѣ

редактора латышскаго журнала „Austrums“ выступилъ въ союзѣ съ извѣстнымъ реакціонеромъ П. Вейнбергомъ противъ латышскихъ демократовъ, обрушившись на нихъ въ рядѣ статей. Затѣмъ въ 1909—10 г.г. онъ вдругъ мѣняетъ позиціи и выступаетъ открыто и столь же страстно на защиту этой демократіи. За послѣдніе годы онъ совершенно ушелъ отъ литературной и общественной дѣятельности въ свои пастырскія обязанности.

Таковы главныя страницы въ исторіи латышской интеллигенціи, таковы ея наиболѣе видные представители и основныя подраздѣленія и настроенія наканунѣ войны. Въ продолженіе всего какихъ-нибудь 65 лѣтъ этотъ молодой, неисторическій въ массѣ своей трудовой крестьянскій народъ сумѣлъ создать свою, хотя и небольшую еще, молодую, но устойчивую національную культуру, выдѣлить свою довольно многочисленную и дѣятельную интеллигенцію. И въ началѣ XX ст. передовая латышская демократія во главѣ со своею интеллигенціею выступаетъ уже въ качествѣ передового борца за родную культуру, за права и свободу родного народа, идя въ этой борьбѣ рука объ руку съ передовыми слоями русской демократіи и русской интеллигенціи. Эта героическая борьба, а также достигнутые въ ней успѣхи во всякомъ случаѣ даютъ латышскому народу право на признаніе его правъ на національное существованіе и на дальнѣйшее свободное самостоятельное развитіе, въ духѣ основныхъ принциповъ братства, равноправія и свободы національностей. Будущее латышскаго народа—это будущее латышской демократіи, въ руки которой уже переходитъ дѣло національной культуры. И это служитъ лучшей гарантіей того, что этотъ народъ всегда будетъ чуждъ всякихъ узко-сепаратическихъ, имперіалистскихъ и шовинистически-милитаристическихъ стремленій. Это зависитъ не отъ особенностей латышскаго національнаго

характера, а отъ общихъ мѣстныхъ условій—состава и характера населенія, взаимоотношенія классовъ и т. д. И эти условія въ латышскомъ краѣ складываются именно въ пользу широкой демократической автономіи. Будемъ надѣяться, что послѣ кровавыхъ испытаній, переживаемыхъ теперь краемъ, этотъ идеалъ воскреснетъ при болѣе нормальныхъ условіяхъ и принесетъ измученному народу счастье и свободу.

К. Ландеръ.

Экономическіе и культурные успѣхи латышскаго народа.

Экономическое и культурное возрожденіе латышскаго народа шло въ послѣдніе годы съ такой быстротой, что изъ сторонних только рѣдкіе имѣютъ хоть нѣкоторое понятіе о теперешнемъ культурномъ состояніи латышей. Даже тѣ, кто не видали Латвіи съ 1905 года, не имѣютъ вѣрнаго представленія о томъ, насколько окрѣпла здѣсь сельско-хозяйственная культура, увеличилась власть городской буржуазіи, развились общества, наука, искусства.

Латышскій народъ, это—великанъ, выздоравливающій послѣ вѣковой болѣзни, разрывающій цѣпи, которыя столѣтіями приковывали его къ барской сохѣ. Еще 50 лѣтъ тому назадъ онъ состоялъ исключительно изъ барщинниковъ съ „личной свободой"—полурабовъ патриція-балта; теперь же латыши имѣютъ не только всѣ сословія и классы населенія, но и свою довольно богатую, хотя еще неглубокую національную культуру, обширную литературу, свои театры и оперы и даже мечтаютъ о національной высшей школѣ. Правда, и сейчасъ въ Латвіи еще много угнетенныхъ крестьянъ и рабочихъ, но даже эти крестьяне и пролетаріи не чужды сознанія своего достоинства; нерѣдко такой угнетенный становится носителемъ культурныхъ началъ въ своемъ народѣ, стоитъ во главѣ просвѣтительныхъ и земледѣльческихъ обществъ, выступаетъ какъ пѣвецъ хора, артистъ лю-

бительской сельской труппы и т. д. Рядомъ съ нимъ стоитъ зажиточный крестьянинъ; это—человѣкъ, который живетъ въ просторныхъ комнатахъ съ заломъ, съ мягкой мебелью и роялью; сынъ его—студентъ, а дочь—гимназистка или курсистка. Онъ машиной пашетъ, машиной сѣетъ и жнетъ, нерѣдко дѣлаетъ экскурсіи въ Швецію и Данію, чтобы изучить новѣйшіе способы хозяйства. Этотъ крестьянинъ не пропускаетъ случая, чтобы повидать лучшіе спектакли или народные праздники въ своей національной столицѣ—Ригѣ.

Таковы верхніе слои простого крестьянства—сѣраго простонародья, того самого народа, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ въ полной культурной опекѣ у нѣмцевъ, и въ котораго въ послѣднее столѣтіе всѣми средствами старались влить или нѣмецкій или русскій духъ и культуру. Этотъ народъ не только не потерялъ своей самобытности и своего языка, но безъ своей аристократіи, безъ національныхъ университетовъ и широкаго самоуправленія создалъ свою національную культуру и въ послѣдніе годы перешелъ въ наступленіе противъ вѣковыхъ господъ края. Какъ возможно было такое явленіе, какъ понять такое необыкновенно быстрое движеніе впередъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, бросимъ бѣглый взглядъ на главные этапные пункты развитія латышскаго народа въ прошломъ столѣтіи.

Въ свое время шведы пытались было освободить латышей и эстовъ отъ крѣпостной зависимости, но напрасно: въ екатерининскую эпоху послѣдніе были сдѣланы полными рабами господъ-помѣщиковъ. Великія либеральныя движенія восемнадцатаго вѣка, Наполеоновскій походъ, страстная проповѣдь Гарлиба Меркеля—все это создало движеніе въ пользу реформъ, и почти сто лѣтъ тому назадъ латыши получили свободу, но свободу птицы—личную свободу безъ земли,—это было приблизительно въ то время, когда освобождены были крестьяне въ Западной Европѣ. Однако, вплоть до шестиде-

сятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, крестьяне за пользованіе барской землей должны были отбывать ту же самую барщину, что и раньше. Только съ этого времени мало-по-малу они получаютъ землю въ аренду. Рѣдкіе получаютъ даже возможность сдѣлаться собственниками своей земли. Изъ этихъ собственниковъ и арендаторовъ усадебъ возникаетъ первая латышская интеллигенція. Въ цѣломъ, реформа 1819 года мало принесла пользы латышскому народу, какъ цѣлому, но безъ всякаго сомнѣнія много посодѣйствовала его разслоенію.

Даже въ годы великихъ реформъ въ Россіи мѣстные нѣмцы латышей за народъ не считали, хотя у нихъ была уже небольшая интеллигенція: по ихъ пониманію, все это было только крестьянское сословіе. Образованный латышъ былъ либо нѣмецъ, либо русскій. Вотъ почему всѣмъ показалось неслыханной дерзостью, когда въ 50 г. г. дерптскій студентъ Христіанъ *Вольдемаръ*, будущій вождь младолатышей, выставилъ на своихъ дверяхъ визитную карточку съ помѣткой „латышъ“. Даже все младолатышское движеніе казалось нѣмцамъ такой же фантазіей, какъ осушеніе Балтійскаго моря. Вотъ почему первую латышскую интеллигенцію — младолатышей они прозвали „осушителями Балтійскаго моря“.

Младолатыши, Вольдемаръ, Ю. Аллунанъ, К. Баронъ и др. были страстными латышскими національстами, но почти безъ исключенія только литератами. Основать общества и работать въ нихъ имъ не удалось. Съ 1862 года только что кончившій университетъ К. Вольдемаръ въ Петроградѣ сталъ издавать знаменитую „Peterburgas Awises“. Газета расходилась въ 4000 экземплярахъ, что для того времени было очень большимъ успѣхомъ. Хотя она разсчитывала только на крестьянъ, она все же давала въ своихъ столбцахъ не только критику дворянской неограниченной власти, самоуправленія и консервативныхъ представителей своего народа, которыхъ тогда называли „касатыми“, но даже статьи изъ политической экономіи,

изъ психологіи, объ англійскомъ парламентѣ и англійскихъ рабочихъ. „Р. А.“ выходила въ исключительно трудныхъ условіяхъ. Это была эпоха великихъ реформъ, но вмѣстѣ и польскаго возстанія, отдѣльныя вспышки котораго были и въ Курляндіи. Для иллюстраціи приведу одинъ случай. Во время польскаго возстанія Курляндскіе крестьяне задумали засвидѣтельствовать передъ престоломъ свою лояльность. Учитель Безбардисъ составилъ для крестьянъ всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ говорилось, что латыши, вопреки лживымъ навѣтамъ, вполнѣ лояльны и преданы престолу. За такой „поступокъ“ Безбардисъ былъ сосланъ въ Клинъ, ибо такія фразы говорить и посылать адреса не дѣло латышскихъ крестьянъ. Конечно „Peterburgas Awises“ скоро закрыли и за главными ея сотрудниками установленъ былъ надзоръ. Но „Peterburgas Awises“ сдѣлали свое дѣло: своими смѣлыми статьями онѣ пробудили національное сознаніе широкихъ массъ, доказавъ всѣмъ, что и латышъ имѣетъ *право думать и говорить*. Онѣ бросили въ народъ сѣмя стремленія къ образованію и къ самобытности. Впрочемъ, на реформы въ Балтикѣ все это вліять не могло.

Одновременно съ работой въ латышской прессѣ и особенно послѣ закрытія „Peterburgas Awises“ младолатыши боролись за реформы и въ русскихъ газетахъ. Нѣмцы сумѣли убѣдить сферы, что Балтикѣ совсѣмъ не нужны аграрныя реформы, ибо онѣ проведены уже въ 1819 и 1849 г.г. Младолатыши, видя свое безсиліе, рѣшили искать поддержки у наиболѣе сильной русской партіи и сблизились съ извѣстнымъ Катковымъ и славянофилами. Чтобы подойти къ славянофиламъ, Вольдемаръ и его друзья писали, что латышей надо сблизить съ русскимъ народомъ, и дѣйствительно сами положили этому начало посредствомъ основанія латышскихъ колоній въ центральной Россіи. Вся эта борьба, перенесенная впослѣдствіи на Западно-Европейскую

арену, замѣтно заинтересовала русское общество и обратила вниманіе правительства на безправное положеніе латышей. Въ Балтикѣ были проведены нѣкоторыя реформы: отмѣнена барщина и замѣнена денежной арендой, введено болѣе широкое волостное самоуправленіе и пр.

Однако, въ цѣломъ, Балтія получила только лохмотья великихъ реформъ. Тогда какъ русское общество получило земство, въ которомъ могутъ участвовать даже крестьяне, балтійскіе крестьяне должны были довольствоваться лишь реформированнымъ волостнымъ правленіемъ, ибо высшее самоуправленіе — ландтагъ всецѣло остался въ дворянскихъ рукахъ. Все-таки новое волостное самоуправленіе значительно освободило крестьянъ отъ нѣмецкой опеки. Кромѣ того, русскіе крестьяне были надѣлены землей, а латышскіе должны были пожертвовать цѣлое поколѣніе, чтобы за дорогую плату откупить свою родную землю. Еще теперь среди нихъ есть цѣлый разрядъ крестьянъ—квотные—которые находятся на вполнѣ безправномъ положеніи и живутъ на арендныхъ правахъ. Вся вторая половина прошлаго столѣтія для латышскаго крестьянина прошла въ борьбѣ съ лѣсами и болотами, въ стремленіи улучшить хозяйство и въ усиліяхъ создать вмѣстѣ съ другими классами свою латышскую культуру. Крестьянина 70 и 80 гг. латышская поэзія изображаетъ, какъ человѣка съ медвѣжьей силой, побѣждающаго лѣса и болота. Дѣйствительно, за это время онъ свою родную землю превратилъ въ цвѣтущія нивы. Въ 1866 году въ Лифляндіи подъ пашней было только 28% всей площади земли. Между тѣмъ, по анкетѣ 1913 г. Рижскаго центральнаго сельско-хозяйственнаго общества, вспашка на крестьянскихъ участкахъ была немного ниже 50%.

Къ концу прошлаго столѣтія болѣе половины латышскихъ крестьянъ успѣли сдѣлаться собственниками своихъ усадебъ и стать вмѣстѣ съ тѣмъ экономически

независимыми отъ бароновъ. Въ тѣсной связи съ экономическимъ освожденіемъ латышскіе крестьяне мало-по-малу пріобрѣли и духовную свободу. Смиренный, рабскій духъ, характерный для культурныхъ дѣяній латышей въ началѣ прошлаго столѣтія, совершенно исчезъ. На рубежѣ 20 столѣтія и особенно послѣ революціи въ латышской деревнѣ мы видимъ двѣ обособленныхъ враждебныхъ величины—нѣмецкаго дворянина и латышскаго крестьянина. Каждый изъ нихъ теперь живетъ въ своемъ особомъ культурномъ мірѣ, и одинъ другого почти что не знаетъ. Только живущіе на арендныхъ правахъ крестьяне во всемъ подчинены помѣщику-нѣмцу.

Молодой классъ крупныхъ латышскихъ землевладѣльцевъ, однако, не ведетъ обособленной жизни, стоя во главѣ многихъ сельско-хозяйственныхъ и торговыхъ предпріятій. Въ послѣднее время вмѣстѣ съ крупной городской буржуазіей онъ стремится создать свою особую великобуржуазную культуру латышей. Впрочемъ, сама городская буржуазія еще молода и слаба сравнительно съ другими классами, хотя въ мелкихъ городахъ она состоитъ сплошь изъ латышей, а въ Ригѣ и въ Либавѣ латыши даже дали нѣмцамъ нѣсколько успѣшныхъ сраженій изъ-за городского самоуправленія. Завоевать теперешнее положеніе въ городахъ латышамъ было очень трудно. До 60 гг. населеніе прибалтійскихъ городовъ состояло почти исключительно изъ нѣмцевъ, которые по національнымъ соображеніямъ и боясь конкуренціи, неохотно допускали латышей въ города. Первое латышское городское населеніе состояло изъ мелкихъ торговцевъ и барской прислуги, изъ которыхъ нѣкоторые, разбогатѣвъ, становились затѣмъ домовладѣльцами въ пригородахъ. Кто хотѣлъ занять кое-какое положеніе въ городахъ, долженъ былъ выдавать себя за нѣмца. Поэтому, первые представители латышской буржуазіи всецѣло подда-

лись вліянію нѣмецкой культуры: въ своей лавкѣ, семействѣ, у нѣмцевъ говорили они по-нѣмецки, но въ латышскомъ обществѣ были тихими латышскими націоналистами. Даже теперь еще латышская городская буржуазія какая-то несознательная, безыдейная. Цѣлые слои въ ней не обнаруживаютъ активности и живыхъ общественныхъ интересовъ. Только въ самые послѣдніе годы, разбогатѣвъ, латышская буржуазія начала чувствовать свою силу.

Ростъ латышской буржуазіи, это — процессъ медленнаго накопленія силъ. Только съ 1895—1900 года и въ послѣреволюціонное время въ Ригѣ и въ другихъ городахъ наблюдается быстрый ростъ городского населенія и латышскаго домостроительства. Особенно велика урбанизація Латвіи была въ послѣдніе годы: во многихъ приходахъ населеніе стало даже уменьшаться. Вся молодежь, гонимая отчасти духовной жаждой, отчасти надеждой на лучшій заработокъ, ушла въ города. Отсюда послѣдніе годы можно характеризовать какъ годы быстраго роста силъ пролетаріата и городской буржуазіи. Но деревня отъ этого не ослабѣла: благодаря чрезвычайно быстрому распространенію сельско-хозяйственной культуры и машиннаго труда, латышское крестьянство до сихъ поръ считается самымъ сильнымъ классомъ въ Латвіи.

Второй по могуществу классъ—это пролетаріатъ. При освобожденіи крестьянъ три четверти всего населенія были поставлены въ положеніе батраковъ. Теперь въ деревнѣ пролетаріевъ не больше собственниковъ, но за то огромное количество ихъ стеклось въ городахъ. Здѣсь латышскій пролетаріатъ сравнительно хорошо организованъ и глубоко пропитанъ соціалистическими идеями. Такъ какъ въ революціи онъ принималъ очень дѣятельное участіе, то соціализмъ оказалъ огромное вліяніе и на латышскую демократическую интеллигенцію. Можно сказать, что латышскій пролетаріатъ не

знаетъ другой такой одушевляющей всѣхъ идеи, какъ соціализмъ. Латышскій рабочій, если онъ политикъ, то непремѣнно соціалдемократъ. Въ Ригѣ и въ другихъ городахъ есть много рабочихъ обществъ безъ всякой политической окраски, но въ такомъ случаѣ ими не руководитъ никакая общая идея.

Итакъ, въ теченіе 50 лѣтъ изъ сѣрой крестьянской массы латышей выросъ народъ со всѣми общественными классами, народъ съ поголовной грамотностью, создавшій въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій свою самобытную и богатую культуру. Гдѣ-же основа, гдѣ главныя причины или факторы такого удивительнаго роста?— Думается, ихъ очень много.

Правда, матеріалъ, изъ котораго построена латышская нація довольно сѣрый. Латыши не очень общительны, но все-таки не угрюмы и не забиты. Среди нихъ чаще всего попадаются два типа—добродушный, близкій къ Франциску Ассизскому, и типъ жаднаго пріобрѣтателя, который до низости не стѣсняется средствами. Какъ недавніе рабы, латыши не отличаются темпераментомъ. Для приволья, танцевъ, искусства латышъ не имѣетъ много досуга: онъ вѣчный труженикъ. Вотъ почему душа латыша по виду очень сѣрая, но въ самомъ дѣлѣ онъ высѣченъ изъ гранита и во многихъ стремленіяхъ проявляетъ удивительную настойчивость. Несмотря на это, въ латышѣ много душевныхъ чертъ, родственныхъ русскимъ: добродушіе и любовь къ широкой жизни. Съ другой стороны, въ немъ сравнительно крѣпка душевная дрессировка, нѣмецкій меланхолизмъ, аккуратность. Латышъ по своимъ душевнымъ качествамъ стоитъ на полпути между русскими и нѣмцами, съ оригинальными чертами литовско-латышской расы.

Сравнительно съ другими народностями Россіи отличительная черта латышей—трудолюбіе: именно трудомъ онъ побѣждаетъ своихъ враговъ. Труду латыша научила его суровая судьба. Природа Латвіи, особенно

Лифляндіи, неблагодарна. Сколько здѣсь песчаныхъ и глинистыхъ холмовъ! Русскіе крестьяне здѣсь скоро разорились бы. Но латышъ научился работать уже со временъ крѣпостного права, когда передъ нимъ стояла альтернатива: или работай, не поднимая головы, или пропадай. Лютеранская религія и особенно гернгутерская секта только укрѣпили это исторически сложившееся стремленіе къ труду; въ латышѣ они выработали міросозерцаніе, въ силу коего человѣкъ долженъ въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой и жить для труда. Не надо ничего ожидать отъ другихъ, но только давать другимъ. Богъ помогаетъ тому, кто помогаетъ себѣ. Въ новѣйшее время это стремленіе уже сознательно пропагандируютъ идеологи крестьянства и пролетаріата.

Возрожденіе латышей началось съ ихъ просвѣщенія. Первыя попытки просвѣщенія латышей сдѣлало шведское правительство, открывшее первыя латышскія школы и начавшее изданіе книгъ на латышскомъ языкѣ. Великая Сѣверная война погубила всю культуру въ Лифляндіи, да еще больше половины всего населенія; но въ 18 столѣтіи латышскія школы снова возрождаются, хотя только въ Курляндскомъ герцогствѣ. Курляндскій дворъ даетъ и субсидіи на изданіе латышскихъ книгъ. Первыми поборниками латышскаго просвѣщенія были лютеранскіе пасторы и гернгутерская секта. Скоро грамотность въ Балтикѣ стала снова распространяться по шведскому образцу. Сперва въ каждомъ приходѣ была основана приходская школа, которая служила не однимъ церковнымъ надобностямъ. Кромѣ того, дѣтей учили странствующіе учителя. Дѣти должны были учиться читать, знать наизусть катехизисъ, разсказы изъ библейской исторіи и пѣть церковныя пѣсни. Обученіе дѣтей происходило подъ наблюденіемъ пасторовъ. Грамотность была не вездѣ одинакова и распространялась особенно въ тѣхъ приходахъ, гдѣ пасторы много заботились о грамотности. Во время

Наполеоновскаго похода въ нѣкоторыхъ приходахъ Курляндіи процентъ грамотныхъ крестьянъ былъ около 20, а въ 1828 году грамотность въ Курляндской губерніи была приблизительно такая, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Псковской губерніи. Вотъ почему около того времени начинаютъ выходить первыя латышскія, т. е. крестьянскія газеты. Онѣ издавались нѣмецкими пасторами и были по большей части духовнаго содержанія, хотя заключали въ себѣ и свѣтскій отдѣлъ.

До 60 г.г. прошлаго столѣтія о грамотности народа заботились только пасторы и дворянство. Они дали латышамъ слабые начатки теперешней культуры. Все остальное—дѣло самихъ латышей. Школы строятъ латышскія волостныя самоуправленія, и стремленіе къ образованію у латышей становится модой. Къ тому же до 1885 года въ латышской школѣ все преподавалось на латышскомъ языкѣ. Съ 1885 года начинается волна руссификаціи. Родной языкъ почти изгоняется изъ школы. Только Законъ Божій и латышскій языкъ можно было преподавать на родномъ языкѣ. Съ перваго дня ученикъ въ школѣ долженъ былъ говорить только по-русски. Что это значитъ, можно понять, если вообразить, что въ русской деревнѣ съ перваго дня поступленія въ школу крестьянскій мальчишка долженъ былъ бы говорить только по-французски или по-англійски и не смѣлъ бы молвить ни слова на родномъ языкѣ. Школа становится средствомъ пытки. Вотъ почему прежній интересъ къ школѣ значительно упалъ, но все-таки школы латышей не опустѣли совсѣмъ.

Такъ какъ программа народной школы сейчасъ очень ограничена, и дѣти должны учиться на чужомъ языкѣ, то латышская школа далеко не даетъ того, что могла бы дать дѣтямъ. Школа латышамъ не даетъ даже грамотности, такъ какъ въ Латвіи въ школу принимаются только дѣти, умѣющіе уже читать на родномъ языкѣ.

Школа только углубляетъ грамотность, облегчаетъ чтеніе книгъ и газетъ. Когда-то русскіе общественные дѣятели спорили о томъ, слѣдуетъ ли всѣмъ дѣтямъ давать грамотность, хотя бы и неглубокую, или обучать только нѣкоторыхъ, но за то основательно. Большинство рѣшило вопросъ въ томъ смыслѣ, что если дѣтей обучать, то надо и заинтересовать ихъ наукой, книгами, курсами и т. д. Всего этого латышамъ школа не даетъ. Она укрѣпляетъ только традицію поголовной грамотности, и теперь балтійскіе латыши дѣйствительно поголовно грамотны. Только среди Витебскаго латышскаго населенія можно найти неграмотныхъ людей.

Чтобы восполнить недочеты школьнаго обученія, особенно большое вниманіе обращено въ Латвіи на внѣшкольное образованіе. Уже на дѣтей до-школьнаго возраста обращается довольно серьезное вниманіе. При помощи особаго института участковыхъ учителей-крестьянъ мѣстные пасторы заботятся о томъ, чтобы дѣти до поступленія въ школу научились читать на родномъ языкѣ, а послѣ школы до конфирмаціи (18-лѣтняго возраста) не позабывали закона Божія и умѣли бы бѣгло читать. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ Латвіи установилась традиція, что *пасторы не вѣнчаютъ неграмотныхъ людей*. Еще больше даютъ латышамъ общества, гдѣ почти до самаго послѣдняго времени культуртрегеромъ являлся народный учитель. Только въ самое послѣднее время его замѣняютъ наиболѣе интеллигентные крестьяне. Народный учитель начиналъ тамъ, гдѣ кончали пасторы. Самъ латышскій народный учитель и общества имѣютъ своеобразную физіономію. Онъ не идейный человѣкъ, но дѣлаетъ великое идейное дѣло. На столичныхъ курсахъ латышскій учитель—теряющаяся, сѣрая личность. Онъ не говоритъ о громкихъ идеяхъ, какъ русскіе учителя, да и въ самомъ дѣлѣ онъ не очень начитанъ. Вообще, онъ человѣкъ не книгъ, а дѣла. Народный учитель понимаетъ ка-

ждое душевное движеніе крестьянина; среди крестьянской интеллигенціи у него много друзей. Просвѣщеніе народа онъ началъ съ вечеровъ и съ праздниковъ въ зелени. Для народа устраивались танцы и любительскіе концерты.

Особенно популя́рны были праздники въ зелени, такъ какъ ихъ легче всего устраивать. Праздникъ въ зелени устраивается обыкновенно въ какой-нибудь наиболѣе красивой мѣстности данной волости. Одна часть программы состоитъ изъ пѣсенъ, которыя исполняются хоромъ, состоящимъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, подъ управленіемъ того же учителя, а другую часть составляютъ танцы и народное гулянье. Въ такихъ праздникахъ интеллигенція не сторонится народа. Вотъ почему здѣсь самые неразвитые крестьяне учатся жить общественно. Впрочемъ, въ послѣднее время на балы и праздники въ зелени культурные дѣятели смотрятъ не очень благосклонно, такъ какъ эти праздники стали слишкомъ ужъ популярными и отвлекаютъ публику отъ болѣе серьезныхъ вещей—спектаклей, лекцій, библіотекъ, курсовъ; бываютъ лѣтомъ воскресенья, когда въ одномъ уѣздѣ насчитывается до 60 праздниковъ. Вмѣстѣ съ вытѣсненіемъ баловъ и праздниковъ падаетъ и роль учителей въ обществахъ. Высшее идейное руководство переходитъ къ городской интеллигенціи. Къ тому же народный учитель не можетъ по закону участвовать ни въ какихъ профессіональныхъ обществахъ.

Обществъ въ Латвіи сейчасъ около 1000. Большинство изъ нихъ хозяйственнаго характера или общественныя собранія. Сельско-хозяйственныхъ обществъ около 150, столько же просвѣтительныхъ и библіотечныхъ обществъ, около 75 пѣвческихъ и т. д. Классовая дифференціація пустила такіе глубокіе корни, что у латышей не только въ городѣ, но и деревнѣ общества дѣлятся на пролетарскія и буржуазныя. Первыя хотѣли создать новыя традиціи общественной жизни

лекціями и курсами, но въ большинствѣ случаевъ должны были удовлетвориться устройствомъ спектаклей, концертовъ и даже баловъ. Самыя безыдейныя общества по виду—ссудо-сберегательныя кассы. Но онѣ сдѣлали великое дѣло, избавивъ латышей отъ ростовщиковъ; онѣ отпускаютъ доступный мелкій кредитъ и даютъ средства на постройку общественныхъ домовъ. Власть ссудо-сберегательныхъ кассъ до того сильна, что онѣ захватили въ свои руки даже газеты и городскіе театры. Но это только въ городѣ. Въ деревнѣ онѣ—матеріальная опора кооперативовъ и общественныхъ домовъ, которые крестьяне всюду строятъ на свои средства, такъ какъ ландтаги и казна на это никакихъ суммъ не отпускаетъ. Теперь многіе латышскіе приходы могутъ гордиться своими народными домами, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ залы и сцены, пригодныя не только для любительскихъ труппъ.

Дальнѣйшимъ великимъ факторомъ культуры у латышей являются газета и книга, которыя вслѣдствіе поголовной грамотности всѣмъ доступны. Газета въ избѣ крестьянина или въ комнатѣ рабочаго самое обыкновенное явленіе. Во многихъ крестьянскихъ усадьбахъ читается нѣсколько газетъ. Латыши читаютъ не только газеты на своемъ родномъ языкѣ, но еще и на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, такъ какъ половина всей латышской интеллигенціи разсѣяна по Россіи и по западной Европѣ. Кромѣ того, каждое почтовое отдѣленіе въ Латвіи получаетъ русскихъ газетъ не менѣе, чѣмъ въ русскихъ губерніяхъ. Въ началѣ войны у латышей было около 60 своихъ газетъ и журналовъ, изъ которыхъ нѣкоторые выходили въ Америкѣ и въ Западной Европѣ. Ежедневныхъ газетъ было 12, и выходили онѣ въ Ригѣ, Митавѣ и Либавѣ. Это, конечно, не много. Но надо принять во вниманіе то, что на латышскомъ языкѣ никакихъ оффиціальныхъ или земскихъ изданій не выходитъ. Зато нѣкоторыя изданія довольно

распространены. „Jaunakas Sinas—Новѣйшія Извѣстія“ достигла тиража 90—100.000 экземпляровъ, т. е. болѣе, чѣмъ „Русскія Вѣдомости“ и „Рѣчь“, которыя распространяются по всей Россіи. Слѣдующая ежедневная газета расходится въ 50.000 экз., двѣ отъ 15—30 тыс., а остальныя отъ 5—12 тысячъ. Подписная плата ежедневныхъ газетъ только 6 рубл. въ годъ, что дѣлаетъ ихъ общедоступными.

Газеты латышей во многомъ отличаются отъ русскихъ, такъ какъ большинство ихъ издается для простого народа. Всѣ онѣ несравненно популярнѣе русскихъ газетъ. Русскіе земскіе дѣятели часто не знаютъ, какую газету выписать для простого народа, потому что онѣ или непопулярны или слишкомъ бульварны. У латышей нѣтъ газетъ, которыхъ не могъ бы читать весь народъ. Впрочемъ, много тутъ значитъ то, что культурный уровень латышскаго простонародья сравнительно высокъ. Далѣе, латышскія газеты не занимаются только политикой, гаданьемъ, что дѣлается за кулисами, политическимъ кретинизмомъ. Онѣ печатаютъ много статей по культурнымъ вопросамъ, по мѣстному самоуправленію, сельскому хозяйству и т. п. Латышская газета имѣетъ своего корреспондента почти въ каждой волости. Рядомъ съ корреспонденціей о французскомъ искусствѣ она печатаетъ простую агитаціонную корреспонденцію, что въ NN волости надо построить новую школу или что желательно, чтобы въ ней энергичнѣе работали дѣятели. Для простонародья газета не только источникъ новостей, но и великая учительница жизни.

По числу выходящихъ въ Россіи книгъ латышская нація стоитъ на четвертомъ мѣстѣ, а по цѣнѣ выпускаемыхъ книгъ на третьемъ мѣстѣ, т. е. идетъ сейчасъ же за поляками. Книга — самое обыкновенное явленіе въ комнатѣ латышскаго крестьянина или рабочаго. Хотя латыши—народъ маленькій, но новѣйшіе русскіе писатели печатаются только въ немного большемъ

числѣ экземпл., чѣмъ новѣйшіе латышскіе писатели. „Шиповникъ“ и „Просвѣщеніе“ издаютъ русскихъ писателей въ 2—5000 экз., латышскіе печатаются въ 2—4500 экз. Бальмонтъ, Бальтрушайтисъ, Блокъ, Верленъ на русскомъ языкѣ издаются въ 1000—2000 экз., латышскіе—въ столькихъ же, а такіе поэты, какъ Райнисъ и Аспазія печатаются въ 3000, 5000 и даже въ 10.000 экз. Универсальная библіотека на русскомъ яз. печатается отъ 5—10.000 экз., на латышскомъ—6000. Все это, не смотря на то, что латышская интеллигенція почти поголовно читаетъ книги и на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, и что вся Латвія по народонаселенію меньше Рязанской или Воронежской губерніи.

Какой же характеръ носитъ латышская литература? Отвѣтить кратко на это невозможно. Въ общемъ, она даетъ и больше и меньше, чѣмъ могла бы ожидать западно-европейская публика. Латышская культура имѣетъ ту особенность, что она выросла безъ академическаго покровительства или даже вопреки академическому иностранному вліянію и приняла особыя, оригинальныя формы. Такъ какъ литература латышей выросла и окрѣпла подъ вліяніемъ школы и церкви, то проповѣдническій духъ въ ней очень силенъ. Только въ 90 г.г. въ латышской литературѣ появляется интеллигентъ. Латышскій писатель, это — сынъ крестьянина или помѣщика, вышедшій изъ деревни, но проникшій въ европейскую культуру, полный вожделѣній и разныхъ стремленій, полный вопросовъ о жизни. Вотъ почему въ латышской литературѣ самое сильное направленіе—неоромантизмъ, и чувствованіе природы—пантеизмъ здѣсь болѣе распространенъ, чѣмъ въ какой-либо другой литературѣ. Въ этомъ отношеніи латышская литература интересна и для иностранцевъ и дѣйствительно достойна того, чтобы ее переводили на другіе языки. Затрудненіе только въ томъ, что сильная

сторона латышской поэзіи не эпосъ, а лирика, но она непереводима.

Латышская культура носитъ характеръ зачатковъ, такъ какъ у латышей нѣтъ университетовъ и академій, гдѣ она могла бы вырасти. Имъ не разрѣшаются даже среднеучебныя заведенія. Латышская интеллигенція уже давно мечтаетъ о національныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, о народныхъ академіяхъ и университетахъ, но это, повидимому, еще долго будетъ мечтой. Вотъ почему всѣ научныя книги на латышскомъ языкѣ преимущественно прикладного, спеціальнаго характера и издаются по частной иниціативѣ. Капитальные научные труды издаются только въ послѣднее время. Безправное положеніе латышей уродуетъ и ихъ культуру. Латыши, кончившіе университеты, не принимаются на государственную службу на своей родинѣ, а посылаются куда-нибудь въ Сибирь, или въ Восточную Россію, гдѣ они не могутъ быть такъ полезны, какъ на родинѣ. Вотъ почему латыши не такъ охотно поступаютъ въ гимназіи и на филологическіе факультеты, какъ въ реальныя училища и въ техническія учебныя заведенія. Наиболѣе популярный интеллигентъ у латышей—адвокатъ, докторъ и инженеръ. Культура латышей дѣлаетъ ихъ бо́льшими матеріалистами, чѣмъ бы это слѣдовало. Ихъ матеріальные интересы созрѣваютъ несравненно скорѣе, чѣмъ духовные. Это съ отчаяніемъ сознаютъ всѣ поборники духовной культуры и общественности, но измѣнить что-либо они не въ силахъ, такъ какъ корень этого — безправное положеніе латышей, отсутствіе мѣстнаго самоуправленія, латышскихъ среднеучебныхъ заведеній и университета. Даже самоуправленіе могучей Риги, благодаря содѣйствію русскихъ, находится въ нѣмецкихъ рукахъ, а рижскіе нѣмцы не идутъ даже на такія уступки, чтобы на городскія средства построить латышскія галереи, оперы, народные дома. Въ Ригѣ нѣтъ даже приличныхъ публичныхъ

библіотекъ. Всѣ латышскія культурныя созданія—дѣло частной иниціативы. Не будь у латышей матеріальной опоры въ видѣ ссудо-сберегательныхъ кассъ, ихъ культура находилась бы въ несравненно худшемъ положеніи. При лучшихъ обстоятельствахъ теперешнимъ напряженіемъ силъ латыши въ культурѣ достигли бы несравненно бо́льшаго, внесли бы много плодовъ въ сокровищницу человѣчества. Теперь же латыши не столько творецъ, сколько титанъ, пока еще разрывающій цѣпи вѣковъ, ярмо, котораго не знали другія народности Европы. Благодаря теперешнимъ обстоятельствамъ всѣ латышскія культурныя учрежденія носятъ нѣкоторый отпечатокъ дилетантизма. Но въ этомъ дилетантизмѣ виновны только ихъ поработители. Латвія нуждается въ освобожденіи, она нуждается въ культурной автономіи во имя ея творческихъ силъ.

Ив. Лапинъ.

Латышская народная школа.

(По впечатлѣніямъ народнаго учителя).

Грустна исторія латышской народной школы и печально ея теперешнее состояніе.

Съ начала 13 до средины 16 вѣка Прибалтійскимъ краемъ владѣли нѣмцы-католики, съ крестьянъ брали „Schulgeld“ (плату за ученіе), а о школахъ не было и помину. При монастыряхъ имѣлись латинскія школы, гдѣ воспитывались священники. Первыя свѣтскія учебныя заведенія появились въ Прибалтикѣ въ 14 в., но они обслуживали дворянъ и нѣмецкихъ бюргеровъ, а не крестьянъ. Въ 20 г.г. 16 вѣка впервые встрѣчаемъ извѣстіе, что нѣмецкое дворянство заботится и о просвѣщеніи народа: Эзельскій ландтагъ постановляетъ, что каждый помѣщикъ долженъ въ своемъ имѣніи содержать „нищаго“, который бы обучалъ крестьянскихъ дѣтей символу вѣры и заповѣдямъ. Вотъ гдѣ начало Прибалтійской школы: родоначальникъ здѣшняго народнаго учителя—нищій, содержимый помѣщикомъ.

Дѣло ничуть не улучшается съ появленіемъ лютеранства въ Приб. краѣ. Учить и просвѣщать латышей и эстовъ не соотвѣтствовало интересамъ дворянъ, а въ ихъ рукахъ находилась вся власть надъ краемъ. Во II-ой половинѣ 16 вѣка исчезаетъ даже и учитель-нищій, и крестьянъ по воскресеньямъ обучаютъ катехизису и страху Божіему вдовы и старыя дѣвы помѣщиковъ.

Передавая Лифляндію Польшѣ, мѣстное дворянство выговорило (25 и 26 дек. 1566 г.) всѣмъ жителямъ свободу вѣры и учрежденіе учебныхъ заведеній для всѣхъ сословій, не исключая и крестьянскаго. Но за все время владѣнія поляковъ Лифляндіею, кромѣ немногихъ іезуитскихъ, не было учреждено ни одной школы. Войны не прекращались, даже дворянскимъ вдовамъ и дѣвамъ некогда было заниматься обученіемъ латышей и эстовъ катехизису.

Въ 20 г.г. 17 в. Лифляндія переходитъ во владѣніе шведовъ. Шведы, не знавшіе въ своемъ государствѣ крѣпостничества, старались улучшить также бытъ латышей и эстовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они ставили себѣ цѣлью просвѣщеніе Лифляндскаго крестьянства: на казенныя средства была издана Библія на латышскомъ языкѣ; въ 1690 г. послѣдовало положеніе о школахъ, по которому при каждой церкви имѣетъ учреждаться школа съ учителемъ, который долженъ учить крестьянъ чтенію, катехизису и церковному пѣнію. Этимъ было положено начало существующимъ еще и понынѣ въ Лифл. губ. ев.-лют. приходскимъ училищамъ. Казна надѣлила приходскія школы землею, которую лютеранское духовенство и дворянство впослѣдствіи пытались обратить въ церковное имущество. Для вновь открываемыхъ школъ учредили въ г. Юрьевѣ учительскую семинарію, которую казна снабжала даже хлѣбомъ.

Вспыхнула Великая сѣверная война. Исчезли и семинарія и приходскія школы. Вся Лифляндія была страшно опустошена. Петръ возвратилъ лифл. дворянству всѣ привилегіи, которыхъ оно отчасти лишилось при шведахъ. Было оставлено въ силѣ и шведское уложеніе о школахъ и даже предписано возобновить всѣ существовавшія школы. Но мѣстное дворянство, захватившее въ свои руки все управленіе краемъ, оставило это предписаніе неисполненнымъ. Ревизія 1736 г. показала, что во всей Лифляндіи имѣется только 78

приходскихъ школъ съ 540 учащимися. Хотя въ каждомъ приходѣ для школы былъ отведенъ порядочный участокъ земли, но не было ни помѣщеній, ни учителей. На ландтагахъ дворяне много говорили о необходимости строить школы, но, руководствуясь исключительно матеріальными интересами, опредѣленныхъ постановленій по сему предмету не принимали.

Въ томъ же 1736 г. нѣкоторыя мѣстныя дворянки пригласили въ Лифляндію основателя гернгутерской секты, графа Цинцендорфа. Нравственное и умственное состояніе здѣшняго крестьянства произвело на него весьма удручающее впечатлѣніе. Хотя латыши уже вѣками считались христіанами, но по своимъ нравамъ и понятіямъ они всѣ были еще сущими язычниками. Началась пропаганда гернгутеровъ и среди крестьянства. Повсюду основывались ихъ братскія общины, въ которыхъ особое вниманіе обращалось на воспитаніе юношества. Крестьяне охотно посѣщали свои невзрачные молитвенные дома, а кирки стали пустовать. Въ киркахъ проповѣдывали владѣющіе плохо мѣстнымъ языкомъ пасторы на отвлеченныя темы, а понятно излагалось только то: кто и когда долженъ явиться на барщину, кто и въ чемъ провинился, причемъ послѣдніе тутъ же при киркѣ наказывались ужаснѣйшимъ образомъ. А въ молитвенномъ домѣ толковалъ мужикамъ мужикъ же о спасеніи души и о братской помощи. Дѣти тутъ же обучались пѣснопѣнію, молитвамъ, да и чтенію. Чтобы обученіе юношества пошло успѣшнѣе, покровительница гернгутеровъ, генеральша Галлартъ, основала въ г. Вольмарѣ, какъ въ центрѣ гернгутерскаго движенія, латышскую учительскую семинарію, число воспитанниковъ которой скоро возросло до 120. Такое процвѣтаніе гернгутерскихъ начинаній встревожило и мѣстное духовенство и дворянство. Они опасались лишиться всякаго вліянія на умы крѣпостныхъ своихъ крестьянъ: вѣдь не было ни одного прихода,

гдѣ бы не агитировали гернгутерскіе миссіонеры, которыхъ крестьяне признавали, какъ и старшинъ своихъ общинъ, естественными своими руководителями.

Благодаря стараніямъ дворянства, въ 1743 г. правительствомъ были закрыты всѣ гернгутерскія общины и учебныя заведенія. Пробуждавшуюся въ народѣ жажду знанія утолять взялись духовенство и дворянство. Пасторы взяли введенное гернгутерами домашнее обученіе дѣтей подъ свою опеку. Они объѣзжали деревни своего прихода и провѣряли успѣхи дѣтей въ чтеніи и въ знаніи катехизиса. Неумѣющимъ читать они отказывали въ конфирмованіи. А помѣщики стали открывать школы въ своихъ мызахъ. Такъ какъ въ этихъ школахъ за ничтожное вознагражденіе дѣтей обучали грамотные ремесленники (Schulmeister), которые болѣе пользовались своими воспитанниками въ своихъ практическихъ цѣляхъ, нежели занимались обученіемъ ихъ грамотѣ, и такъ какъ дѣтская работа была необходима дома для семьи, не въ мѣру обремененной барщиной, то въ эти мызныя школы дѣтей отдавали только такіе родители, которые сами не умѣли читать. Съ этихъ поръ у латышей укоренился обычай, по которому каждая мать сама учитъ своихъ дѣтей грамотѣ, а контроль надъ домашнимъ обученіемъ дѣтей въ возрастѣ 8—10 лѣтъ принадлежитъ и по сіе время одному только лютеранскому духовенству.

Результатомъ упорядоченія домашняго обученія явилось распространеніе полуграмотности (т. е. умѣніе читать по печатному) во всемъ краѣ. Извѣстный писатель Гупель свидѣтельствуетъ въ 1774 г.: „Нынѣ можно встрѣчать дѣтей восьмилѣтняго возраста, которыя свободно читаютъ книги; рѣдко попадаются лица, старше упомянутаго возраста, которыя не умѣютъ читать“, а въ 1786 г.: „Въ обоихъ герцогствахъ (т. е. въ Лифляндіи и въ Курляндіи), а особенно въ Лифляндіи, открываются и содержатся сельскія школы. Здѣсь часто

встрѣчаются 7—9-лѣтнія дѣти, свободно читающія книги, а вовсе неумѣющихъ читать крестьянъ мало.

Сельскія школы, про которыя говоритъ Гупель, тѣ же самыя уже упомянутыя мызныя школы, которыя народъ прозвалъ „штрафными“, потому что принужденіе отдавать въ нихъ дѣтей крестьяне считали наказаніемъ за то, что сами ихъ не научили грамотѣ.

Освобожденіе 1819 г. крестьянамъ дало личную свободу, но отняло землю. Въ уложеніи идетъ рѣчь и о школахъ. Въ каждомъ приходѣ должно быть учреждено приходское училище, которое имѣетъ цѣлью: 1) готовить учениковъ къ поступленію въ уѣздныя училища (нѣмецкія учебныя заведенія, соотвѣтствующія теперешнимъ прогимназіямъ) и 2) воспитывать для имѣній и волостей писарей, учителей и другихъ должностныхъ лицъ. Вмѣсто мызныхъ школъ составленное ландтагомъ уложеніе вводитъ волостныя училища съ возложеніемъ всѣхъ издержекъ по содержанію ихъ на крестьянскія волостныя общества и съ предоставленіемъ надзора за всѣми школами помѣщикамъ и пасторамъ. Посѣщеніе волостныхъ училищъ, согласно уложенію, безплатно и обязательно для всѣхъ крестьянскихъ дѣтей лютеранскаго исповѣданія, начиная съ 10 лѣтъ и до тѣхъ поръ, пока пасторъ ихъ не признаетъ зрѣлыми. Посѣщеніе приходскихъ училищъ не обязательно, но безплатно; ученики также содержатся на средства волостныхъ обществъ.

Но долгое время эти постановленія существовали только на бумагѣ. Въ 1820 г. въ латышской части Лифляндіи существовало лишь 15 приходскихъ училищъ съ 341 ученикомъ и 85 волостныхъ училищъ съ 1900 учащимися, а домашнимъ обученіемъ пользовалось 39000 дѣтей школьнаго возраста. Помѣщикамъ не было охоты строить для крестьянъ школы, а крестьянскія общества были такъ бѣдны, что имъ это было не подъ силу.

Видя, что мѣстныя власти не приступаютъ къ сооруженію предусмотренныхъ закономъ школъ, правительство манифестомъ 1827 г. передало все учебное дѣло Прибалтійскаго края въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Но этотъ манифестъ остался не приведеннымъ въ исполненіе вслѣдствіе протеста дворянства, и земскія школы края остались попрежнему въ рукахъ духовенства и дворянства. Болѣе, чѣмъ намѣреніе правительства взять въ свои руки просвѣщеніе латышей и эстовъ, встряхнуло мѣстныхъ полубоговъ волненіе среди самого народа. Съ паденіемъ крѣпостного права не была отмѣнена барщина, которая все еще тяжелымъ бременемъ лежала на крестьянствѣ. Когда наступилъ цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ, то терпѣнію народа пришелъ конецъ: многіе стали выселяться „въ теплые края“ (южныя губерніи), а многіе искали спасенія въ принятіи православной вѣры, которой церковнымъ закономъ 1832 г. былъ открытъ доступъ и въ Прибалтійскія губерніи. И вотъ, начинаютъ помѣщики на ландтагахъ и пастора на синодахъ думать и гадать, какъ удержать въ своемъ полномъ распоряженіи народъ. Ландратъ баронъ Бруйнингкъ въ 1834 г. убѣждаетъ своихъ собратьевъ, что, заботясь о просвѣщеніи народа, „мы сами обезпечимъ себѣ матеріальныя выгоды. Мы должны воспитывать разумныхъ, т. е. богобоязненныхъ, трудолюбивыхъ и проворныхъ мужиковъ. Для этого потребуется немного матеріальныхъ жертвъ, но много всеобщаго труда. Мы должны серьезно заботиться о возведеніи надлежащаго числа подходящихъ школьныхъ зданій, о подготовкѣ хорошихъ учителей и о прилежной школьной администраціи“. Въ томъ же году ратовалъ пасторъ Ульманъ передъ синодомъ Лифл. губерніи въ пользу улучшенія народнаго образованія. Избранный Синодомъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Ульмана выработалъ слѣдующій планъ для лифляндскихъ сельскихъ школъ:

1) Такъ какъ домашнее обученіе не удовлетворяетъ возрастающимъ потребностямъ, то должны открываться волостныя школы для всѣхъ дѣтей, какъ мальчиковъ такъ и дѣвочекъ, со слѣдующими учебными предметами: чтеніе, катехизисъ, библейская исторія, церковное пѣніе, письмо и счетъ.

2) Цѣль приходскихъ училищъ—воспитывать хорошихъ учителей, вообще разумныхъ крестьянъ, дѣльныхъ волостныхъ должностныхъ лицъ. Учебные предметы: Законъ Божій, родной языкъ, быстрый счетъ, родиновѣдѣніе и географія, многоголосное пѣніе, садоводство и земледѣліе.

3) Для подготовленія приходскихъ учителей необходимо открыть учительскія семинаріи—одну для латышей, другую для эстовъ.

4) Для надзора за земскими школами учреждаются высшій и уѣздные совѣты.

Эти предложенія обсуждались въ ландтагахъ и на пасторскихъ синодахъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Тѣмъ временемъ предпріимчивый Вольмарскій пасторъ Ф. Вальтеръ выбралъ молодого латыша Цимзе, знающаго нѣмецкій языкъ, и отправилъ его заграницу въ Вейсенфельдскую учительскую семинарію, курсъ которой тотъ кончилъ въ 1839 г. Въ этомъ же году Вальтеръ и Цимзе открыли въ г. Вольмарѣ семинарію для подготовленія латышскихъ приходскихъ учителей. Потомъ нашли, что для дворянства выгоднѣе имѣть только одну учительскую семинарію, общую для латышей и эстовъ, вслѣдствіе чего ее перевели въ г. Валкъ. Семинарія эта состояла подъ непосредственнымъ надзоромъ духовенства; учебные предметы въ ней преподавались исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, а главнымъ, порою единственнымъ преподавателемъ и воспитателемъ былъ самъ директоръ Цимзе, пріобрѣвшій званіе учителя германской начальной школы. Валкская семинарія для подготовленія лифляндскихъ приходскихъ учителей про-

существовала до 1890 г. и выпустила въ свѣтъ свыше 400 учителей. Всѣ они получили нѣмецкое образованіе и немало способствовали онѣмечиванію латышскаго народа.

Такимъ образомъ, одна часть Ульманова плана была приведена въ исполненіе: семинарія готовила учителей для приходскихъ школъ, а сіи послѣднія волостныхъ учителей и прочихъ должностныхъ лицъ. Но долго еще не было осуществлено всеобщее посѣщеніе школы. Къ началу 1849 г. въ латышской части Лифляндской губерніи существовало только 9 волостныхъ школъ.

Наступила эпоха великихъ реформъ 60 г.г. Она принесла окончательное раскрѣпощеніе и латышамъ. Сильный экономическій подъемъ породилъ латышскую буржуазію. Эта молодая буржуазія стала на путь національнаго самосознанія и начала бороться за равныя съ другими народами права. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было для нея—освободиться отъ нѣмецкой опеки. Завязалась сильная борьба между нѣмцами и идеологами молодой латышской буржуазіи, которыхъ нѣмцы прозвали младолатышами. Младолатыши звали къ себѣ на помощь славянофиловъ, называя латышей младшею вѣтвью славянскаго дерева. И славянофилы спѣшатъ на помощь младолатышамъ противъ нѣмцевъ. Въ столичной печати пространныя статьи освѣщаютъ Прибалтійскій вопросъ. На эти статьи обращаетъ вниманіе правительство, и начинается усиленіе русскаго элемента въ Прибалтикѣ: въ Ригѣ открывается русская учительская семинарія, а въ деревнѣ при каждой церкви церковно-приходское училище, гдѣ дѣтей обучаютъ и русскому и родному языкамъ. И къ чему не привело требованіе закона, то осуществилось изъ страха потерять всякое вліяніе на народъ: было введено всеобщее, обязательное посѣщеніе школы. Повсюду открываются волостныя школы, такъ что въ Лифл. губ. существуетъ уже

въ 1861 г. 652 вол. училища съ 24.504 учащимися, а
„ 1871 „ 867 „ „ „ 34.524 „
„ 1881 „ 955 „ „ „ 40.349 „
„ 1886 „ 988 „ „ „ 43.834 „

Для подготовленія волостныхъ учителей дворянство открываетъ особыя семинаріи: въ г. Валкѣ для латышей, а въ Юрьевѣ для эстовъ. Директоромъ латышской учительской семинаріи назначаютъ кончившаго курсъ Цимзевой семинаріи, такимъ образомъ строго соблюдая разъ установленную норму: заграничный элементарный учитель воспитываетъ нашихъ приходскихъ учителей, а одинъ изъ сихъ послѣднихъ — учителей волостныхъ школъ.

Надзоръ за обученіемъ въ волостныхъ школахъ и за домашнимъ обученіемъ имѣютъ церковный попечитель и мѣстный пасторъ. Учителя волостныхъ школъ избираются волостнымъ сходомъ выборныхъ, а приходскіе учителя—церковнымъ конвентомъ. Непосредственное наблюденіе за школами и улучшеніе оныхъ поручается мѣстному правленію приходскихъ школъ, состоящему подъ предсѣдательствомъ церковнаго попечителя (помѣщика), изъ мѣстнаго пастора, учителя приходской школы и школьнаго старшины (крестьянина). Ближайшая ревизія школъ ввѣряется уѣзднымъ комитетамъ земскихъ школъ, состоящимъ изъ главнаго церковнаго попечителя, 2 членовъ, ревизоровъ, избранныхъ дворянствомъ, 2 членовъ духовнаго званія, избранныхъ консисторіею, и 2 членовъ изъ крестьянскаго сословія. Верховный же комитетъ, завѣдывающій всѣми земскими школами губерніи, состоитъ изъ 4 главныхъ церковныхъ попечителей, генералъ-суперинтендента и одного совѣтника, избраннаго дворянствомъ.

По поданнымъ въ 70 г.г. инструкціямъ домашнее обученіе обнимаетъ чтеніе, катехизисъ и таблицу умноженія; въ вол. школахъ преподается: чтеніе, письмо, счетъ, катехизисъ, библ. исторія, начала географіи, пѣ-

ніе, гимнастика (мальчикамъ), рукодѣліе (дѣвочкамъ), и какъ необязательные предметы: нѣмецкій и русскій языки; приходскія школы начинаютъ тамъ, гдѣ кончили волостныя, и кромѣ того учатъ: исторіи, физикѣ, сочиненію, нѣмецкому и русскому языкамъ.

И такъ, подъ давленіемъ разныхъ вѣяній извнѣ зародилась и выросла латышская народная школа. Первоначальное образованіе въ ней давалось исключительно на родномъ языкѣ; нѣмецкій и русскій языки были обязательными только въ приходскихъ школахъ, въ которыя поступали дѣти, кончившія курсъ вол. училищъ.

Со вступленіемъ на престолъ Александра III настала эпоха реформъ для Прибалтійскаго края. Одной изъ самыхъ коренныхъ была школьная реформа. 17 мая 1887 г. были изданы временныя правила, вошедшія впослѣдствіи въ Сводъ Законовъ, которыми всѣ начальныя школы Прибалтійскаго края подчинялись министерству народнаго просвѣщенія. Существующій надзоръ за школами этими правилами не отмѣненъ, только директоръ и инспектора народныхъ училищъ назначены членами комитетовъ съ особыми правами. Такъ какъ лифляндскому барону и лютеранскому пастору было противно работать вмѣстѣ съ русскимъ чиновникомъ, то въ Лифл. губ. всѣ комитеты земскихъ школъ забастовали, а школами управляютъ одни чины инспекціи. Пасторы свою дѣятельность въ сферѣ народнаго образованія ограничиваютъ надзоромъ за домашнимъ обученіемъ и за преподаваніемъ Закона Божія въ школахъ.

Не довольствуясь отказомъ отъ участія въ завѣдываніи школами, лифляндское дворянство закрыло содержимыя имъ учительскія семинаріи. Отдѣльные помѣщики закрыли и свои мызныя школы, взваливъ, такимъ образомъ, на волостныя общества и расходы по образованію дѣтей помѣщичьихъ батраковъ и арендаторовъ.

Народъ на первыхъ порахъ былъ весьма доволенъ реформою. Школа была освобождена отъ постороннихъ вліяній и служила только просвѣтительнымъ цѣлямъ. Вполнѣ сознавая значеніе изученія русскаго языка, всѣ были рады тому, что въ 3-ій годъ ученія дѣти могутъ изучать ариѳметику и географію на русскомъ языкѣ. Для учителей, не вполнѣ владѣющихъ русскимъ языкомъ, были устроены лѣтніе курсы, которые руководились опытными педагогами и охотно посѣщались учителями.

Но скоро пришлось всѣмъ разочароваться.

Новая школьная власть скоро обнаружила стремленіе къ осуществленію словъ, сказанныхъ Катковымъ прибалтійскимъ нѣмцамъ: „Если вы ставили себѣ задачей латышей и эстовъ германизировать, то наша задача состоитъ въ томъ, чтобы руссифицировать васъ вмѣстѣ съ латышами и эстами“.

4 года послѣ введенія реформы была издана новая таблица недѣльныхъ уроковъ съ значительнымъ сокращеніемъ числа уроковъ по тѣмъ предметамъ, которые на всѣхъ ступеняхъ преподаются на родномъ языкѣ (родной языкъ и Законъ Божій). Съ учителей стали требовать все большихъ и большихъ познаній по русскому языку. Инспектора увольняли старыхъ учителей, пожилыхъ гнали на курсы, которыми руководили уже не педагоги, но политики-руссификаторы, которые то и дѣло издѣвались надъ всѣмъ, что дорого и близко сердцу каждаго латыша. Обнаружился недостатокъ въ учителяхъ, почему въ 1897 г. инспекторамъ было предоставлено право назначать учителями и лицъ, не имѣющихъ учительскаго званія, лишь бы они были не моложе 17 лѣтъ и владѣли русскимъ языкомъ. И мѣста уволенныхъ старыхъ учителей стали занимать 17 лѣтніе юноши, кончившіе лишь 2 кл. училища. Хотя въ Приб. краѣ открыли еще одну казенную учительскую семинарію и одногодичные учительскіе курсы при

городскихъ училищахъ, хотя весьма многіе ежегодно сдавали экзамены на разныя учительскія званія, все же въ 1904 г. изъ общаго числа 1243 учителей Лифл. губ. 124 не имѣли учительскаго званія, а около 100 лицъ было моложе 21 года.

Съ ухудшеніемъ состава учителей въ краѣ, изо дня въ день возрастали требованія по русскому языку къ ученикамъ. Директоръ народныхъ училищъ Сомчевскій оффиціально заявилъ: „Главная цѣль мѣстной школы—распространеніе русскаго языка". Законъ 1887 г. толковали такъ, что все обученіе съ перваго же дня должно вестись исключительно на русскомъ языкѣ; чины инспекціи требовали даже, чтобы и родной языкъ преподавался на русскомъ языкѣ. Учителямъ воспрещалось принимать участіе въ мѣстной общественной жизни, читать научныя книги и журналы, а рекомендовалось въ свободное отъ занятій время заниматься плодоводствомъ, огородничествомъ и пр. и выписывать „Сельскій Вѣстникъ" и „Дружескія Рѣчи". Инспектора бранили передъ учениками все, что мило и дорого латышамъ, а съ учителями они обращались въ высшей степени грубо. И стали въ краѣ исчезать учителя-педагоги, а размножаться учителя-промышленники и учителя-ремесленники, которые вмѣсто обученія и воспитанія занимались только дрессировкой, налагая позорящія наказанія на малышей за разговоръ на родномъ языкѣ. Чужда и ненавистна стала народу содержимая имъ же школа.

Чтобы усилить руссификаторскій элементъ въ краѣ, инспектора всячески старались открывать министерскія школы или преобразовывать въ нихъ уже существующія волостныя и приходскія школы. Въ министерскихъ школахъ они являлись единственными хозяевами, въ прочихъ же должны были дѣлиться властью то съ крестьянскимъ самоуправленіемъ и мѣстнымъ пасторомъ, то съ епархіальнымъ начальствомъ.

Такъ латышская народная школа, служившая до 1887 г. орудіемъ для воспитанія мѣстнаго населенія въ повиновеніи дворянству и лютеранскому духовенству, въ 90 г.г. прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія превратилась въ политическое средство руссификаціи. Нежелательныя явленія не замедлили появляться: сокращеніе числа посѣщающихъ школу, упадокъ грамотности, увеличеніе числа малолѣтнихъ преступниковъ. Мѣстное дворянство использовало эти явленія, чтобы снова захватить школу въ свои руки. Уже въ 1896 г. была подана петиція о возобновленіи преподаванія на родномъ языкѣ и о передачѣ школы въ вѣдѣніе дворянскихъ организацій. Въ этомъ ходатайствѣ дворянству было отказано. 22 апрѣля 1905 г. лифляндское дворянство вручило предсѣдателю комитета министровъ графу Витте меморандумъ съ ходатайствомъ признать земскую школу церковнымъ учрежденіемъ, преподавать всѣ предметы на родномъ языкѣ и предоставить управленіе земскими школами мѣстнымъ органамъ, состоящимъ изъ представителей дворянства, духовенства и крестьянства. На это послѣдовалъ отвѣтъ въ журналѣ комитета министровъ отъ 10 мая 1905 г., признающій положеніе школьнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ неудовлетворительнымъ и находящій, что послѣдствіемъ этого явилось пониженіе культурнаго состоянія края.

Все-таки все осталось по старому. Только перемѣны въ составѣ руководителей школьнаго дѣла въ краѣ внесли нѣкоторое разнообразіе. Въ 1906 г. попечителемъ Рижскаго уч. Округа былъ назначенъ умѣренный либералъ Левшинъ. Онъ разрѣшилъ преподавать ариѳметику въ первые 2 года и географію во 2-ой годъ ученія на родномъ языкѣ. Эта уступка не нравилась старымъ руссификаторамъ, и Левшина скоро убрали. Его замѣнилъ „европеецъ“ Прутченко, который циркуляра, изданнаго Левшинымъ, не отмѣнилъ, но старался проводить

руссификаторскія идеи учрежденіемъ многихъ правительственныхъ школъ. Все же Прутченко не употреблялъ въ дѣлѣ руссификаціи некультурныхъ средствъ. А преемникъ Прутченко *Dr. med.* Щербаковъ съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности въ нашемъ краѣ проявилъ себя ярымъ руссификаторомъ стараго закала. Циркуляромъ отъ 27 авг. 1913 г. онъ предписалъ опять всѣ предметы съ перваго же дня ученія преподавать на русскомъ языкѣ. Противъ этого циркуляра единодушно возстала вся разноязычная и разношерстная прибалтійская печать, сельскія и разныя просвѣтительныя общества, но отмѣнить этотъ циркуляръ школьная администрація и не думаетъ. И наша школа продолжаетъ быть не средствомъ просвѣщенія народа, а политическимъ орудіемъ руссификаціи.

Наша многострадальная народная школа разбита на много типовъ. Въ городахъ существуютъ городскія начальныя, заводскія, казенно - приходскія, правительственныя начальныя, церковныя разныхъ исповѣданій, содержимыя просвѣтительными и другими обществами, а также частными лицами начальныя училища; въ деревнѣ: ев.-лют. приходскія и волостныя, православныя церковно-приходскія и вспомогательныя, министерскія 2-хъ и 1-но-классныя, римско-католическія и частныя школы. Всѣ онѣ стонутъ подъ гнетомъ руссификаціи, но въ матеріальномъ отношеніи ихъ положеніе неодинаково. Рижскія городскія начальныя училища, напр., обезпечены хорошо: помѣщенія и все обзаведеніе соотвѣтствуютъ требованіямъ гигіены, въ учебныхъ пособіяхъ недостатка нѣтъ, учителя пользуются приличнымъ вознагражденіемъ, правомъ на пенсію со стороны города. Удовлетворительно положеніе городскихъ начальныхъ училищъ и въ другихъ городахъ, хотя они и во многомъ уступаютъ рижскимъ школамъ. Правительственныя и министерскія училища хорошо обставлены относительно наглядныхъ

пособій и вообще учебныхъ принадлежностей, но помѣщенія не всегда соотвѣтствуютъ гигіеническимъ требованіямъ, а жалованье учителя получаютъ не ниже общеказеннаго. Изъ частныхъ школъ лучше всего обставлены заводскія; школы, содержимыя частными обществами и лицами, часто влачатъ жалкое существованіе. Изъ деревенскихъ школъ относительно наглядныхъ пособій хорошо обставлены министерскія. Въ прочихъ часто учебныя пособія состоятъ лишь изъ двухъ-трехъ растрепанныхъ географическихъ картъ; нѣтъ библіотеки ни для учителей, ни для учениковъ, нѣтъ учебниковъ, письменныя принадлежности ученикамъ безплатно не отпускаются.

Въ жалкомъ состояніи находится большая часть помѣщеній деревенскихъ школъ. Классныя комнаты низки, тѣсны, темны. Тѣснота въ иныхъ школахъ доходитъ до того, что ученики, занимаясь письмомъ, должны класть тетради на подоконники и стоя писать. Для вентиляціи служатъ только форточки. Бываютъ случаи, что двумъ преподавателямъ приходится одновременно заниматься въ одной классной комнатѣ.

Въ Прибалтійской деревнѣ дѣти собираются въ школу въ понедѣльникъ утромъ и остаются въ ней всю недѣлю до субботы. Есть школы, гдѣ классная комната—единственное помѣщеніе для учащихся. Они тамъ же ѣдятъ, спятъ и проводятъ все свободное время. Въ большинствѣ школъ имѣются отдѣльныя спальни, для мальчиковъ и дѣвочекъ особо. Спальни эти еще тѣснѣе классныхъ комнатъ, такъ что иногда въ нихъ нѣтъ мѣста для кроватей, почему и для спанья устраиваются двухэтажныя нары. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ не имѣется особыхъ кладовыхъ, умывальныхъ и раздѣвальныхъ комнатъ, то учащіеся въ спальняхъ же моются, каждый въ своей посудѣ, руки и лицо въ той же водѣ, тутъ же держатъ свое верхнее платье и сохраняютъ недѣльную провизію: каравай хлѣба, да въ коробкѣ

масло съ коноплей и кусочекъ сала. При многихъ школахъ нѣтъ прислуги, такъ что топить печи, приносить воду, подметать полы и зажигать лампы должны ученики сами. Есть школы, около которыхъ нѣтъ колодца; дѣти ходятъ за водой къ ближайшему пруду или къ рѣчкѣ, или пьютъ и моются въ водѣ, начерпанной изъ ямы въ канавѣ. Дворъ не вымощенъ, около школьнаго зданія страшная грязь, а отхожія мѣста часто находятся за дворомъ въ полѣ. Дѣти заносятъ ногами много грязи въ комнаты, гдѣ грязь высыхаетъ, такъ что при подметаніи половъ по утрамъ поднимается пыль облаками; эту пыль вдыхаютъ ученики. Изъ кухни распространяется по всему зданію чадъ. Въ высшей степени испорченный воздухъ днемъ и ночью, исключительно сухая и холодная пища, допотопная, крайне антигигіеничная мебель—вотъ причины, почему дѣти, собравшіеся осенью свѣжими, крѣпкими здоровьемъ, къ веснѣ хвораютъ разными недугами. Зажиточные крестьяне своихъ дѣтей либо отдаютъ въ городскія учебныя заведенія, либо нанимаютъ для нихъ домашнихъ учительницъ, такъ что некому заботиться объ устраненіи разныхъ золъ въ школьныхъ зданіяхъ волостныхъ и православныхъ вспомогательныхъ училищъ, которыя все больше и больше превращаются въ „пастушьи школы“.

А учителю приходится работать въ нихъ по 14 часовъ въ день (съ 7 ч. утра до 9 ч. вечера) за ничтожное вознагражденіе (150—300 р. въ годъ). Онъ исполняетъ превышающую человѣческія силы работу въ антигигіеничной обстановкѣ, подъ гнетомъ двойнаго надзора (инспекторъ и пасторъ) и въ матеріальной зависимости отъ схода волостныхъ выборныхъ. Свѣжему человѣку это не подъ силу. Поэтому, врядъ ли гдѣ-нибудь замѣчается такое бѣгство изъ деревни, какъ среди учительства Прибалтійскаго края. Кто мало-мальски бодрѣй, либо поступаетъ въ какое нибудь высшее учебное заведеніе, либо уходитъ въ городъ. А въ деревнѣ на всю

жизнь остаются лишь люди, имѣющіе какую-нибудь практическую жилку. Кромѣ учителей-кистеровъ, доходы которыхъ весьма приличны, тутъ встрѣчаются учителя-земледѣльцы, превратившіе участокъ земли при школѣ въ образцовыя поля, пчеловоды, получающіе отъ своей пасѣки ежегодно до 500 рублей, скотоводы, огородники, бухгалтеры и члены правленій ссудо-сберегательныхъ кассъ и земледѣльческихъ обществъ. Всѣ они современемъ теряютъ обликъ интеллигента и ничѣмъ не отличаются отъ „сѣраго барона“, обыкновеннаго зажиточнаго латышскаго крестьянина.

Конечно, такіе практики большую часть своего времени и своей энергіи посвящаютъ той отрасли своей дѣятельности, которая лучше оплачивается, а просвѣщеніе народа для нихъ дѣло не особенной важности: много ли де познаній нужно пастухамъ! Такимъ образомъ, они приближаются къ историческому типу Schulmeister, имѣя очень мало общаго съ учителемъ—воспитателемъ народа. Съ пасторами они живутъ въ ладу, да и инспекторъ имъ не врагъ. Хотя они сами, въ большинствѣ случаевъ, причисляютъ себя къ свободномыслящимъ и къ латышскимъ націоналистамъ, но они способствуютъ развитію какъ клерикальныхъ началъ лютеранскаго духовенства, такъ и руссификаторскихъ стремленій чиновъ инспекціи.

А народу не нужно ни клерикализма, ни руссификаціи; ему нужно просвѣщеніе, подготовка молодого поколѣнія къ жизни, къ службѣ своей родинѣ, своему отечеству, всему человѣчеству. Что знаніе русскаго языка для латышей необходимо, противъ этого никто не споритъ. Но мы требуемъ, чтобы намъ гарантировали неприкосновенность нашей національности, сохраненіе самобытности нашей культуры. Чтобы нашъ народъ могъ всесторонне развивать всѣ свои силы, намъ нужна народная школа, которая служитъ только просвѣтитель-

нымъ и воспитательнымъ цѣлямъ и которая открываетъ всѣмъ свободный путь къ достиженію дальнѣйшаго образованія, не исключая и высшаго. Единая, общая, безплатная, обязательная для всѣхъ сословій и исповѣданій народная школа, которую содержитъ весь край, а не члены одного сословія, и которой управляютъ мѣстные органы, состоящіе изъ членовъ, избираемыхъ общимъ голосованіемъ!

Когда это сбудется?

Senex.

Десять лѣтъ въ Прибалтійской школѣ.

Сейчасъ, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, Прибалтійскій край явился ареной кровавыхъ событій, привлекающихъ къ себѣ общее вниманіе. Но и сейчасъ, какъ тогда, интересъ трагизма, даже сенсаціи, заслоняетъ въ глазахъ многихъ наблюдателей бытовую подпочву разыгравшейся трагедіи, а, между тѣмъ, у меня лично такое чувство и даже такое убѣжденіе, что ни въ 1905, ни въ 1915 г.г. Прибалтійскій край не заливался бы такъ обильно потоками крови, если бы мы всѣ внимательнѣе относились къ условіямъ окраинной жизни. Въ этомъ невниманіи есть частью наша вина, частью наше несчастье. Но вину слѣдуетъ когда-нибудь искупить, отъ несчастья избавиться. Въ своихъ замѣткахъ, касающихся преимущественно школы, я постараюсь сдѣлать, что могу, въ анализированіи тѣхъ ненормальностей Прибалтійской школы, которыя тоже сыграли не послѣднюю роль въ историческихъ событіяхъ послѣдняго десятилѣтія.

Въ 1895 г., сразу послѣ окончанія университетскаго курса случай занесъ меня въ Прибалтійскій край, о которомъ у меня были очень смутныя представленія. Гимназія не дала ни одного яркаго образа изъ жизни этой окраины, а изъ высшей школы уцѣлѣла только одна фраза профессора о латышахъ: „Нѣмцы хотятъ ихъ онѣмечить, а латыши не поддаются, и я за это ихъ уважаю“.

Съ этой фразой я поѣхалъ на должность домашняго учителя къ одному остзейскому графу и въ то же время на должность учителя въ начальной школѣ графскаго имѣнія.

Въ качествѣ „Schlosslehrer"—„учителя изъ замка" я попалъ въ какой-то уголокъ средневѣковья.

Самъ графъ происходилъ изъ рода, облагодѣтельствованнаго Павломъ I и отплатившаго благодѣтелю участіемъ въ заговорѣ противъ него. На высокомъ флагштокѣ около замка гордо развѣвался шелковый флагъ съ гербомъ этого рода, аккуратно снимавшійся всякій разъ, когда графская семья выѣзжала изъ имѣнія, такъ какъ графиня была очень бережлива.

Графскія помѣстья были колоссальны и давали милліонные доходы, но вездѣ по всѣмъ дорогамъ красовались на столбахъ надписи, предупреждающія крестьянъ о штрафахъ за потраву посѣвовъ, за вывозку дровъ, за охоту и т. д. Чувствовалось, что на огромномъ пространствѣ графскихъ владѣній никому нѣтъ простора. При встрѣчахъ на прогулкѣ крестьяне робко жались къ сторонкѣ, низко кланялись и ловили руку для поцѣлуя. Такъ было заведено, и намъ, „учителямъ изъ замка", графиня поясняла, что если не дать крестьянину руки для поцѣлуя, то это его обидитъ. Приходилось искать для прогулокъ самые укромные уголки, но нѣсколько разъ нашу руку обжигали эти ужасные поцѣлуи. Однажды мой товарищъ поѣхалъ съ „графчикомъ", которому втолковывали мы съ привеликимъ трудомъ гимназическую науку, въ сельскую школу и, вернувшись, съ возмущеніемъ разсказывалъ, какъ старикъ учитель готовъ былъ приложиться къ его рукѣ, продѣлавъ этотъ обрядъ съ рукой „графчика", не ощутившаго при этомъ никакой неловкости.

Въ одинъ прекрасный день графиня удостоила посѣщеніемъ ту школу, гдѣ я занимался, и уже не говоря о цѣлованіи руки, старшій учитель почтительно дер-

жалъ подъ уздцы графскихъ лошадей, а ученики не садились все время, пока продолжалась высочайшая ревизія. Уроки шли стоя, и всѣ мои усилія усадить ребятъ были тщетны. Очевидно, это было такъ принято. Должно быть, желая мнѣ дать здравыя понятія о назначеніи школы, патронесса однажды спросила меня, кто у меня самый способный ученикъ. Я назвалъ одного. Черезъ нѣсколько дней она милостиво сообщила, что этотъ ученикъ взятъ на кухню для услугъ многочисленной замковой челяди.

Въ графскомъ хозяйственномъ бюджетѣ школа не занимала особой рубрики. Управляющій, кстати сказать, все время дрожавшій, что крестьяне убьютъ его когда-нибудь за графскія прижимки, говорилъ мнѣ, что ему приказано о расходахъ на школу не заикаться. Она должна существовать изъ какихъ-нибудь остатковъ.

Зато почетное мѣсто въ статьѣ доходовъ занималъ винокуренный заводъ. Остзейскіе феодалы—завзятые корчмари и винокуры, и въ 1905 г. въ числѣ другихъ „революціонныхъ“ дѣятелей, подавлявшихся военной силой, были возмущенія противъ титулованныхъ шинкарей. Кромѣ винокуреннаго завода, у нашего патрона были еще двѣ привязанности: охотничій штатъ—собаки, лошади, егеря—и... коллекція рѣдкихъ и роскошныхъ книгъ. Иностранныя иллюстрированныя изданія присылались ему, по особому распоряженію, безъ цензурной „икры“, чтобы ему не брезгливо было разсматривать картинки. Отъ вліянія нецензурныхъ идей онъ, конечно, былъ застрахованъ.

Въ сообщеніяхъ отъ Штаба за послѣднее время упоминалось названіе владѣній графа. Я вспоминаю весь укладъ тамошней жизни, всѣ нравы, привычки, понятія и задаю вопросъ: на чьей сторонѣ этотъ лойяльный початокъ цареубійцъ? Думаю, что и онъ, и его сосѣди, такіе же владѣтельные графы, князья, бароны могутъ съ чистой совѣстью сказать, что они вѣрны русскому

правительству и „историческимъ устоямъ“ до 1905 года. Имъ не для чего желать присоединенія края къ родной по крови и языку Германіи, потому что она не обезпечитъ имъ тѣхъ привилегій, которыя остаются за ними въ странѣ „неограниченныхъ возможностей“. Въ Германіи расшатываются усиліями демократіи даже скромныя сравнительно преимущества „юнкеровъ“ и „аграріевъ“, а они, лойяльные подданные россійскаго императора, сохраняютъ за собой привилегіи, созданныя средними вѣками. Въ 1905 г. по ихъ требованію приведены были вооруженные русскіе мужики для разстрѣливанія латышскихъ мужиковъ, осмѣлившихся добиваться выхода изъ тисковъ феодальнаго режима, и изъ русской казны имъ же были съ лихвой уплочены всѣ „потери и убытки“. Въ 1915 г. изъ всѣхъ ораторовъ, выступавшихъ въ Госуд. Думѣ по поводу войны, первый депутатъ прибалтійскаго дворянства заговорилъ о необходимости вознаградить изъ казны землевладѣльцевъ-собственниковъ, понесшихъ убытки отъ военныхъ дѣйствій. „Выгодный миръ“ для этихъ представителей средневѣковья былъ бы тотъ, при которомъ имъ обезпечено возмѣщеніе убытковъ и сохраненіе прежнихъ соціальныхъ отношеній. Они про себя могутъ желать побѣды только для Германіи, но жить они остались бы только въ униженной и ослабленной Россіи.

Мнѣ, русскому учителю, довелось быть свидѣтелемъ любопытнаго обмѣна мнѣній по вопросу о русской школѣ въ Прибалтійскомъ краѣ.

По округу ѣздилъ для ревизіи школъ попечитель Лавровскій со своимъ штатомъ. Вся компанія послѣ посѣщенія графской школы обѣдала въ замкѣ, и здѣсь начался разговоръ о языкѣ преподаванія. Ревизоры были не вполнѣ удовлетворены, что изъ четверыхъ учителей только одинъ я владѣлъ языкомъ, а остальные едва могли объясниться и, повидимому, съ учени-

ками говорили только по-латышски. Графъ возражалъ, что латышей и не слѣдуетъ учить русскому языку и по-русски, что латыши примитивный, мало-культурный народъ, не имѣющій исторической литературы, и его не слѣдуетъ выводить изъ того умственнаго состоянія, которое соотвѣтствуетъ его соціальному положенію.

Попечитель, конечно, могъ быть польщенъ высокой оцѣнкой развивающе-освободительной силы русскаго языка, но затруднялся выяснить нѣмецкому феодалу истинно-русскія заданія школьныхъ бюрократовъ. И они спорили. А инспекторъ народныхъ училищъ, прикрываясь салфеткой, молча переглядывался со мной. Онъ еще при первомъ знакомствѣ со мной говорилъ: „Постарайтесь сойтись съ учителями. Они ничего не знаютъ, кромѣ учебниковъ. Они думаютъ, что достигли высшей точки. Познакомьте ихъ съ Россіей, съ русской литературой, съ русской настоящей книгой".

Въ 1905 году насъ, русскихъ университантовъ, нѣмецкая дворянская и клерикальная пресса открыто обвиняла въ томъ, что революцію въ „Латвіи" вызвали мы, „полуобразованные, недисциплинированные, восточно-европейцы"; мы забрались въ школу, въ печать и испортили кроткихъ и послушныхъ латышскихъ крестьянъ.

Если бы мы могли всѣ принять на себя эту характеристику!..

Попечитель округа нашелъ, что графъ недооцѣниваетъ меня, и съ ближайшаго учебнаго года назначилъ меня въ учительскую семинарію. Разстались мы съ „замкомъ" очень холодно. Графиня весной возила своего сынка въ городъ; тамъ учитель древнихъ языковъ проэкзаменовалъ его и нашелъ, что онъ ничего не знаетъ, и что занятія велись совершенно неправильно. Я, признаться, былъ немало изумленъ. Уже нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ гимназическій учитель, изъ чеховскихъ типовъ, въ минуту откровенности сталъ посвящать меня въ тайны ремесла. Какъ примѣръ

находчивости онъ привелъ случай, когда ему привезли на испытаніе „маменькина сынка“; онъ посмотрѣлъ и заявилъ, что тотъ никуда не годится и безъ его помощи экзамена не выдержитъ. „Знаю, что богачи страшные, и запросилъ по 100 руб. за урокъ. Привезли меня на своихъ лошадяхъ въ имѣніе, прогулялъ я тамъ по парку три дня, за три урока получилъ и назадъ пріѣхалъ, а осенью Митрофанушку и пропустилъ“. Оказалось, что этотъ Митрофанушка и былъ мой ученикъ.

Не знаю, какъ преломился въ сознаніи графа этотъ эпизодъ изъ русской школы...

Учительская семинарія, куда мнѣ пришлось попасть, была типичной въ своемъ родѣ. Во главѣ ея стоялъ старый служака, видавшій виды и хорошо державшійся основного курса оффиціальной школьной политики.

На меня, какъ на молодого преподавателя, онъ обратилъ особое вниманіе, тѣмъ болѣе, что по его глубокому убѣжденію университантовъ не слѣдовало подпускать къ начальной школѣ, и онъ неоднократно высказывалъ моимъ сослуживцамъ даже такое опасеніе, что, чего добраго, семинарію могутъ и „раскассировать“, какъ источникъ крамолы.

Дѣйствительно, нашелся потомъ и такой государственный мужъ, который нашу семинарію призналъ очагомъ политической заразы—это былъ С. М. Прутченко. Но о немъ еще рѣчь впереди. Ученики семинаріи такъ же, какъ и ученики начальной школы, гдѣ я дебютировалъ, произвели на меня вначалѣ тяжелое впечатлѣніе. Они точно не умѣли смѣяться, точно постоянно думали о чемъ-то очень печальномъ или рѣшали какую-то задачу.

Понемногу я сталъ раскрывать трагическое для меня объясненіе этого явленія. Виною былъ нашъ „великій и могучій, правдивый и свободный русскій языкъ“. Крестьянскія дѣти, выросшія на своихъ одинокихъ „мызахъ“, ничего не видавшія, не знававшія веселой

дѣтской уличной жизни большихъ деревень, попадали въ школу, гдѣ съ перваго дня, вопреки здравому педагогическому смыслу и вопреки закону, съ ними начинали заниматься по-русски учителя, сами плохо владѣвшіе русскимъ языкомъ. Въ школахъ господствовалъ „Шельцель“,—методическое руководство придуманнаго нѣмцами „натуральнаго метода“ для онѣмеченія эльзасскихъ дѣтей и нѣмцемъ же приспособленнаго для обрусенія въ школахъ латышскихъ, эстскихъ и конечно, гдѣ придется, и нѣмецкихъ дѣтей. Въ идеѣ методъ основанъ на самодѣятельности, а на практикѣ сопровождался безполезной затратой громадныхъ усилій.

Однажды я спросилъ окружного инспектора Заіончковскаго, почему не примѣняется натуральный методъ для изученія древнихъ языковъ, если онъ обладаетъ тѣми достоинствами, которыя ему приписываются. „Какой же это методъ“, откровенно сказалъ онъ: „вѣдь это методъ комми-вояжеровъ“.

Такимъ методомъ изучался нашъ русскій языкъ въ латышской школѣ. Мысль, чрезмѣрно и постоянно напрягаемая, слабѣла у дѣтей, хирѣла.

Мнѣ хотѣлось искренно помочь ученикамъ. По вечерамъ, во время дежурствъ въ семинаріи, я собиралъ около себя маленькую группу, чтобы пріучить своихъ воспитанниковъ къ легкой, непринужденной рѣчи. Эти разговоры нарушались директоромъ.

Я надумалъ устроить чтенія и бесѣды по педагогическимъ вопросамъ. Директоръ откровенно заявилъ, что этого нельзя допустить. „Вы имъ будете говорить, какъ нужно преподавать по правиламъ педагогики, а имъ нужно умѣть преподавать такъ, какъ прикажетъ инспекторъ“. По замыслу оффиціальныхъ руководителей школы, русскій языкъ долженъ былъ примѣняться только какъ тормазъ для умственнаго развитія въ томъ возрастѣ, когда особенно дорого вліяніе родного языка. Но русскій языкъ, какъ орудіе общенія съ русскимъ

народомъ, съ его душой, съ его идеалами, выраженными въ его литературѣ,—уже считался ненужнымъ и опаснымъ.

Когда я приходилъ въ библіотеку, чтобы взять книгу для учениковъ, всегда какъ-то появлялся одинъ членъ педагогическаго совѣта, имѣвшій попеченіе о спасеніи душъ „малыхъ сихъ“.

„И чего васъ все къ книгѣ тянетъ“, сказалъ какъ-то ученикамъ директоръ, „въ другихъ семинаріяхъ хоть пьянствуютъ“.

Пьянство находило даже свою идеологію: это выходъ для настроеній юношеской неудовлетворенности.

Время отъ времени семинарское начальство производило чистку ученическихъ столовъ: отбирались книжки журналовъ русскихъ, научныя книги и вообще все, не освященное каталогами. Это былъ своеобразный способъ насажденія русской культуры.

Чистка производилась, однако, и не только своими средствами. Однажды ночью въ семинарскомъ общежитіи появились жандармы. Послѣ обыска арестованъ былъ скромнѣйшій ученикъ 2-го класса. Въ числѣ преступныхъ документовъ взята была тетрадь съ сочиненіемъ, написаннымъ на данную мною тему. Взглядъ жандарма привлеченъ былъ выраженіемъ „реформы Петра Великаго“. Реформа—„слово, наводящее на размышленія“.

Чрезъ нѣсколько времени еще одинъ ученикъ поплатился за предосудительное знакомство, помнится, съ сочиненіями Л. Толстого.

Въ связи съ этимъ или нѣтъ—не знаю, но только семинарія была осчастливлена пріѣздомъ ревизора Н. Ч. Заіончковскаго. Это была восходящая звѣзда. Началъ онъ съ того, что въ качествѣ инспектора гимназіи закрывалъ ученическія квартиры за нахожденіе номера „Русской мысли“ и терроризовалъ „Русскій Литературный Кружокъ“ въ Ригѣ своими громогласными указаніями на крамольность рефератовъ, посвященныхъ изображе-

нію западно-европейской жизни. Въ семинарію онъ явился уже окружнымъ инспекторомъ и въ чаяніи новыхъ путей, открывавшихся передъ нимъ послѣ молодецкаго налета на одну гимназію, гдѣ онъ покорилъ или расточилъ юныхъ враговъ русской государственности, осмѣлившихся держаться крѣпко за свой языкъ и свою религію.

На поученіе намъ, но при гробовомъ молчаніи съ нашей стороны, Заіончковскій подробно разсказалъ намъ о своемъ подвигѣ, который дѣйствительно знаменовалъ его новые успѣхи. Становилось душно въ атмосферѣ подобныхъ подвиговъ, тѣмъ болѣе что меня, все еще какъ молодого человѣка, доброжелательно посвящали въ тайны истиннаго „курса“.

Одинъ будущій попечитель округа совѣтовалъ „не увлекаться“, не налегать на „Записки охотника“ да и изъ басенъ Крылова брать не всякую; другой будущій попечитель округа поучалъ одурачивать учениковъ, напр., на такой манеръ, чтобы слово Цербійскій уподоблять слову Сербскій и этимъ доказывать славянское происхожденіе императрицы Екатерины II...

Въ 1899 г. я воспользовался случаемъ перейти въ коммерческое училище вѣдомства министерства финансовъ и перебрался въ Ригу.

На ученикахъ средней школы виднѣе всего были темныя стороны Прибалтійской школы. Относительно говоря, край былъ богаче школами, чѣмъ центральная Россія. Но при унаслѣдованномъ всеобщемъ стремленіи къ образованію и при крайне стѣснительныхъ условіяхъ для открытія новыхъ школъ существующія школы были переполнены сверхъ всякаго вѣроятія. Причемъ тутъ нельзя было сказать: „въ тѣснотѣ да не въ обидѣ“. Попечитель округа Шварцъ, правившій послѣ Лавровскаго, говорилъ, что ему „портятъ музыку“ наши коммерческія училища. А „музыка“ вся была въ томъ, чтобы заставить всѣ инструменты издавать одинаковый

звукъ, тянуть одну ноту, а непокорныхъ—вонъ. Коммерческія училища портили музыку, потому что принимали къ себѣ изгоевъ казенной средней школы и этимъ подрывали престижъ безапелляціонной власти ея.

Стремленіе равнять всѣхъ учащихся на одну мѣрку вездѣ и всегда не имѣетъ за собой педагогическихъ основаній. Въ Прибалтійскомъ краѣ это стремленіе было сугубо вредно.

Особенность общественной конструкціи въ этомъ краѣ—совпаденіе классовыхъ и національныхъ граней. Въ массѣ своей прибалтійскіе дворяне—нѣмцы, крестьяне—латыши или эсты, ремесленники и купцы—евреи, чиновники—русскіе. Извѣстная однобокость сословной или классовой психологіи соединялась съ этнографической однобокостью, и отсюда получалось особое обостреніе общественныхъ граней. Структура средней школы со своей стороны способствовала такому обострению. Когда у крестьянина, латыша или эстонца, являлось желаніе удовлетворить любознательность своихъ дѣтей, начавшихъ обученіе въ низшей школѣ или добравшихся, напр., до учительской семинаріи, то приходилось преодолѣвать сильное формальное препятствіе—предѣльный возрастъ для поступленія въ среднюю школу. Латыши и латышки въ средней школѣ обыкновенно оказывались гораздо старше своего класса, потому что при полной разобщенности программъ начальной и средней школы они попадали ниже того класса, въ которомъ могли бы учиться по своему возрасту и общему развитію. При этомъ у нихъ обычно замѣчалась отсталость во французскомъ яз., какъ предметѣ, не существующемъ въ программѣ начальной школы.

Евреи попадали въ среднюю школу по жесточайшему конкурсу, поэтому, если и не всегда по талантливости, то большею частью по своимъ познаніямъ они были значительно выше программнаго уровня, пока не облѣнивались за отсутствіемъ новаго для нихъ учебнаго матеріала.

Среди русскихъ, какъ и приличествовало для дѣтей служилаго класса, очень значительная часть была поступающихъ по свидѣтельству иногороднихъ гимназій. Это былъ большею частью очень трудный въ педагогическомъ отношеніи матеріалъ, такъ какъ формально равныя по своимъ правамъ и программѣ наши гимназіи являютъ пестроту необыкновенную.

Дѣти крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, нѣмцы являлись подчасъ съ той подготовкой, о которой упоминалось выше, и занимали въ школѣ, какъ и въ Государственной Думѣ впослѣдствіи „болото“. Они позволяли себя спрашивать по программѣ, но и только.

Въ этихъ основныхъ тонахъ было много полутѣней, были и яркія детонирующія пятна, а казенная школа требовала „музыки“... полкового горниста..

Среди самихъ выполнителей начальственнаго заданія не могло быть единства. Учителя тоже были прибалтійцы, такъ что въ педагогическихъ совѣтахъ бывали представители многихъ національностей. Одинъ коллективъ законоучителей включалъ въ себѣ православнаго священника, пастора—нѣмца, пастора—латыша, поляка—ксендза и еврейскаго раввина. Каждый день приносилъ какой-нибудь поводъ для недоразумѣній на національной почвѣ или на почвѣ недостаточнаго пониманія государственнаго языка. Обильную пищу находилъ и антисемитизмъ. Среди преподавателей были такіе, для которыхъ еврейское происхожденіе ученика было достаточнымъ аргументомъ для всякихъ скорпіоновъ противъ него.

Разобщенность клала на всю культурную, школьную работу свой мрачный отпечатокъ.

Общественно учителя почти не работали. Да и въ округѣ, какъ всѣмъ было извѣстно, существовало опредѣленно отрицательное отношеніе къ такой работѣ. И нужно сказать, что, несмотря на препятствія, русскія учителя еще кое-что дѣлали. Въ Ригѣ существовала

при Литературномъ Кружкѣ Комиссія народныхъ чтеній. Держалась она силами русскихъ учителей средней и начальной школы. Но незнаніе латышскаго языка и невозможность имъ пользоваться тормозили дѣло. Когда въ Ригу пріѣхалъ епископъ Агаѳангелъ, онъ попросту разсудилъ, что и для православной церкви и для русскаго имени и для культурныхъ интересовъ населенія нужно бы вести народныя чтенія на родномъ языкѣ мѣстныхъ крестьянъ. Но знакомая намъ русско-прусская чиновно-феодальная идеологія не могла допустить этой простой мысли, и такъ архипастырскіе планы осуществленія и не получали.

Позднѣе Агаѳангелъ совершилъ еще большой проступокъ съ точки зрѣнія этихъ идеологовъ, обладавшихъ и главной властью. Онъ выступилъ въ 1905 г. передъ генералъ-губернаторомъ съ ходатайствомъ о смягченіи репрессій, поднятыхъ противъ учителей. Какъ только опредѣлилось полное торжество „успокоенія“, гуманнаго епископа услали изъ Риги куда-то на югъ...

Была и въ Ригѣ коротенькая „весна“, когда, казалось, ледяные покровы шовинизма треснули и подались. Въ 1899 г. довольно тепло вспомнили о Пушкинѣ, а затѣмъ какъ-то Русскій Литературный Кружокъ широко развернулъ лекціонную дѣятельность. Латышская и еврейская молодежь рванулись на эти публичныя лекціи. Заглядывали и нѣмцы. Но лекціонная полоса была непродолжительна. Энергичные люди, взявшіеся за дѣло, скоро поняли, что тутъ кроется недоразумѣніе, и что для достиженія прочныхъ благъ нужно пользоваться испытанными путями. Организаторъ лекцій поспѣшилъ сорганизовать поднесеніе иконы г. Заіончковскому, получавшему высшее назначеніе, и икона оказалась чудотворной: онъ и самъ тронулся вверхъ по теченію...

Какъ это ни странно, но въ качествѣ „просвѣщеннаго хозяина учебнаго дѣла“, чествовавшагося при

открытіи публичныхъ лекцій, былъ ни кто иной, какъ Шварцъ.

Его смѣнилъ Извольскій. Онъ все время трепеталъ, какъ легкій парусъ, подъ каждымъ вѣтромъ. Я предполагалъ прочесть циклъ лекцій по исторіи русской печати. Округъ затормозилъ ихъ. Я отправился лично поговорить съ попечителемъ. Онъ былъ необыкновенно любезенъ, но просилъ войти въ его положеніе и не вынуждать его на такой отвѣтственный и опасный шагъ, какъ разрѣшеніе моихъ лекцій. Я попробовалъ успокоить его тѣмъ, что и мое положеніе не болѣе прочно, чѣмъ положеніе попечителя округа, что въ своемъ изложеніи я держусь историческихъ фактовъ и, слѣдовательно, чего-нибудь возмущающаго слушателей выискивать не стану. „Ну, что вы, что вы!“ прервалъ онъ меня, „да какъ же ничего возмущающаго! Вѣдь ужъ какое же у насъ положеніе печати? Редакторы стрѣляются и съ ума сходятъ. Нѣтъ, оставьте ваши лекціи“.

Съ человѣкомъ, очевидно, хорошо понимающимъ дѣло, больше разговаривать не приходилось... Передъ самой революціей Извольскій вспорхнулъ и улетѣлъ отъ грѣха подальше, и на его мѣсто грузно спустился Ульяновъ, не имѣвшій до сихъ поръ, какъ и его предшественники и его преемники, ни малѣйшаго представленія объ условіяхъ бытія Прибалтійской школы.

Революція налетѣла на Прибалтійскую школу, какъ вѣтеръ на неприбранную солому: все полетѣло кувыркомъ съ шумомъ и свистомъ. Нѣкоторые педагоги, объявивъ себя „гражданами съ 17 октября“, занеслись сначала чуть не въ Mitläufer'ы соціалъ-демократіи, потомъ посидѣли въ конституціонныхъ демократахъ, спустились въ октябристы, а ко времени объявленія военнаго положенія съ полнымъ достоинствомъ стали подъ стягъ союза русскаго народа. Отъ такой быстроты движущихся тѣлъ рябило въ глазахъ. Ученики сначала подъ руководствомъ благонамѣренныхъ наставниковъ уходили,

преимущественно отъ латинскихъ extemporalia на патріотическія манифестаціи по поводу проектировавшейся побѣды надъ Японіей, потомъ никто не замѣтилъ, какъ они научились устраивать демонстраціи съ краснымъ флагомъ, и на митингахъ въ тысяча душъ принимать требованія о реформѣ школы. Они требовали отмѣны религіозныхъ и національныхъ стѣсненій, уничтоженія школьной лжи и сыска, и школьные антисемиты и сыщики, годами топтавшіе въ ученикахъ человѣческое достоинство, кричали, насколько хватало голоса, что „ихъ“ ученики не могли бы сами додуматься до такихъ ужасныхъ требованій, что тутъ есть постороннее тлетворное вліяніе. Ульяновъ ничего не могъ предпринять. Онъ сидѣлъ у себя и перезванивался по телефону съ другимъ добровольнымъ узникомъ—губернаторомъ, пока ихъ обоихъ не выручило военное положеніе, погубившее десятки народныхъ учителей, но затронувшее краемъ и среднюю школу. Здѣсь, главнымъ образомъ, пострадали ученики. Они увольнялись, высылались, а родительское и педагогическое болото лишь тревожно квакало.

Раздавались немногіе человѣческіе голоса... и смолкали поневолѣ. Неожиданную живость гражданскихъ чувствъ и дѣйствій проявили скромные сынки нѣмецкаго феодальнаго класса. Они кое-гдѣ становились во главѣ карательныхъ отрядовъ, и надписи о штрафахъ за потравы и охоты на придорожныхъ столбахъ подновлены были кровью крестьянъ, погибавшихъ во имя якобы государственнаго порядка.

Слишкомъ тяжелое испытаніе должны были вынести не окрѣпшія симпатіи между мѣстнымъ крестьянствомъ и русскимъ народомъ, завязывавшіяся съ такимъ трудомъ черезъ русскую книжку, черезъ русское живое слово, черезъ эту жизненно необходимую контрабанду, проникавшую подъ флагомъ казенной школы. И многіе не выдержали испытанія. Моральныя укрѣпленія рус-

ской границы, возведенныя до 1905 г., мѣстами были безслѣдно срыты, и объ этомъ приходится безплодно жалѣть въ 1915 году. Порванная ткань не могла наладиться въ школѣ. Правда, на смѣну Ульянову прислали Д. М. Левшина, человѣка доброжелательнаго, но черная сотня зашипѣла, заворчала, и Левшинъ скоро былъ убранъ, попавъ противъ воли въ званіе неблагонадежныхъ. Педагоги, не сразу отозвавшись на это событіе, собрались поднести Левшину адресъ уже послѣ назначенія новаго попечителя С. М. Прутченко. Въ адресѣ между прочимъ было сказано, что Левшинъ былъ „свѣтлымъ пятномъ“. Прутченко, знавшій, чью волю онъ долженъ творить, поднялъ шумъ. Почему адресъ? Кому адресъ? Почему „свѣтлое пятно“? Значитъ, фонъ черный? Значитъ, порицаніе правительства?

Директору гимназіи, предсѣдательствовавшему на собраніи, гдѣ вырабатывался проектъ адреса, пришлось имѣть объясненіе, послѣ котораго педагоги посыпались отъ „свѣтлаго пятна“ вразсыпную. Прутченко съ отличавшей его проницательностью сопоставилъ проектъ адреса съ какой-то рабочей забастовкой, случайно бывшей около этого же времени, и рѣшилъ, что это недаромъ, что измѣна грозитъ устоямъ государства. Началось искорененіе неблагонадежнаго элемента. Собраны были всѣ сплетни и доносы, еще съ 1905 г., по глупости ихъ или недоказанности остававшіеся безъ послѣдствій, и теперь по нимъ началась скорая расправа. При Левшинѣ пріѣзжалъ въ Рижскій округъ спеціальный противокрамольный ревизоръ, однофамилецъ великаго нѣмецкаго писателя. Его „матеріалы“ тоже были использованы ретивымъ попечителемъ, который заслужилъ, наконецъ, перевода въ Петроградъ. Я оставилъ Ригу еще раньше ухода Ульянова, но Прутченко болталъ, что поставилъ себѣ цѣлью выжить меня изъ Петрограда въ первую очередь. Судьба свела меня съ этимъ шестымъ рижскимъ попечителемъ.

Онъ засыпалъ меня неопровержимыми доказательствами моей крамольности, и изъ нихъ едва ли не самымъ сильнымъ было слѣдующее: „Вы Сергѣй, а всѣ Сергѣи бунтовщики, напр., Сергій Катилина“,

Седьмого на моей памяти рижскаго попечителя г. Щербакова я уже не имѣлъ случая встрѣчать. Но онъ, насколько извѣстно по газетамъ, является достойнымъ преемникомъ г. Прутченко.

Теперь о Прибалтійской школѣ приходится говорить въ прошедшемъ времени—во всякомъ случаѣ. Сейчасъ германцы пользуются почвой, вспаханной для нихъ „организаторами пораженія“. Хочется вѣрить, что если ихъ господству наступитъ конецъ, то не эти сознательные и безсознательные агенты германизма должны будутъ взяться за творческую работу возсозданія школы. Творческая работа не по ихъ дарованіямъ и не по ихъ вкусамъ.

Нужно, прежде всего, больше знать науку воспитанія, чѣмъ они знали, нужно вѣрить въ народныя силы, нужно любить школу. Окраина, для великоросса, Прибалтійскій край есть центръ для своего населенія, которое должно имѣть свободу въ своей любви къ нему. Безъ оговорокъ и ограниченій данная и гарантированная свобода національнаго самоопредѣленія, осуществляемая прежде всего школой на родномъ языкѣ—вотъ безъ чего мы не можемъ вернуться въ Прибалтійскій край и не сможемъ удержать его въ прочномъ государственномъ сотрудничествѣ съ другими народностями нашей страны.

С. Золотаревъ.

Дерптъ—Юрьевъ.

(Къ вопросу о „равноправіи“).

Издатели „Сборника“ обратились ко мнѣ съ предложеніемъ высказаться по вопросу о „взаимоотношеніи народностей Прибалтійскаго края и о возможномъ разрѣшеніи тамъ національнаго вопроса“. Сначала я хотѣлъ отказаться отъ исполненія этой задачи, по слѣдующимъ соображеніямъ:

Во-первыхъ, я на собственной шкурѣ испыталъ вѣрность нѣмецкой поговорки: „Sprechen ist Silber, aber Schweigen ist Gold“ (говореніе — серебро, но молчаніе— золото). Въ извѣстныя времена и въ извѣстныхъ мѣстахъ земного шара лучше всего молчать и не вмѣшиваться въ постороннія дѣла. Пусть ихъ рѣшаютъ другіе, а ты со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не суйся.

Во-вторыхъ, я уже избавился отъ наивныхъ мечтаній, что статьями или хотя бы даже большими сочиненіями можно переубѣждать людей и отучать ихъ отъ религіозной и національной нетерпимости и отъ великодержавнаго хищничества.

Наконецъ, я уже столько разъ позволялъ себѣ, и даже не безнаказанно, обсуждать подобнаго рода вопросы, что мнѣ трудно было бы прибавить къ этому что-либо новое и еще не высказанное. А повторять самого себя довольно скучно и непроизводительно.

Тѣмъ не менѣе, уступая настояніямъ издателей, я рѣ-

шился присоединиться къ писателямъ, намѣревающимся освѣтить всесторонне вопросы, связанные съ общественною, политическою и національною жизнью Прибалтійскаго края. И я думаю, что могу при этомъ ограничиться напоминаніемъ о нѣкоторыхъ своихъ выступленіяхъ, продиктованныхъ желаніемъ осуществить „равноправіе“ отдѣльныхъ группъ разноплеменнаго населенія. Ибо, по моему, весь вопросъ о „возможномъ разрѣшеніи національнаго вопроса“ не только въ Прибалтійскомъ краѣ, но и вездѣ, гдѣ бы то ни было, сводится именно къ проведенію въ жизнь полнаго равноправія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всевозможныхъ человѣческихъ коллективовъ и къ полному прекращенію гоненія людей за одно ихъ происхожденіе.

I.

Въ бытность мою профессоромъ Дерптскаго (съ 1893 г. Юрьевскаго) университета (1883—1893) меня всегда возмущало презрительное отношеніе господствующаго нѣмецкаго элемента къ гораздо болѣе многочисленному латышскому и эстонскому населенію; возмущало же оно меня не только какъ нарушеніе завѣта справедливости, но тоже какъ заблужденіе, наносившее непоправимый вредъ и презираемымъ и, еще въ гораздо большей степени, презирателямъ.

Это презрительное отношеніе было свойственно тоже университетскимъ сферамъ, какъ профессорскимъ, такъ и студенческимъ. Нѣмецкіе бурши (конечно, далеко не всѣ) позволяли себѣ иногда грубыя выходки, прямо оскорбительныя для человѣческаго достоинства мѣстнаго эстонскаго населенія. Латышскаго мѣстнаго населенія въ Дерптѣ не было и нѣтъ, но зато существовала (а можетъ быть существуетъ и по нынѣ) латышская студенческая корпорація, организованная по образцу нѣмецкихъ. Возникновенію и образованію эстонской корпораціи господствовавшіе въ Дерптѣ и зада-

вавшіе тонъ студенты нѣмцы энергично противились, очевидно, потому, что Дерптъ стоитъ на эстонской почвѣ.

Само собою разумѣется, что тоже громадное большинство профессоровъ смотрѣло свысока на мѣстный иноплеменный народъ.

Даже въ самомъ университетскомъ уставѣ презрительное отношеніе къ мѣстному численно господствующему населенію нашло себѣ отголосокъ. Нечего говорить, что о допущеніи эстонскаго и латышскаго языка къ университетскому преподаванію не могло быть и рѣчи... Точно также игнорировалось вполнѣ существованіе въ краѣ особыхъ народностей, эстонской и латышской, съ своеобразнымъ языкомъ, съ своеобразною словесностью, съ своеобразнымъ фольклоромъ и т. д. Однакожъ, въ виду существованія при Дерптскомъ университетѣ богословскаго протестантскаго факультета и въ виду необходимости приготовлять проповѣдниковъ не только для нѣмцевъ, но также для эстовъ и латышей, были введены въ штатъ дерптскаго университета два лектора: одинъ для эстонскаго, другой для латышскаго языка. Но какъ они оплачивались!?

Вообще, въ прежнемъ дерптскомъ университетѣ плохо приходилось лекторамъ. Само собою разумѣется, въ нѣмецкомъ университетѣ лекторъ нѣмецкаго языка былъ совершенно лишнимъ. За то существовали три лектора для трехъ самыхъ распространенныхъ западноевропейскихъ языковъ, да кромѣ того одинъ латышъ и одинъ эстонецъ. Два болѣе привилегированныхъ лектора, для языковъ французскаго и англійскаго, получали по 600 рублей въ годъ, лектора же *minorum gentium*, т. е. лекторъ итальянскаго языка и оба лектора мѣстныхъ языковъ, были обречены на 400 рублей годового содержанія. Французъ, англичанинъ и итальянецъ могли разсчитывать на посторонній, хотя и незначительный, доходъ отъ частныхъ уроковъ или даже

отъ уроковъ въ среднихъ школахъ; впрочемъ это послѣднее было недоступно итальянцу. Вслѣдствіе этого, въ бытность мою въ Дерптѣ лекторатъ итальянскаго языка оставался все время незамѣщеннымъ.

За то, несмотря на всю неправдоподобность этого явленія, существовали лекторы латышскаго и эстонскаго языковъ, получавшіе 400 рублей въ годъ, т. е. меньше чѣмъ университетскіе педеля.

Подобное положеніе вещей казалось мнѣ явно несправедливымъ. Поэтому, заручившись поддержкою тогдашняго попечителя дерптскаго учебнаго округа, нынѣ покойнаго М. Н. Капустина, обѣщавшаго мнѣ дать благопріятный отзывъ, при движеніи этого дѣла изъ университета въ Министерство и при рѣшеніи его въ законодательномъ порядкѣ, я вошелъ въ Совѣтъ университета съ предложеніемъ ходатайствовать объ уравненіи вознагражденія всѣхъ лекторовъ и объ увеличеніи этого вознагражденія по крайней мѣрѣ до 800 руб. въ годъ. При этомъ я мотивировалъ свое предложеніе между прочимъ необходимостью поднять престижъ лекторовъ мѣстныхъ языковъ въ глазахъ мѣстнаго населенія. Эта мотивировка была встрѣчена иронически, и мое предложеніе провалилось, хотя и незначительнымъ, но все-таки большинствомъ членовъ совѣта, не пожелавшаго сдѣлать столь незначительной уступки національному достоинству презираемыхъ эстовъ и латышей.

Черезъ нѣсколько времени я пытался еще разъ попробовать счастья. Провелъ свое предложеніе черезъ историко-филологическій факультетъ, поддержавшій меня на этотъ разъ, и довелъ его до совѣта. Совѣтъ рѣшилъ этотъ вопросъ большинствомъ одного голоса въ благопріятномъ смыслѣ. Но настроеніе высшихъ сферъ за этотъ промежутокъ времени успѣло измѣниться, и когда дѣло было двинуто отъ попечителя въ министерство, тамъ отвѣтили, что Министерство ничего не имѣетъ противъ увеличенія вознагражденія лекто-

ровъ, но только изъ спеціальныхъ суммъ университета. Объ этомъ не могло быть рѣчи, и все дѣло потерпѣло фіаско. А между тѣмъ раньше министерство было готово провести его всесторонне въ законодательномъ порядкѣ, т. е. исходатайствовать тоже внесеніе увеличеннаго содержанія лекторовъ въ штатныя суммы. Конечно, со введеніемъ въ дерптскій-юрьевскій университетъ русскаго языка, какъ языка преподаванія, и съ проведеніемъ новыхъ штатовъ было увеличено вознагражденіе лекторовъ. Но это случилось уже послѣ моего ухода изъ Юрьевскаго университета.

Когда впослѣдствіи настали другія времена, угрожавшія какъ прежнимъ господамъ положенія—нѣмцамъ, такъ и ихъ подвластнымъ—эстамъ и латышамъ, когда новые порядки привели и тѣхъ и другихъ къ одному общему знаменателю національнаго обезличенія въ угоду централизаціи, тогда нѣкоторые изъ нѣмецкихъ профессоровъ, подававшихъ голосъ противъ облегченія участи лекторовъ, поняли свою ошибку и говорили: „Какъ жаль, что мы не слушали Бодуэна и дѣйствовали вопреки принципамъ національнаго равноправія. Къ сожалѣнію, теперь уже поздно и упущеннаго случая не воротишь“.

Надо замѣтить, что въ мое время лекторами эстонскаго и латышскаго языковъ въ дерптскомъ университетѣ были не какіе нибудь заурядные преподаватели, но люди, отличившіеся въ литературѣ и въ наукѣ. Лекторомъ латышскаго языка состоялъ здравствующій и по нынѣ латышскій писатель и поэтъ, Яковъ Лаутенбахъ, пріобрѣтшій впослѣдствіи, уже въ юрьевскомъ университетѣ, степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія и званіе приватъ-доцента сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, лекторомъ же эстонскаго языка—выдающійся финнологъ и лингвистъ, докторъ лейпцигскаго университета Михаилъ Веске. Этотъ послѣдній принималъ участіе,

правда, не совсѣмъ удачно и нѣсколько односторонне, въ мѣстной политической агитаціи и этимъ навлекъ на себя, можетъ быть, не совсѣмъ безъ основанія, неудовольствіе нѣмецкихъ патріотовъ Прибалтійскаго края. Тѣмъ не менѣе онъ, по моему представленію и по ходатайству историко-филологическаго факультета дерптскаго университета, получилъ отъ Министерства двухгодичную ученую командировку въ Финляндію и за границу (въ Венгрію).

Когда дѣло объ увеличеніи вознагражденія лекторамъ не выгорѣло, Веске, вернувшійся изъ командировки, при моемъ участіи и при энергичной поддержкѣ со стороны академика В. В. Радлова, былъ избранъ Казанскимъ университетомъ и назначенъ Министерствомъ на незамѣщенную до того времени каѳедру финской филологіи. Въ Казани онъ черезъ нѣсколько лѣтъ скончался.—По переходѣ Веске въ Казань лекторомъ эстонскаго языка въ дерптскомъ унив. былъ избранъ заграничный докторъ К. Германъ, тоже работавшій успѣшно въ области угро-финской лингвистики. Впослѣдствіи онъ страдалъ умственною болѣзнью и нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончался.

Въ некрологѣ Веске, составленномъ нынѣ покойнымъ профессоромъ И. Н. Смирновымъ, было сказано, что его выжили изъ Дерпта, противъ его желанія, мѣстные „бароны“ и вообще „нѣмцы“, и что это заставило его искать убѣжища въ Казани. Утвержденіе проф. Смирнова расходилось съ истиной. Лектора Веске никто изъ Дерпта не выживалъ. Напротивъ того, онъ считалъ величайшимъ счастьемъ свой переходъ въ Казань. Вѣдь онъ вмѣсто 400 рублей сталъ получать 2000 руб. въ годъ и званіе лектора замѣнилъ званіемъ экстраординарнаго профессора. Пребываніемъ же въ Казани онъ воспользовался для расширенія своихъ изслѣдованій въ области угро-финскихъ языковъ вообще. Проф. Смирновъ возвелъ на „прибалтійскихъ бароновъ и ры-

царей" напраслину, не соотвѣтствовавшую истинному положенію вещей.

II.

Въ концѣ 1902 г. Юрьевскій (прежде Дерптскій) университетъ праздновалъ сотую годовщину своего существованія. Отъ Петербургскаго (нынѣ Петроградскаго) университета было избрано на этотъ съѣздъ 4 делегата, по одному отъ каждаго факультета: нынѣ покойный И. И. Боргманъ (отъ физико-математ. фак.), В. Ѳ. Дерюжинскій (отъ юридич. фак.), нынѣ покойный П. М. Меліоранскій (отъ фак. восточныхъ языковъ) и нижеподписавшійся (отъ историко-филолог. фак.).

Юрьевскій университетъ былъ въ то время уже нѣсколько лѣтъ русскимъ университетомъ. За исключеніемъ богословскаго факультета, сохранившаго нѣмецкій языкъ, и за исключеніемъ четырехъ заграничныхъ нѣмцевъ (2 на медицинскомъ фак. и по одному на историко-филолог. и физико-математич.), оставшихся отъ прежняго дерптскаго унив. на другихъ факультетахъ, преподаваніе на остальныхъ 4-хъ факультетахъ велось по-русски. Не мудрено поэтому, что оффиціальная часть торжества въ актовомъ залѣ (въ теченіе двухъ дней, 12 и 13 декабря) происходила на русскомъ языкѣ, и что даже нѣмцы, не вполнѣ владѣвшіе русскимъ языкомъ, должны были имъ пользоваться, читая и высказывая привѣтствія отъ имени мѣстныхъ (т. е. вообще прибалтійскихъ) общественныхъ учрежденій. Одинъ лишь профессоръ Керстенъ (богословъ) прочелъ по-нѣмецки краткій очеркъ исторіи богословскихъ студій въ дерптскомъ унив. Привѣтствія же отъ заграничныхъ университетовъ и прочихъ научныхъ учрежденій провозглашались на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ и даже на украинскомъ (малорусскомъ) языкѣ (это послѣднее изъ Львова отъ научнаго общества имени Шевченко).

Языковою исключительностью отличались тоже вечерніе банкеты, устраиваемые университетомъ и городомъ. На устроенный университетомъ 12 (25) декабря банкетъ были приглашены всѣ безъ исключенія участники торжества, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ. Было сказано очень много рѣчей. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей носили ярко-политическій характеръ, требовали радикальныхъ перемѣнъ, были какъ бы предвѣстниками того, что затѣмъ происходило въ послѣдующіе годы, въ особенности въ 1904—1906 г.г. Но все это были рѣчи исключительно русскія, безъ малѣйшаго намека, что не такъ давно тамъ былъ нѣмецкій университетъ, находившійся въ тѣсной связи и въ обмѣнѣ научными силами съ нѣмецкими университетами Германіи, Австріи и Швейцаріи. О равноправіи національностей Прибалтійскаго края никто не заикнулся. Лишь „Gaudeamus igitur“, разыгранное по общему требованію военнымъ оркестромъ, пропѣтое многими изъ присутствовавшихъ, и выслушанное стоя, точно такъ же, какъ и „Марсельеза“ (разыгранная послѣ рѣчи француза)—напомнили о нѣмецкой университетской жизни.

Затѣмъ 13 (26) декабря былъ данъ городомъ обѣдъ для ограниченнаго количества избранниковъ, т. е. для всѣхъ пріѣзжихъ, для мѣстныхъ властей (попечителя, главнокомандующаго, вице-губернатора и прочихъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, для устроителей юбилея и для другихъ представителей Юрьевскаго университета и городского управленія—въ общемъ 70—80 лицъ). И здѣсь, точно въ предчувствіи заповѣди: „просятъ не говорить по-нѣмецки“, можно было слышать одинъ только русскій языкъ. Только проф. Е. Ф. Шмурло закончилъ свою русскую рѣчь короткою нѣмецкой фразой, обращенною къ городу, а профессоръ Блаубергъ изъ Одессы украсилъ свою русскую рѣчь нѣмецкимъ стихомъ.

Мнѣ это показалось нѣсколько обиднымъ для памяти

бывшаго нѣмецкаго дерптскаго университета, который какъ-ни-какъ оказалъ извѣстныя услуги и русскому государству и международной наукѣ. Поэтому послѣ многихъ рѣчей моихъ предшественниковъ я позволилъ себѣ выступить со слѣдующею рѣчью:

„Meine Herren!

Sie werden es mir, als einem früheren Dorpater Professor, wohl nicht übel nehmen, wenn ich mir erlaube, Sie in der *deutschen* Sprache anzureden. Ich tue es nicht aus dem Grunde, dass ich diese Sprache irgendwie besonders beherrsche. Nein, russisch z. B. würde es mir leichter sein, meine Gedanken genau auszudrücken. Ich tue es auch nicht als besonderer Anhänger des Germanismus. Nach den neuesten Ereignissen in Preussen könnte man das Deutsche beinahe hassen und perhorrescieren, — selbstverständlich, wenn man ein Fanatiker wäre. Zum Glück bemerke ich in mir keine Spur von Fanatismus, und wenn ich etwas wirklich hasse und perhorresciere, das ist gerade der Fanatismus: der religiöse Fanatismus, der nationale Fanatismus und wie er auch sonst heissen mag.

Die jetzt wütende Pest des Nationalismus wird hoffentlich ebenso vergehen, wie mittelalterliche und leider auch spätere Glaubensverfolgungen, und kommende Generationen werden gewiss verstehen, dass es eines denkenden Wesens unwürdig, dass es für den kulturellen, ethischen und ökonomischen Fortschritt höchst störend ist, seine Kräfte so zu zersplittern und sie in einem solchen unsinnigen Hader zu verlieren, anstatt sie zu sammeln und sich gegenseitig zu stärken und fördern.

Ich bin kein Sprachfanatiker. Als ich in Dorpat Professor war, habe ich russisch und deutsch vorgetragen, und es ist dadurch kein Unglück geschehen. Wie in dem Kopfe eines Einzelnen, so könnten auch in einem Lande mehrere Sprachen ruhig und freundlich neben einander bestehen und sich duldsam vertragen. Hier im Lande sind neben der Reichsprache, neben der Sprache des grossen russischen Reiches, neben

der Sprache des grossen russischen Volkes, neben der Sprache der grossen *russischen* Denker und Dichter noch drei andere Sprachen historisch und ethnographisch gleichberechtigt: die *deutsche* Sprache, nicht die deutsche Sprache der Verfolger und Unterdrücker, sondern die deutsche Sprache der Gelehrten und Künstler, und ausserdem die *estnische* und *lettische* Sprache.

In dem Sinne einersolchen absoluten Duldsamkeit und Gleichberechtigung begrüsse ich die alte Stadt Dorpat-Jurjew und spreche den Wunsch aus, sie möge immer mehr kulturell gedeihen, und zwar in einem friedlichen Zusammenleben mit der höchsten wissenschaftlichen Institution des Landes".

[Въ переводѣ:

„Милостивые Государи!

Вы, конечно, не станете съ меня взыскивать, если я, какъ прежній дерптскій профессоръ, позволю себѣ обратиться къ вамъ съ рѣчью на *нѣмецкомъ* языкѣ. Я дѣлаю это не потому, что я какъ-то особенно хорошо владѣю этимъ языкомъ. Нѣтъ, по-русски, напримѣръ, мнѣ было бы легче выражать свои мысли съ полною точностью. Я не дѣлаю тоже этого, какъ особенный приверженецъ германизма. Послѣ новѣйшихъ событій въ Пруссіи можно бы все нѣмецкое чуть ли не ненавидѣть и отворачиваться отъ него съ омерзеніемъ,—само собою разумѣется, если бы мы были фанатиками. Къ счастью, я не замѣчаю въ себѣ ни слѣда фанатизма, и если я что-либо дѣйствительно ненавижу, если я къ чему-либо чувствую дѣйствительное отвращеніе, такъ это именно къ фанатизму: къ религіозному фанатизму, къ національному фанатизму и вообще ко всякому фанатизму.

„Бушующая теперь язва націонализма минуетъ—смѣю надѣяться—точно такъ же, какъ и средневѣковыя и увы! тоже болѣе позднія гоненія за вѣру; и будущія поколѣнія поймутъ несомнѣнно, что раздроблять такъ свои силы и растрачивать ихъ въ столь безсмысленной

сварѣ,—вмѣсто того, чтобы ихъ собирать и взаимно другъ друга поддерживать и помогать другъ другу,—недостойно мыслящаго существа и въ высшей степени гибельно для культурнаго, этическаго и экономическаго прогресса.

„Я не языковой фанатикъ. Когда я былъ въ Дерптѣ профессоромъ, я преподавалъ по-русски и по-нѣмецки, и однакожъ отъ этого не произошло никакого несчастья. Какъ въ головѣ одного человѣка, точно такъ же въ любой странѣ могло бы нѣсколько языковъ уживаться рядомъ спокойно и дружно и относиться другъ къ другу съ полною терпимостью. Въ здѣшнемъ краѣ, рядомъ съ государственнымъ языкомъ, рядомъ съ языкомъ великаго русскаго государства, рядомъ съ языкомъ великаго русскаго народа, рядомъ съ языкомъ великихъ *русскихъ* мыслителей и поэтовъ, должны бы, по историческимъ и этнографическимъ соображеніямъ, пользоваться полною равноправностью еще три слѣдующихъ языка: языкъ *нѣмецкій*, не нѣмецкій языкъ гонителей и притѣснителей, но нѣмецкій языкъ ученыхъ и художниковъ, да кромѣ того языки *эстонскій* и *латышскій*.

„Во имя такой безусловной терпимости и равноправія я привѣтствую старинный городъ Дерптъ-Юрьевъ и высказываю пожеланіе процвѣтать ему культурно все болѣе и болѣе, въ мирномъ единеніи и согласіи съ высшимъ научнымъ учрежденіемъ этого края“].

Эффектъ моей рѣчи получился совсѣмъ неожиданный. Не только меня не оштрафовали, но, напротивъ того, отнеслись сочувственно и одобрительно. Присутствовавшее на банкетѣ высшее начальство разныхъ вѣдомствъ благосклонно улыбалось и оказалось снисходительнымъ. Люди же университетскіе и городскіе отвѣтили на мою рѣчь громкими аплодисментами и другими проявленіями добрыхъ чувствъ. У многихъ я замѣтилъ слезы на глазахъ; многіе пожимали мнѣ руки, обнимались со мною, отзывались о моей рѣчи съ признаніемъ и

даже съ восторгомъ. И замѣтьте, что эти дружелюбныя проявленія исходили тоже отъ горячихъ приверженцевъ централизма и отрицателей національнаго равноправія. И ихъ глаза покрылись влагой, и они пожимали мнѣ руки, и они „отъ всей души ко мнѣ присоединялись".

Успѣхъ своей рѣчи я приписываю неожиданности своего выступленія. При томъ же во время банкетовъ люди становятся мягче и доступнѣе любвеобилію и междучеловѣческому братству. Тогда-то легче всего аплодировать провозглашаемымъ лозунгамъ: „*liberté, égalité, fraternité*". Это вѣдь въ сущности ни къ чему не обязываетъ. Можно прослезиться и умилиться въ отвѣтъ на возвышенныя рѣчи, но затѣмъ, перейдя къ обычной дѣятельности, неукоснительно сжимать въ бараній рогъ.

Не такъ уже посчастливилось мнѣ въ печати. Я могъ напечатать свою рѣчь безъ всякихъ измѣненій лишь въ мѣстной нѣмецкой газетѣ „Nordlivländische Zeitung", № 283, отъ 18 (31) декабря, откуда она перешла, вѣроятно въ нѣкоторыя другія нѣмецкія газеты. Мои петербургскіе (нынѣ петроградскіе) знакомые просили меня дать имъ русскій переводъ моей рѣчи, для помѣщенія его въ одной изъ тогдашнихъ „прогрессивныхъ" газетъ; но со стороны газетъ получался отказъ. Очевидно, онѣ не сочувствовали моему отношенію къ правамъ отдѣльныхъ національностей.

Я могъ помѣстить польскій переводъ своей рѣчи въ издававшемся въ Петербургѣ (нынѣ Петроградѣ) польскомъ еженедѣльникѣ „Kraj", въ видѣ приложенія къ корреспонденціи, посвященной описанію торжества Юрьевскаго, прежде дерптскаго университета. Но и здѣсь не удалось напечатать мою рѣчь цѣликомъ. По независящимъ отъ автора и отъ редакціи обстоятельствамъ были устранены всякія упоминанія о „равно-

правіи", какъ объ „историческомъ и этнографическомъ равноправіи", такъ и о „равноправіи" безъ прибавокъ.

Объ этой *vis major* или *force majeure* мною говорится въ статьѣ „Kaprysy tlumicieli myśli ludzkiej", помѣщенной въ польскомъ краковскомъ журналѣ „Krytyka" (Kraków, maj 1903).

Изложенное выше пусть служитъ замѣною особой статьи о „взаимоотношеніи народностей Прибалтійскаго края" и о „возможномъ разрѣшеніи тамъ національнаго вопроса".

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Прибалтійскій край.

(Географико-статистическій очеркъ).

Въ составъ Прибалтійскаго края входятъ 3 сѣверо-западныхъ губерніи Россійской имперіи—Эстляндская, Лифляндская и Курляндская [1]). Съ сѣвера и запада (отъ Нарвы до Полангена) Прибалтійскій край граничитъ Балтійскимъ моремъ, а съ востока рѣкою Наровою, Чудскимъ озеромъ, нѣсколькими мелкими рѣками, Лубанскимъ озеромъ, рѣкою Эвсть и Западною Двиною. Южная граница края проходитъ къ сѣверу отъ 56° с. ш.

Поверхность Прибалтійскаго края представляетъ собою значительныя низменности, пересѣкаемыя рядомъ небольшихъ возвышенностей. Горы Мунамяги (1063 ф.) и Гайсинкалнсъ (1032 ф.)—самые высокіе пункты края.

Прибалтійскій край чрезвычайно богатъ озерами и рѣками. Въ нѣкоторыхъ его уѣздахъ свыше 500 озеръ. Большинство крупныхъ рѣкъ судоходно.

Въ климатическомъ отношеніи въ краѣ чувствуется близость моря. Кромѣ того, довольно значительна разница въ климатѣ сѣверной и южной части края. Такъ, напримѣръ, средняя температура весною въ Ревелѣ—1,3°, въ Юрьевѣ—3,2°, въ Ригѣ—4,6° и Митавѣ—5,2° [2]). Вслѣдствіе этого южная часть края (Курляндія)—самая плодородная и богатая.

---

[1]) См. карту въ началѣ сборника *И. К.*

[2]) G. Schweder, „Baltische Bürgerkunde", стр. 356.

Нынѣ существующее административное дѣленіе края на три губерніи слѣдуетъ считать нецѣлесообразнымъ, такъ какъ оно то произвольно объединяетъ такія части, которыя весьма разнородны, то разъединяетъ области, которыя тѣсно связаны экономическими, этнографическими и культурными узами. По многимъ существеннымъ признакамъ край раздѣляется собственно на двѣ части, населяемыя каждая особой національностью: сѣверная—эстами, а южная—латышами [1]). Латыши составляютъ коренное населеніе Курляндіи и 4 южныхъ уѣздовъ Лифлянціи (Рижскаго, Венденскаго, Валкскаго и Вольмарскаго). Эсты же населяютъ Эстляндію и 4 сѣверныхъ уѣзда материковой части Лифляндіи, а также и острова Прибалтійскаго края. Къ латышской части Прибалтійскаго края тѣсно примыкаютъ еще 3 сѣверныхъ уѣзда Витебской губерніи (Двинскій, Рѣжицкій и Люцинскій), съ преобладающимъ латышскимъ населеніемъ. Кромѣ того, городъ Нарва, съ его патримоніальнымъ округомъ, въ свое время присоединенные къ Петроградской губерніи, вслѣдствіе этнографической, культурной и юридической [2]) самобытности совершенно опредѣленно тяготѣетъ къ эстской части Прибалтійскаго края.

Сѣверная — эстская — часть Прибалтійскаго края и южная—латышская — вмѣстѣ съ сѣверными уѣздами Витебской губерніи составляютъ двѣ рѣзко другъ отъ друга отличающіяся территоріи.

Пространство и населеніе упомянутыхъ частей Прибалтійскаго края слѣдующее:

---

[1]) Латыши принадлежатъ къ лето-литовскому племени, а эсты къ угро-финскому, и вслѣдствіе этого эсты и латыши по языку, характеру, нравамъ и обычаямъ рѣзко отличаются другъ отъ друга.

[2]) На городъ Нарву распространяется мѣстное право прибалтійскихъ губерній.

Латышская часть края.

	Пространство въ кв. верстахъ.	Населеніе об. пола по переписи 1897 г.
Курляндія	23,747,2	674,034
4 южн. уѣзда Лифляндіи .	19,833,2	753,730
Всего въ латышской части Приб. края.	43,580,4	1,427,764
Въ латышской части Витебской губ.	12,042,4	501,623
Всего. .	55,622,8	1,929,387

Въ эстской части края.

	Пространство въ кв. верстахъ.	Населеніе об. пола по переписи 1897 г.
Эстляндія	17,792,0	412,716
5 сѣверн. уѣзда Лифляндіи.	20,162,3	545,635
	37,954,3	958,351

Послѣ 1897 г. число жителей увеличилось и по послѣднимъ подсчетамъ въ латышской части Прибалтійскаго края до начала войны было прибл. 1.700.000 жителей, а въ эстской—1,200,000 [1]). Латышская же часть Прибалтійскаго края вмѣстѣ съ латышской частью Витебской губерніи даютъ населеніе въ 2,300,000 человѣкъ [2]).

Раздѣленіе Прибалтійскаго края на латышскую и эстскую части въ послѣднее время пріобрѣло серьезное значеніе, такъ какъ всѣ проекты реформы органовъ мѣстнаго самоуправленія, за исключеніемъ проектовъ дворянства, исходятъ изъ признанія цѣлесообразности именно этого дѣленія.

Въ то время, какъ въ городахъ края въ болѣе значительномъ количествѣ представлены русская, нѣмец-

[1]) По „Календарю Справочнику земскаго дѣятеля на 1916 г." въ латышской части края 1,650,300 жителей, а въ эстской—1,117,600.

[2]) Вслѣдствіе событій военнаго времени это число, конечно, значительно уменьшилось.

кая, еврейская и др. національности, населеніе уѣздовъ состоитъ почти исключительно изъ латышей и эстовъ. Такъ по переписи 1897 года [1]) національный составъ населенія Прибалтійскаго края по отдѣльнымъ губерніямъ былъ слѣдующій:

	Въ Эстляндіи		въ Лифляндіи		въ Курляндіи	
	насел. об. п.	%	насел. об. п.	%	насел. об. п.	%
Эстовъ. .	365,959	88,67	518,594	39,91	—	—
Латышей	472	0,11	563,829	43,4	505,994	75,07
Нѣмцевъ	16,037	3,9	98,573	7,57	51,017	7,57
Русскихъ	20,899	5,07	69,614	5,36	38,276	5,68
Евреевъ .	1,269	0,31	23,728	1,83	37,689	5,59
Поляковъ	1,237	0,29	15,132	1,16	19,688	2,92
Литовцевъ	86	0,02	6,594	0,51	16,531	2,45
Шведовъ и др.	6,757	1,63	3,301	0,26	4,839	0,72
Всего. .	412,716	100	1,299,365	100	674,034	100

Въ уѣздахъ южной—латышской части было:

	въ Лифляндіи		въ Курляндіи (безъ Иллукстскаго уѣзда) [2])	
	населеніе об. п.	%	населеніе об. п.	%
Латышей .	415,833	93,6	421,533	92,5
Русскихъ .	4,308	1,0	2,634	0,5
Нѣмцевъ .	10,806	2,4	12,447	2,8
Евреевъ . .	2,191	0,5	8,999	1,9
Эстовъ . .	9,304	2,1	—	—
Поляковъ .	606	0,1	1,038	0,2
Литовцевъ .	161	—	5,307	1,4

Цифры для сѣверной половины рисуютъ приблизительно ту же картину. Вообще, въ сѣверной половинѣ

[1]) Всѣ цифры о населеніи края, гдѣ не упомянуты другіе источники, почерпнуты изъ оффиціальныхъ публикацій результатовъ соотвѣтствующихъ (1863, 1867, 1881, 1897, 1911 и 1913 г.г.) народныхъ переписей.

[2]) Иллукстскій уѣздъ въ этнографическомъ отношеніи раздѣляется на 3 почти равныя части: сѣверную—населенную латышами, юго-западную—населенную литовцами и восточную — населенную бѣлоруссами.

края всю массу сельскаго населенія составляютъ эсты, а въ южной—латыши. Нѣмцы представлены въ деревнѣ только помѣщиками и разнаго рода служащими въ дворянскихъ имѣніяхъ и пасторатахъ. Евреи, особенно въ Курляндіи, большею частью мелкіе торговцы и живутъ въ довольно большомъ количествѣ въ мѣстечкахъ края. Русское населеніе сельскихъ мѣстностей состоитъ главнымъ образомъ изъ чиновниковъ и военныхъ, а въ послѣднее время къ нему присоединяются пришлые сельскохозяйственные рабочіе.

Въ городахъ Прибалтійскаго края еще сравнительно недавно имѣло численный перевѣсъ нѣмецкое населеніе. Но все возрастающее значеніе крупной промышленности и связанный съ этимъ ростъ городовъ въ корнѣ измѣнили національный составъ ихъ населенія. Рига и Либава—крупнѣйшіе города южной части Прибалтійскаго края и даютъ характерную картину процесса этого измѣненія.

Національный составъ населенія г. Риги по переписи

	1867 г.		1881 г.		1897 г.	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Латыши	24,199	23,6	49,974	29,5	127,046	45,0
Нѣмцы	43,980	42,9	66,775	39,4	67,286	23,8
Русскіе	25,772	25,1	31,976	18,9	45,452	16,1

Въ связи съ постоянно увеличивающимся количествомъ латышскаго населенія города Риги, уменьшается относительное количество нѣмцевъ. Въ Либавѣ нѣмецкая часть населенія пошла на убыль даже абсолютно. Нѣмцевъ въ Либавѣ было:

Годъ переписи	Число	%
1887	9,803	33,1
1897	11,627	18,0
1911	9,617	11,5

Это уменьшеніе нѣмецкаго населенія въ городахъ края объясняется отсутствіемъ притока нѣмецкаго элемента извнѣ. Еще во второй половинѣ прошлаго вѣка

число Прибалтійскихъ нѣмцевъ увеличивалось путемъ онѣмечиванія латышей и эстовъ, но непрерывно возрастающее національное самосознаніе этихъ народностей въ послѣднее время свело почти на нѣтъ процессъ онѣмечиванія, что въ свою очередь отразилось на численности нѣмецкаго населенія.

Количество нѣмцевъ уменьшается также и въ сельскихъ мѣстностяхъ. Такъ, напр., въ 4 южныхъ уѣздахъ Лифляндіи, за исключеніемъ городского населенія, было по переписи:

	Латышей	Нѣмцевъ	Русскихъ
1887 года	410,605	14,523	4,563
1897 года	415,833	10,806	4,308
+ или —	+5,228	—3,717	—255
На 100 въ 1887 г. было въ 1897 г.	101	74	94

По переписи 1897 года изъ 18 городовъ южной половины края въ 8 было латышей больше 50%, въ 7 больше 40% и въ 3 отъ 28—40%. Изъ числа этихъ же городовъ нѣмцевъ было отъ 30—37% въ 4-хъ отъ 20—30% въ 4-хъ, отъ 10—20% въ 8-ми и въ остальныхъ—даже менѣе 10%. Русскихъ было больше 20% въ одномъ городѣ, отъ 15 до 20% тоже въ одномъ, отъ 10 до 15% въ 4-хъ, отъ 5—10% въ одномъ, а въ оставшихся 11 городахъ русскихъ было менѣе 5%. Въ нѣкоторыхъ мелкихъ городахъ Курляндіи значительную часть населенія составляютъ евреи. Городовъ съ еврейскимъ населеніемъ, превышающимъ 30% всего населенія было 4, съ еврейскимъ населеніемъ отъ 10 до 30%—6, а въ остальныхъ городахъ евреевъ было меньше 10%. Относительное или абсолютное большинство латыши составляютъ въ 88% всѣхъ городовъ южной половины края, а въ остальныхъ городахъ большинство составляютъ евреи.

Въ то время, какъ въ городахъ Курляндіи довольно замѣтное мѣсто занимаютъ евреи и литовцы, въ эстской

части Прибалтійскаго края приходится считаться только съ эстами, русскими и нѣмцами. Такъ въ Эстляндіи (въ городахъ и уѣздахъ) по переписи 1897 года было:

	Всего	%
Эстовъ	365,959	88,67
Русскихъ	20,899	5,07
Нѣмцевъ	16,037	3,90

Въ городахъ и уѣздахъ сѣверной части Лифляндіи эстовъ было 92%.

Въ послѣднее время въ жизни края города пріобрѣтаютъ все больше и больше значительную роль. Непрерывно увеличивается число городовъ: незначительныя мѣстечки превращаются въ крупные населенные пункты, и число жителей большинства старыхъ городовъ непрерывно возрастаетъ.

Еще въ началѣ XIX столѣтія сельское населеніе составляло 94,5% всего населенія Курляндіи. Въ латышской части края было всего 3 города съ населеніемъ больше чѣмъ 2,000 человѣкъ, а къ 1910 г. такихъ мѣстъ было болѣе 40. Темпъ роста городовъ характеризуется ростомъ нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ городовъ [1])

	Рига	Либава	Виндава
1760 годъ [2])	14,028	—	—
1801 „ [3])	—	4,506	1,169
1823 „ [4])	39,908	5,852	—
1863 „	77,468	9,970	3,701
1867 „	102,590	—	—
1881 „	169,329	29,611	5,872
1897 „	282,230	64,489	7,127
1911 „	—	83,650	—
1913 „	517,522	—	свыше 30,000

[1]) Безъ указанія источниковъ—по оффиціальнымъ сообщеніямъ результатовъ переписи соотвѣтствующихъ годовъ.

[2]) Statistisches Jahrbuch d. Stadt. Riga, Th. I, 1891.

[3]) Derschau u. Kayserling. Beschreibung d. Provinz Kurland. Mitau 1805.

[4]) Bienenstamm. Geographisch-statistischer Abriss. 1826.

Въ латышской части Прибалтійскаго края и въ 3 сѣверныхъ уѣздахъ Витебской губерніи въ 1863 г. жило въ городахъ 183,817 душъ об. пола, въ 1897 г.—550,583, а въ настоящее время почти *половина* всего населенія. Въ сѣверной—эстской—части края меньше крупныхъ городовъ, и вслѣдствіе этого тамъ до настоящаго времени преобладаетъ сельское населеніе. Такъ, въ Эстляндіи, гдѣ находится Ревель, самый крупный и промышленный городъ эстской половины края, городское населеніе по переписи 1897 г. составляло только 16,3% населенія всей губерніи. По „Статистическому Ежегоднику Россіи" (изд. 1915 г.) сельскаго населенія въ Эстляндіи 395,1 тыс., а городского 112,1 тыс., т. е. всего 22,1%.

Ростъ городовъ находится въ зависимости отъ развитія крупной промышленности. Сельскохозяйственные рабочіе массами хлынули въ города, гдѣ имъ предлагалась болѣе высокая заработная плата и болѣе сносныя условія существованія. Слѣдствіемъ этого было не только относительное, но и абсолютное уменьшеніе населенія въ нѣкоторыхъ сельскихъ округахъ. Для примѣра приведемъ три уѣзда—

Уѣзды безъ городовъ.	Число населенія по переписи		+ или —	% уменьшенія за время отъ 1881—1897 г.г.
	1881 г.	1897 г.		
Рижскій . . .	130,880	111,757	— 19,123	— 14,6
Баускій . . .	48,609	43,374	— 5,235	— 10,7
Добленскій .	69,832	64,458	— 5,374	— 7,7

Только въ уѣздахъ, отдаленныхъ отъ крупныхъ центровъ и лишенныхъ удобныхъ путей сообщенія, сельское населеніе не пошло на убыль.

Рига—самый крупный фабричный центръ края. Первыя фабрики въ Ригѣ были основаны въ концѣ XVIII вѣка. Ростъ Рижской индустріи характеризуютъ слѣдующія цифры:

Годъ	Число фабрикъ	Число въ фабр. занятыхъ рабочихъ	Сумма производства
1789 [1])	6	—	—
1834 [1])	33	1,593	—
1854 [2])	84	4,763	2,958,574
1874 [3])	141	11,798	16,295,654
1900 [4])	—	43,393	—
1910 [5])	—	61,220	137,256,344

Параллельно съ ростомъ крупной промышленности въ Ригѣ, развивается крупная промышленность и во многихъ другихъ городахъ и округахъ края. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій крупная промышленность въ среднихъ городахъ и даже сельскихъ округахъ росла быстрѣе, чѣмъ въ Ригѣ.

Всего въ латышской части Прибалтійскаго края въ 1910 г. было около 782 фабрикъ съ производствомъ въ 196,726,323 руб. Число рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности было 114,812 [6]). Это немного превышаетъ число рабочихъ крупной промышленности въ Финляндіи (107,828 въ 1905 г.) [7]). Изъ числа всѣхъ рабочихъ 64,5% заняты въ предпріятіяхъ съ болѣе чѣмъ 200 рабочими. Въ Лифляндіи каждый рабочій за годъ въ среднемъ производитъ товаровъ на 1940 руб., а въ Курляндіи на 1730 [8]). Въ настоящее время вслѣдствіе военныхъ событій почти совсѣмъ прекратилась дѣятельность крупныхъ промышленныхъ предпріятій въ латышской части края.

---

[1]) Das Rigasche Börsen-Comitè i. d. J. 1816—66, Beilage 3.

[2]) Число фабрикъ и рабочихъ по „Das Rigasche Börsen-Comitè, а сумма производства по „Военно-статистическое обозрѣніе Р. И.“ т. VII, ч. 2, СПБ. 1855.

[3]) D. Rigasche Börsen-Comitè.

[4]) N. Carlberg. Der Stadt Riga Haushalt u. Verwaltung. Anhang.

[5]) Списокъ фабрикъ и заводовъ Р. И. СПБ. 1910. По оффиціальнымъ даннымъ фабричнаго, податного и горнаго надзора.

[6]) Burtneeku Puhrs II, 1913, стр. 107.

[7]) Statistik Aorsbok för Finland. 1907.

[8]) Въ Московской губерніи производительность рабочаго—1,470, и въ Новгородской губ.—890 руб. „Burtneeku Puhrs“ II, стр. 99.

Въ Прибалтійскомъ краѣ имѣются двѣ категоріи землевладѣнія: помѣщичье и крестьянское. Большая часть земли все еще принадлежитъ помѣщикамъ, хотя размѣръ крестьянскихъ владѣній постепенно возрастаетъ. Около 46,4% всей земельной площади принадлежитъ дворянамъ, 43,0% крестьянамъ, 8,0% казнѣ, 2,8% церкви и 0,8% другимъ. Въ Лифляндіи 1,490,806 десятинъ культурной земли принадлежатъ мелкимъ владѣльцамъ, а 1,429,530 десятинъ владѣльцамъ дворянскихъ имѣній [1]). Слѣдовательно, 688, владѣльцамъ дворянскихъ имѣній принадлежитъ столько же земли, сколько 31,838 крестьянамъ. Дворянскія имѣнія часто достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ. Такъ, въ собственности 9 курляндскихъ дворянскихъ семействъ находятся 502,060 десятинъ земли, что почти равняется одной пятой части всей площади Курляндіи. Въ Виндавскомъ уѣздѣ 5 дворянскихъ имѣній составляютъ 64% всей площади уѣзда, а всего въ уѣздѣ—21 дворянское имѣніе. Среди крестьянскихъ владѣній преобладаютъ среднія. Въ Лифляндіи крестьянскія усадьбы дворянскихъ имѣній раздѣляются по величинѣ на слѣдующія группы [1]):

до 5 десятинъ	96	хозяйствъ	50—100 десятинъ		6,553
5—10 „	49	„	100—140	„	330
10—20 „	779	„	140—160	„	44
20—30 „	4,075	„	свыше 160	„	42
30—50 „	10,294				

Въ Лифляндіи средняя величина крестьянской усадьбы равняется 44,7 десятинамъ, а въ Курляндіи—33,5 [2]). Масса крестьянскаго населенія совершенно безземельна. Такъ, въ Курляндіи только на 8,8 сельскихъ жителей мужского пола имѣется одинъ владѣлецъ крестьянской усадьбы [3]).

[1]) По свѣдѣніямъ Лифляндскаго ландтага 1906 г. См. „Лифл. губернская подготовительная комиссія 1906 г.“ прил. къ стр. 168.

[2]) A. v. Transehe-Roseneck въ Baltische Bürgerkunde, s. 308.

[3]) Fr. Rosin. Latweeschu Semneeks, стр. 256.

Коренное населеніе Прибалтійскаго края поголовно грамотно. По переписи 1897 г. въ Россійской Имперіи было грамотныхъ: мужчинъ—29,8%, а женщинъ—13,1%. Въ Прибалтійскомъ же краѣ процентъ грамотныхъ слѣдующій:

	На 100 мужчинъ грамотныхъ	На 100 женщинъ грамотныхъ
Эстляндія	79,2	80,5
Лифляндія	77,5	77,9
Курляндія	71,2	70,5
Прибалтійск. край	76,0	76,3

Прибалтійскій край—единственная область Россіи, въ которой грамотность среди женщинъ не только не меньше, чѣмъ среди мужчинъ, но даже выше.

Грамотность среди разныхъ группъ населенія отнюдь не распространена въ одинаковой мѣрѣ. Такъ, число грамотныхъ среди представителей отдѣльныхъ вѣроисповѣданій на 100 человѣкъ было слѣдующее:

	Въ Курляндіи	Въ Лифляндіи
Протестанты	77,1	80,9
Православные	57,8	69,9
Іудеи	53,6	61,1
Католики	50,6	60,8
Старообрядцы	14,5	27,0

Это различіе объясняется преобладаніемъ той или иной національности среди названныхъ вѣроисповѣданій. Такъ, на 100 представителей соотвѣтствующей національности въ Лифляндіи было грамотныхъ (по переписи 1897 г.):

	Мужчины	Женщины
Русскіе	61,6	41,7
Евреи	65,6	48,5
Поляки	68,9	58,0
Латыши	78,9	79,8
Эсты	79,4	81,2
Нѣмцы	82,2	84,1

Въ сельскихъ мѣстностяхъ среди латышей и эстовъ пропорціонально больше грамотныхъ, чѣмъ среди нѣм-

цевъ. Такъ, въ уѣздахъ Лифляндіи грамотныхъ среди нѣмцевъ—79,0% мужчинъ и 77,4% женщинъ; среди латышей—79,6% мужчинъ и 81,0% женщинъ, а среди эстскихъ женщинъ—81,1%. Характерно, что среди прибалтійскаго дворянства больше неграмотныхъ, чѣмъ среди крестьянъ. Такъ, изъ числа Курляндскихъ дворянъ въ возрастѣ отъ 10 до 60 лѣтъ неграмотныхъ—9,5%, а изъ крестьянъ того же возраста только 6,5%.

Въ связи съ грамотностью населенія стоитъ и широкое распространеніе органовъ періодической печати. До войны на каждыхъ 30.000 латышей и 26,000 эстовъ приходилось по одному періодическому изданію, а на каждыхъ 14 латышей ежедневно по одному экземпляру[1]).

Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи главный контингентъ населенія составляютъ лютеране, такъ какъ подавляющее большинство эстовъ, латышей и нѣмцевъ—лютеранскаго исповѣданія. По переписи 1897 г. было въ %%:

	Въ Лифляндіи	Курляндіи	Эстляндіи
Протестантовъ	79,5	76,2	89,7
Православныхъ	14.5	3,7	9,1
Католиковъ	2,8	11,1	0,5
Іудеевъ	2,8	7,6	0,8

Отсутствіе однообразія въ вѣроисповѣданіи населенія по разнымъ губерніямъ стоитъ въ тѣсной связи съ національнымъ его составомъ. Все же было бы ошибочно считать, что національность и вѣроисповѣданіе безусловно совпадаютъ. Такъ, среди латышей по переписи 1897 г. было 1,021,009 (76,5%) лютеранъ, 246,665 (18,4%) католиковъ, 58,382 (4,4%) православныхъ, 6,528 баптистовъ, 494 іудеевъ и др.

Половой составъ населенія Прибалтійскаго края даетъ, какъ и большинство губерній Европейской Россіи, численный перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами. При расчлененіи населенія на возрастныя группы, ока-

[1]) Газета „Dsihwe“ 1913, № 34, Либава.

зывается, что въ Прибалтійскомъ краѣ преобладаютъ лица въ возрастѣ отъ 20 до 59 лѣтъ. Во всей же Европейской Россіи количество населенія упомянутаго возраста составляетъ 44,1% изъ числа мужчинъ и 44,5% изъ числа женщинъ. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ перепись 1897 г. дала слѣдующія цифры [1]):

	% мужчинъ въ возрастѣ отъ 20 до 59 лѣтъ	% женщинъ въ возрастѣ отъ 20 до 59 лѣтъ
Эстляндія	49,3	49,5
Лифляндія	50,7	50,6
Курлянаія	48,4	48,4
По краю	49,3	49,3

Возрастный составъ населенія находится въ тѣсной связи съ сравнительно небольшой смертностью и рождаемостью. Смертность въ Прибалтійскомъ краѣ на 100 жителей въ среднемъ выражается цифрою въ 2,05, а рождаемость—2,90, въ то время какъ по всей Европейской Россіи соотвѣтствующія цифры 3,42 и 4,83, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже превышаютъ 4 и 5 [2]).

М. Скуевекъ.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ центральной Россіи % лицъ въ возрастѣ отъ 20 до 59 лѣтъ не достигаетъ даже 40.

[2]) Дядиченко и Германъ. Статистическій справочникъ.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
6	3 сн.	приходиться	приходится
7	18 сн.	тожество	торжество
11	10 св.	военнаго	военнаго
19	7 св.	много	многое
—	6 сн.	цѣмецко-балт.	нѣмецко-балт.
20	6 св.	выдвинуло	выдвинула
25	11-12 св.	протествовалъ	протестовалъ
39	11 св.	истино-нѣм.	истинно-нѣм.
44	1-2 св.	ослабила	ослабили
50	10 сн.	досциплина	дисциплина
61	4 сн.	Тогдашіе	тогдашніе
62	5 св.	нѣкотрыя	нѣкоторыя
87	13 св.	обсужденіи	въ обсужденіи
88	18 сн.	значущіе	значущіеся
89	3 св.	по силѣ	по смѣтѣ
104	8 св.	№ 256	№ 286
106	16 сн.	существуютъ	существуетъ
114	5 св.	создавшемся	создавшимся
129	9 сн.	приплачивать	переплачивать
—	6 сн.	выносилось	вносилось
134	10 сн.	сдѣльно по,	сдѣльно, по
159	8 св.	Галибъ	Гарлибъ
—	12 св.	въ Лейнцигѣ	въ Леппцигѣ
168	19 св.	Калевиноэгъ	Калевипоэгъ[1]
168	11 сн.	общенаціональный	общенародный
170	12 сн.	оно же	она же
173	1 св.	судѣйскихъ	судейскихъ
178 и 185	16 св. и 14 сн.	обрусѣнія	обрусенія
180	17 сн.	изученіе	въ изученіи
186	11 сн.	Fôuetud	Jôuetud
190	4 сн.	гильдійской	гильдійскій
192	21 сн.	Аписъ	Атисъ
—	17 сн.	Привземнегъ	Бривземнекъ

195	8 св.	кристической	критической
205	5 св.	народныя	народные
207	5 св.	позиціи	позицію
—	3 сн.	узко-сепаратическихъ	узко-сепаратистическихъ
218	1 сн.	умѣющіе	умѣющія
221	14 св.	отпускаетъ	отпускаютъ
241	16 св.	собравшіеся	собравшіяся
245	9 сн.	привеликимъ	превеликимъ
246	17 сн.	дѣятелей	дѣяній
254	2 сн.	русскія	русскіе
262	18 св.	приготовить	подготовить